

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СЕМАНТИКА РУССКОГО
ДИМИНУТИВА В МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ
СООТВЕТСТВИЯХ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ:
КОРПУСНОЕ
И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

Издательство Томского университета
2019

УДК 81–114.4 : 81 23
ББК 81.2–2– Рус

Рецензенты:

Н.Д. Голев – доктор филологических наук, проф.
Н.Б. Лебедева – доктор филологических наук, проф.
М.Б. Шкуропацкая – доктор филологических наук, проф.

Семантика русского диминутива в межъязыковых соответствиях и взаимодействиях: корпусное и экспериментальное исследование: Монография / Резанова З.И., Артеменко Е.Д., Васильева А.В., Филь Ю.В., Шиляев К.С. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. – 168 с.

ISBN 978-5-7511-2598-1

В монографии представлены результаты интерпретации семантики диминутивов – производных имен существительных русского языка, включающих компоненты эмоционально-оценочной семантики. Развитое диминутивное словообразование – яркая отличительная особенность деривационной подсистемы русского языка, объединяющая ее с другими славянскими языками и в значительной степени отличающая ее от деривационных систем других индоевропейских и неиндоевропейских, в том числе тюркских, языков. Авторы исследуют особенности реализации синкретичной семантики в условиях ее контекстной актуализации и особенности восприятия диминутивов носителями русского языка как родного и носителями тюркско-русского билингвизма, для которых родным языком является тюркский язык. Исследование построено на основе применения корпусных и экспериментальных технологий.

Для филологов, лингвистов, интересующихся проблемами компаративистики, психолингвистики, в сферу научных интересов которых входят проблемы русского языка, славянских и тюркских языков, вопросы языкового взаимодействия и билингвизма, активно применяющих корпусные и психолингвистические экспериментальные методы.

**УДК 81–114.4 : 81 23
ББК 81.2–2– Рус**

ISBN 978-5-7511-2598-1

© З.И. Резанова, Е.Д. Артеменко,
А.В. Васильева, Ю.В. Филь, К.С. Шиляев, 2019

Посвящаем
90-летию со дня рождения профессора
Маины Николаевны Янценецкой

Введение

АСПЕКТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ДИМИНУТИВОВ. СИНКРЕТИЗМ СЕМАНТИКИ РУССКИХ ДИМИНУТИВНЫХ СУФФИКСОВ

Российскими и зарубежными исследователями неоднократно отмечалась высокая степень эмоциональной насыщенности русской речи, формируемая в значительной степени с использованием ресурса деривационной системы. Развитое диминутивное словообразование – яркая отличительная особенность деривационной подсистемы русского языка, объединяющая ее с другими славянскими языками и в значительной степени отличающая от деривационных систем других индоевропейских и неиндоевропейских, например тюркских, языков¹.

Диминутивное словообразование является одной из трех основных функционально-семантических сфер деривационной системы, которые, в свою очередь, ранее нами были проинтерпретированы² в соотношениях с тремя базовыми аспектами семиозиса: семантика (мутационное словообразование), синтактика (синтаксическая деривация), прагматика (модификационное словообразование). Как показали предшествующие исследования, в том числе проведенные нами в 90-х гг. XX в., две последние сферы словообразования могут быть охарактеризованы как наиболее контекстно зависимые.

При этом именно модификационное словообразование, механизм которого направлен на выражение отношения говорящего к предмету речи, проявляет особый уровень текстовой открытости,

¹ *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411 с.; *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 240 с.; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. 276 с.

² *Резанова З.И.* Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 218 с.; *Резанова З.И.* Именная диминутивная деривация в механизмах выражения оценки // *Картины русского мира: Аксиология в языке и тексте.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194–231.

выражаемой в производном имени семантики, которая окончательно формируется в коммуникативном акте, в активном взаимодействии с элементами контекстного окружения.

Словообразовательно формируемую семантику производных этой группы характеризует особый функционально-семантический синкретизм – совмещение элементов дескрипции, рациональной и эмоциональной оценки, что достаточно хорошо отрефлексировано в русской научной традиции. Это своеобразие нашло отражение и в описании данных семантических моделей в русских академических грамматиках. В «Русской грамматике» оно маркируется самим названием группы – «уменьшительно-ласкательные», там же дано описание семантического варьирования словообразовательных типов с данными суффиксами¹.

Элементом, объединяющим разнообразие значений суффиксов диминутивности с семантикой других средств компонентов, является компонент «меньше нормы», который во всех вариантах занимает доминирующее место в структуре семантики, а значительное варьирование конкретных смыслов лексем определяется контекстно формируемым элементом – объектом нормативной оценки.

Основная функция словообразования диминутивов как класса модификационного словообразования заключается в создании нового слова для выражения оценочного отношения говорящего к предмету, названного производящим словом. При этом основание оценки может значительно варьироваться: прототипическое значение ‘меньше нормы размера, маленький’ реализуется в словах, обозначающих конкретные, измеряемые предметы (*домик, линейка, крышечка*); в других случаях, в зависимости от типа производящей основы, семантика производного может выражать меньшее количество вещества (*положить кашики, попить чайку* – ‘немного, незначительное количество’), незначительную интенсивность (*подул ветерок, прошел дождичек* – ‘слабый, неинтенсивный’; *утренняя пробежка* – ‘легкая, неинтенсивная’), малую степень социальной важности (ср., например, значение диминутива *бумажка* в значении ‘доку-

¹ Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 784 с.

мент, не являющийся социально или ситуативно важным¹ в контексте: *Что ты мне какие-то бумажки подкладываешь!*) и др.

Рационально-оценочное значение соединяется с эмоционально-оценочным, которое также может значительно варьироваться. В диминутивных суффиксах прототипическим является значение одобрения, ласкательности, однако под влиянием производящей основы и контекста этот компонент может также варьироваться от выражения отношения одобрения до уничижительности (ср.: *Зато парень вымахал рослый, красивый, может, бог даст, и умишком возьмёт. Хорошо бы. VS. ... А то ведь как: вот размахнулся на крестовый дом – широко жить собрался, а умишка, глядишь, – на пятастиенок едва-едва. Просадит силёнки до тридцати годов, нашумит, наорётся, а дальше – нишк. В. Шукшин*)¹.

Следует сказать также о том, что два смысловых ядра диминутива могут эмансипироваться друг от друга: в разных контекстах слово с диминутивным суффиксом может выражать только размерное или только ласкательное значение.

В формировании семантики диминутивности основной вклад вносит суффикс, в смысловой структуре которого мы также выделяем несколько функционально-смысловых центров: а) выражение рациональной оценки ‘меньше нормы’, «маленький» – *На соседнем столике над синим огоньком спиртовки возвышался кофейник, и два пиджона потягивали из крошечных чашечек кофе с ликером* (А.Н. Рыбаков)²; б) выражение эмоционального отношения к объекту – *Дня за четыре, если и утром и вечером посидеть, славный можно будет ножничек сделать, с кривеньким острым лезом* (А.И. □ Солженицын); в) волевое воздействие на слушающего – *Что бы вам с нами чайку выпить, Татьяна Осиповна?* (И.С. □ Тургенев); г) маркирование разговорного стиля – *Борменталь из сверкающей груди на столике вынул маленький брюхатый ножик и подал его жрецу* (М.А. Булгаков).

¹ Здесь и далее контексты приводятся из Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.02.2016).

² Национальный корпус русского языка / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2015. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.02.2017).

При анализе суффиксальной семантики, ее вклада в формирование словообразовательного значения следует учитывать, что суффикс – абсолютно связанная величина, никогда не реализующаяся вне контекстного окружения. Это, с одной стороны, порождает вполне закономерный вопрос о степени самостоятельности его значения, с другой стороны, ставит проблему типов и степени контекстного влияния на его реализацию, типов контекстов и их границ.

В данном исследовании мы обращаемся к обсуждению проблем реализации, восприятия и когнитивной обработки семантики суффикса и производной единицы, образованной с использованием диминутивных суффиксов, в различных типах контекстных условий. При решении данных проблем в качестве ведущих мы используем корпусные и экспериментальные методы.

Теория русского словообразования сформировалась как самостоятельная наука, совершив практически полный цикл развития с конца 60-х до конца 90-х годов XX в.: от выделения в качестве основных единиц форманта (минимальной единицы), производного слова (основной единицы) до их многоаспектного описания. Деривационная подсистема языка моделировалась как функциональное распределение словообразовательных типов и словообразовательных гнезд, в чем отразилось доминирование в тот период структурной модели описания языка. Рубежными являются академические грамматики 1970 (АГ–70)¹ и 1980 (РГ–80)² годов, представившие фундаментальную интерпретацию деривационной системы языка как совокупности и функционального распределения словообразовательных формантов и комплексных единиц – словообразовательных типов. Данный принцип использовался и при описании деривационных подсистем других социально ограниченных вариантов русского языка, к числу которых следует отнести русские говоры Среднего Приобья³. В фундаментальных словарях А.Н. Тихонова русский деривационный уровень предстает как система словообразовательных

¹ *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: Наука, 1970.

² *Русская грамматика*. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 784 с.

³ *Русские говоры Среднего Приобья*. Томск, 1989. Т. 2.

гнезд, организованных как отражение последовательности порождающих операций на основе производных единиц¹.

Формант и производное слово, особенности их формы, семантики, функционирования исследовались на основе применения базовых структурных методов анализа – дистрибутивного и оппозитивного (компонентного).

Словообразовательный аффикс, единица с абсолютно связанным значением, не реализуемая вне контекстной сочетаемости, моделировалась на основе анализа типовой сочетаемости в соответствии с общими методологическими установками структурного описания языка. В «Русской грамматике» (РГ–80), например, фиксируется последовательно тип значения аффикса, тематические ограничения производящих основ (зачастую перечислительно) и функциональные типы речи – сферы преимущественной реализации производных слов.

Классическая теория словообразования, дав целостную модель системного устройства деривационной подсистемы, в дальнейшем обогащалась активно развиваемыми в последнюю треть XX века подходами и методами функциональной парадигмы.

На основе базовой теоретической идеи о включенности словообразовательного механизма в более общую модель порождения текста разрабатываются схемы анализа, реализующие выход к когнитивным и коммуникативным основам запуска и реализации деривационного механизма².

Основываясь на результатах исследования деривационного механизма, осуществленного на основе применения структурных методов, исследователи расширяют спектр применяемых методов,

¹ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1990.

² Янценецкая М.Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 167–192; Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981; Араева Л.А. Словообразовательный тип в аспекте новой научной парадигмы // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 205–211; Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 2015; Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск, 1996; Резанова З.И. Именная диминутивная деривация в моделях выражения оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск, 2005. С. 196–234.

включая приемы комплексного текстологического и дискурс-анализа, когнитивного и психолингвистического моделирования, в том числе экспериментальные.

Представляется, что ключевой проблемой при такого рода парадигмальных научных переходах и взаимодействиях является определение релевантности новых методов, их взаимной дополнительности и взаимной верифицируемости полученных результатов.

В центре внимания находится интерпретация действия словообразовательного механизма, с одной стороны, «запускаемого» с использованием ресурса системы, смоделированной в работах структурного периода, с другой – приводящего к ее модификациям в механизмах текстовой (дискурсивной) актуализации.

Результатом бурного развития корпусной лингвистики на рубеже XX и XXI вв. стало не только формирование текстологической базы принципиально нового объема, но и создание по сути нового исследовательского инструментария, позволяющего проинтерпретировать текстовые условия актуализации смыслов, жанровые, стилевые, тематические ограничения на реализацию той или иной семантики. Эти возможности инструментария современных корпусов особенно важны при изучении семантики диминутивов, в которых свойство текстового «достраивания» смыслов является яркой отличительной особенностью. Применение корпусных данных позволило авторам монографии существенно дополнить и уточнить выводы, полученные в более ранних исследованиях.

В первой главе мы сравниваем использование единиц с тождественным денотативным значением в русском, чешском, польском, болгарском и английском языках. Главными источниками анализа послужили данные основных подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<http://www.ruscorpora.ru/>) и Českého národního korpusu (ČNK) (<https://www.korpus.cz/>) и трех параллельных подкорпусов – русско-польского, русско-болгарского, русско-английского.

Данные о семантическом и функциональном своеобразии русской диминутивной деривации, полученные с использованием текстологических, корпусных технологий, позволяют поставить вопрос о психологической релевантности семантики и функции деривационного суффикса, о своеобразии когнитивной обработки диминутива под влиянием контекстных, социолингвистических и этноязыко-

вых факторов на основе применения психолингвистических экспериментальных аппаратных методов анализа.

Решение ряда исследовательских задач, представляемых во второй главе монографии, непосредственно связывается нами с данными, полученными в первой главе работы. Применение экспериментальных методов позволяет по-новому аспектировать проблемы контекстной (внутри- и межсловной) зависимости реализации семантики диминутивного суффикса, поставить и решить вопросы этноязыковой и социолингвистической обусловленности восприятия семантики суффикса.

Во второй главе монографии предметом анализа является своеобразие когнитивной обработки диминутивных суффиксов и производных диминутивов, системы оценок разнотипных компонентов синкретичной семантики диминутивов носителями русского языка и билингвами, влияние контекстных, социальных, этноязыковых факторов на их обработку, что позволяет с помощью данных методов проинтерпретировать своеобразие семантики диминутивного суффикса.

Обращаясь к семантике диминутивного суффикса как связанной единицы языка, мы выявляем:

1) определяются ли эмоционально-оценочные компоненты семантики данного типа суффиксов носителями русского языка вне контекста его использования;

2) зависит ли восприятие семантики деривационного суффикса и диминутива в целом от эмоционально-оценочных значений лексем, составляющих внесловный контекст его использования.

При этом при решении первой задачи мы в качестве исходных данных опираемся на структурное описание значений и функций деривационных аффиксов, представленных в РГ-80, а также анализ значений в ряде монографических исследований¹. При решении второй задачи мы опираемся на результаты исследований, полученных на основе применения методик коммуникативно-функционального подхода к исследованию русской деривационной системы² и др., а

¹ Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. С. 160–164; Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984. С. 80–97; Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 117–136;

² Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск, 1996; Резанова З.И. Именная диминутивная деривация в

также на результаты современных корпусных исследований, представленных в первой главе.

Применение экспериментальных методов позволяет также проинтерпретировать оценку носителями языка вклада в синкретичную семантику диминутива компонента эмоциональности и характер корреляции эмоциональной семантики русских диминутивов с психолингвистически релевантными параметрами: оценочностью, контекстуальной соотнесенностью, частотностью, возрастом усвоения; выявить специфику корреляции параметров в группе лексем-диминутивов в сравнении с оценочными и нейтральными единицами других классов.

Обращаясь к исследованию социокультурных факторов, мы останавливаемся на изучении влияния гендерных различий в восприятии диминутивов. Выбор для анализа данного аспекта социальной детерминированности процессов восприятия производных единиц с использованием экспериментальных методик определяется также наличием значимых выводов, полученных в гендерной лингвистике с помощью структурных и функциональных методов исследования. В настоящее время в гендерной лингвистике сложилось устойчивое представление о том, что различие эмоционального фона мужской и женской речи – одна из ярких речевых черт, их противопоставляющих, в том числе и русскоязычной коммуникации¹.

Накопленные объективные данные о характере эмоциональности мужской и женской речи позволяют выдвинуть гипотезу о различии *восприятия данных единиц мужчинами и женщинами*. Языкознание в этой парадигме исследует широкий круг проблем, начиная от изучения различий в речевом поведении представителей разных полов

моделях выражения оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск, 2005. С. 196–234; *Нагель О.В.* Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.

¹ *Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. М., 1993. С. 90–136; *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999; *Кирилина А., Томская М.* Лингвистические гендерные исследования. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html (дата обращения: 08.04.2017); *Крючкова Т.Б.* Некоторые исследования особенностей использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 186–199.

и до исследований отражения гендерных оппозиций в языковых структурах.

В качестве базового эмпирического материала, на основе анализа которого выстраиваются концепции гендерной лингвистики, используются прежде всего тексты, противопоставленные по гендерным различиям субъектов, их создавших. Текстологические исследования гендерных различий в процессах текстопорождения, их результатах – особенностях текстовых структур – имеют длительную историю, и к настоящему времени получены интересные, значимые выводы о моделях речевого поведения, противопоставляющих мужчин и женщин, на материале разных языков, в том числе русского¹, о специфике использования языковых единиц разных уровней в мужской и женской речи в различных дискурсах и конкретных жанрах². Одним из значимых выводов, полученных в рамках данного направления, является вывод о различии эмоционального фона мужской и женской речи, что, являясь отражением различий коммуникативных стратегий и тактик, находит воплощение в различии использования

¹ Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование. М.: Наука, 1993. С. 90–136; Вернер Ф. Речевое поведение женщин и мужчин // Языкознание: РЖ ИНИОН РАН. Сер. 6. М., 1984. С. 116–135; Горошко Е.И. Теоретическая модель мужского и женского вербального поведения // Маркеры вербального и невербального поведения мужчин и женщин. Вена; Киев, 1996. С. 1–80; Першай А. Гендерные аспекты речевого поведения // Иной взгляд : международный альманах гендерных исследований. Май 2000. Минск, 2000. С. 11–12; Гришаева Л.И. Пол коммуниканта как прагматический феномен // Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы Первой международной конференции. 25–26 ноября 1999 г. М., 1999. С. 38–39.

² Курилович Н. Языковая репрезентация гендера // Иной взгляд : международный альманах гендерных исследований. Май 2000. Минск, 2000. С. 26–27; Mukherjee A., Liu B. Improving Gender Classification of Blog Authors // Proceedings of the 2010 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, 2010. P. 32–38; Yan X., Yan L. Gender Classification of Weblog Authors // Computational Approaches to Analyzing Weblogs. AAAI, 2006. P. 18–26; Argamon Sh., Koppel M., Fine J., Shimoni A.R. Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts // Text & Talk. 2003. Vol. 23, № 3. P. 321–346; Степаненко А.А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17–25.

языковых единиц – лексических (эмоционально-оценочных единиц разных классов), синтаксических (конструкции экспрессивного синтаксиса), фонетических (или в особых графических маркерах эмоционального фона речи в письменной, прежде всего компьютерно опосредствованной коммуникации)¹. Заметим, что, говоря об использовании каких-либо языковых единиц как о признаке, противопоставляющем мужскую и женскую коммуникацию, исследователи имеют в виду различия в количественном преобладании единиц и тенденциях их разнотипного использования.

Обращаясь к проблеме гендерных различий в восприятии диминутивов, мы исследовали степень различий реакций мужчин и женщин на восприятие как диминутива в качестве целостной единицы, так и диминутивного суффикса как такового. Авторы манипулировали разными параметрами текстового окружения суффикса и диминутива, которые потенциально могли повлиять на восприятие диминутивного суффикса и диминутива, добавляя в качестве переменной тип гендерной принадлежности субъекта восприятия, что позволило не только выявить некую общую тенденцию, но и аспекты многофакторных интеракций.

В психолингвистической парадигме исследований восприятия эмоциональности языка одной из актуальных проблем является проблема связи эмоциональности со вторым языком, что мотивировано прежде всего тем, что эмоциональные ассоциации слов устанавливаются, как правило, в детстве².

Проанализированная литература, а также полученные ранее результаты послужили основанием формулирования гипотезы о том, что эмоциональность вступает во взаимодействие и с другими семантическими и психолингвистически релевантными параметрами, влияющими на обработку слова, которые не контролировались в

¹ Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование. М.: Наука, 1993. С. 90–136; Вернер Ф. Речевое поведение женщин и мужчин // Языкознание: РЖ ИНИОН РАН. Сер. 6. М., 1984. С. 116–135; Степаненко А.А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17–25.

² Pavlenko A. Affective processing in bilingual speakers: Disembodied cognition? // International Journal of Psychology. 2012. Vol. 47, № 6. P. 405–428.

наших предыдущих исследованиях. Кроме того, мы предполагаем, что носители русского языка как материнского и билингвальные испытуемые будут по-разному оценивать эмоциональные единицы.

Итак, в первой главе мы рассматриваем на примере единиц двух семантических классов – существительных с временным значением и существительных со значением вещества (на примере лексем *чай* – *чаек*, *пиво* – *пивко*) контекстуальное варьирование семантики диминутивного суффикса и диминутива как комплексной деривационной единицы. Контекстуальное варьирование русских диминутивов интерпретируется с использованием методики анализа переводных соответствий, осуществляемого с использованием ресурсов национальных корпусов славянских языков и параллельных подкорпусов НКРЯ.

Вторая глава посвящена анализу когнитивной обработки соответствующих единиц в восприятии носителей русского языка как родного и билингвами. Как было отмечено ранее, синкретичная семантика диминутива включает два семантических центра – обозначение малого размера объекта и выражение эмоционального отношения к нему. Оба эти компонента семантики проанализированы во второй главе в разных аспектах. В первой части главы анализируется восприятие эмоционально-оценочных, экспрессивных компонентов семантики диминутивного суффикса и диминутива в целом в зависимости о варьирующихся характеристик внутреннего и внешнего контекста и социальных особенностей респондентов и их этноязыкового опыта. В заключительной части главы представлены результаты экспериментального исследования влияния номинаций больших и маленьких объектов на выполнение когнитивных задач параметризации.

Отметим, что значительная часть результатов проведенных исследований, представленных в данной монографии, была ранее опубликована авторами в виде статей (в тексте монографии даны ссылки на первые публикации), однако мы посчитали необходимым их объединить, в ряде случаев перестроив структуру подачи данных, чтобы представить анализ диминутивов одновременно в нескольких перспективах.

Глава 1

СЕМАНТИКА РУССКОГО ДИМИНУТИВА В МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЯХ. КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

1.1 Материал и метод

Национальный корпус русского языка является репрезентативным и сбалансированным корпусом. О репрезентативности корпуса говорят тогда, когда состав его текстов (всегда ограниченный по отношению к национальному языку) способен удовлетворительно отражать закономерности его системного, функционального устройства на разных уровнях и применительно к максимальному количеству языковых элементов и структур². Репрезентативным корпус считается, если его текстовый объем превышает 100 млн словоупотреблений, что позволяет не только выявлять наличие языковой единицы в текстовых актуализациях, но и получать данные об ее частотности.

Сбалансированность НКРЯ состоит в том, что он «содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицисти-

¹ Материалы раздела были ранее представлены в публикациях авторов: *Резанова З.И.* Субъективные образы времени в современных славянских языках: диминутивные модели // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 161–173; *Филь Ю.В., Резанова З.И.* Dáme si pivko nebo čajíček? Жанровые и контекстуальные условия использования диминутивов в русском и чешском языках // Русин. 2018. № 2 (52). С. 193–206; Perception of diminutive suffixes context and social factors // Четвертый Санкт-Петербургский зимний симпозиум по экспериментальным исследованиям языка и речи / The Fourth Saint Petersburg Winter Workshop on Experimental Studies of Speech and Language Collected papers / под ред. Н.А. Слюсарь, Т.Е. Петровой и Т.В. Черниговской. 2018. С. 90; *Резанова З.И., Шиляев К.С.* Национальный корпус русского языка в обучении особенностям использования русских диминутивов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5. С. 634–639.

² *Перцов Н.В.* О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2006». СПб., 2006. С. 318–331.

ческие, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т.п.), и что все вышеуказанные тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода»¹.

В литературе было неоднократно отмечено, что данные корпуса позволяют уточнить и расширить представление лингвистов о так называемой языковой реальности². О проблемах интерпретации диминутивов в подкорпусе устной речи НКРЯ писала М.Д. Воейкова³. Проблемы использования параллельных корпусов в разных аспектах, в том числе в практике преподавания языков как иностранных, в настоящее время активно обсуждаются⁴.

Репрезентативность и сбалансированность НКРЯ позволяют выявлять спектр текстовых актуализаций анализируемых единиц, определять типовые контекстные лексико-семантические и морфологосинтаксические условия актуализации каждого из выделенных смыслов в различных жанровых и стилевых разновидностях языка.

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2015. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

² *Перцов Н.В.* О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2006». СПб., 2006. С. 318–331; *Перцов Н.В.* К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Рус. яз. в науч. освещении. 2006. № 1(11). С. 227–245; *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 7–20.

³ *Воейкова М.Д.* Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 353–373.

⁴ *Добровольский Д.О.* Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 383–401; *Добрушина Н.Р.* Как использовать Национальный корпус русского языка в образовании? // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик. 2005. С. 308–329; *Добрушина Н.Р.* Корпусные методики обучения русскому языку // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 335–352; *Нагель О.В.* Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.

Применительно к анализируемой лексике данные основного корпуса НКРЯ позволяют расширить представление обучающихся: 1) о широте спектра варьирования суффиксального значения; 2) о типовых контекстных условиях актуализации каждого из выделенных смыслов, наличии/отсутствии типовых лексических связей при актуализации того или иного смысла, о типовых морфолого-синтаксических конструкциях актуализации; 3) о частотности диминутива по отношению ко всему составу единиц, а также относительной частотности текстовых вариантов по отношению к общему числу анализируемых единиц; 4) о степени функционально-семантической однородности диминутивов одной тематической группы. Характер метаразметки НКРЯ позволяет выявить наличие дискурсивной и жанровой специализации тех или иных значений лексемы, оценить соотношение их частотности и динамику их актуализации на протяжении трех столетий в письменных жанрах русской речи.

Анализ данных основного подкорпуса показывает, что спектр возможных значений диминутивного суффикса ограничивается значением производящей основы, которая конкретизирует семантический компонент общего параметрического значения суффикса 'меньше нормы'. При этом диминутив представляет собой своеобразную упаковку потенциальных смыслов, и определить его значение вне контекстного употребления невозможно, в том числе направление конкретизации компонента 'меньше нормы'.

Казалось бы, функциональная направленность диминутивных суффиксов на выражение семантики 'меньше нормы размера' в соединении с эмоцией ласкательности препятствует их присоединению к единицам, называющим точные отрезки времени: стакан может быть больше или меньше по размеру, что является основанием возможности образования уменьшительного производного от имени (*стакан* – *стаканчик*), но *минута* называет строго фиксированный отрезок времени, не варьируется по размеру. Однако такие производные есть в разных языках, и их существование в наиболее яркой форме проявляет семиотический смысл данного типа деривации – выражение субъективно-оценочного отношения говорящего к объекту или факту действительности, в данном случае более ярко проявляется смысл смягчительности, субъективный характер оценки,

говорящий подчеркивает, что он воспринимает данный период времени как небольшой, это коммуникативно актуальный смысл.

В диминутивных дериватах типа *минутка*, *денек* и под. актуализируется смысл субъективного переживания времени: говорящий подчеркивает, что считает называемый отрезок времени незначительным, маленьким, и это значение является дополнительным по отношению к обозначенному корневой морфемой значению отрезка времени. Возможность появления диминутивных дериватов, актуализирующих значение субъективного переживания отрезка времени как очень маленького, поддерживается развитием у исходных единиц производного значения неопределенно маленького отрезка времени¹. Например, значения точных временных отрезков (*секунда*, *минута*, *день*, *неделя*, *месяц*, *год*) накладывают ограничение на реализацию прямого значения «меньше нормы», так как в их семантике нет признака градуируемости. Однако данные лексемы присоединяют уменьшительные суффиксы, при этом в производных сохраняются своеобразные смысловые рефлексy размерности, задаваемые суффиксальной семантикой. В таких производных значение «меньше нормы» трансформируется в экспрессивный компонент «всего лишь»: *Не надо рисковать. Подожди секундочку, я тебе что-нибудь принесу* (Л. Вайсбергер); *Денька на два навестишь, может быть?* (А.Н. Арбузов). Значение диминутива актуализирует значение «маленький», которое ему приписывает говорящий, оценивая данный отрезок времени относительно ситуативно формируемой нормы времени, потенциально превышающий данный. В контекстах *он пробыл у меня час* и *он забежал на часок* обозначено одно астрономическое, но разное субъективное время: во втором контексте говорящий подчеркивает, что этот час переживается им как отрезок меньше желаемого (или типичного) времени; второй контекст отличается также и значительно меньшей «мерой ответственности» говорящего за точность определения времени.

Данные НКРЯ позволяют выявить тенденции типовой лексической сочетаемости при выражении разного рода значений и жанровые предпочтения. Типичные жанры реализации экспрессивного значения – жанр приглашения, типичные конструкции: *на* + дими-

¹ Такие переносные значения отражаются в академических толковых словарях, хотя и не всегда последовательно.

нутив в вин. падеже в сочетании с (или с контекстно опущенными) глаголами в повелительном наклонении: *на недельку, на секундочку, на денек, на вечерок. И уж молились в вагонах: миленький, ну встань на секундочку...* (А.И. Приставкин); *Извините! На минутку! Лично пригляжу за филейчиками* (М.А. Булгаков). В качестве лексических актуализаторов экспрессивной семантики выступают частицы *ну, хоть, только* и под. Типовые позиции в нарративах – диминутив в вин. пад. в сочетании с глаголами ограничительного способа действия: *Конечно, он ей никто, посидели часок в «Национале», прошивырулись по Александровскому саду, поболтали...* (А.Н. Рыбаков); конструкции с отрицанием: *ни секундочки, ни минутки*.

При актуализации значения положительной эмоциональной оценки мы наблюдаем также возможность своеобразного метонимического расширения их референтной отнесенности: *денек, неделька, вечерок* оценивается как «хороший», вызывающий положительные эмоции потому, что он наполнен событиями, вызывающими такие эмоции. Для актуализации данных значений типичны контексты нарративов, речевые жанры рассказа. В качестве непосредственных актуализаторов выступают лексические единицы с положительной коннотацией: *Так вот в то проклятое время открылась калиточка нашего садика, денек еще, помню, был такой приятный, осенний* (М.А. Булгаков).

Усилительное, экспрессивное значение может эмансипироваться от порождающего смысла «меньше нормы», выступая как средство интенсификации эмоционального отношения говорящего, в том числе может использоваться и с косвенной референтной отнесенностью – служить средством усиления экспрессии, выраженной в предикате высказывания. При этом контекст может «снять» значение положительной оценки: диминутив может быть проинтерпретирован как компонент сложной многокомпонентной структуры (*Ну и..., Что за...*), выражающей значение «отклоняющийся в значительной степени от нормы, по мнению говорящего, который испытывает по этому поводу сильные эмоции». Характер же положительных или отрицательных эмоций зависит от эмоционально-оценочных смыслов единиц контекстного окружения: *Этого следовало ожидать. Чертов выжига, он еще кому-то кусок отдал. Ну и денек!* (Б. Акунин. Ф.М.).

Как уже было отмечено, контексты НКРЯ позволяют выявить типичные дискурсивные, жанровые, конструктивные позиции актуализации данных смыслов. Как показал анализ, сфера преимущественной актуализации диминутивов *денек, неделька, часок* и в экспрессивном значении ‘всего лишь’, и в эмоционально-оценочном значении – разговорная и художественная речь; в последней диминутив также является средством создания разговорного стиля. Анализ распределения диминутивов по подкорпусам, выделенным на основании функционального стиля речи как базового дифференциального признака, также позволяет проинтерпретировать стилистический ресурс использования диминутива.

Важной характеристикой, определяющей понимание специфики функционирования единицы в разного рода дискурсах, является определение ее частотности. Так, при изучении русского языка необходимо понимание того, что, хотя диминутивы являются яркой отличительной чертой русской разговорной речи, их частотность в языке в целом относительно невелика. Данные НКРЯ представляют не только относительную частотность диминутива и его производящего имени, но и динамику ее изменения на протяжении трех последних столетий: ср. *ipm* (количество единиц на миллион словоупотреблений) на рубеже XX и XXI вв. (с выравниванием показателя в 10 лет): *минутка* (13,7–8,8) и *минута* (508,0–337,3), *секундошка* (0,09–1,5) и *секунда* (57,8–111,1), *денек* (6,7–4,6) и *день* (1629–1274,4), *неделька* (3,2–5,1) и *неделя* (214,5–255,4), *годик* (1,4–4,07), *годок* (2,3–1,9) и *год* (2413,4–3779,4).

При этом более показательным является установление относительной частотности использования диминутивов в разных типах дискурсов и речевых жанров.

Обращение к текстовой базе основного корпуса позволяет также обнаружить характер общности и различий выявленных тенденций в пределах выделенной лексико-семантической группы. Корпусные данные свидетельствуют, что имена минимальных временных отрезков *минутка, секундошка* используются прежде всего для выражения экспрессивных смыслов ‘всего лишь’, сфера их преимущественной актуализации – жанры волеизъявления, вежливого приглашения либо нарративы с сочетанием с глаголами ограничительного или смягчительного способа действия (*посидеть, поговорить, присесть, приостановиться* и под.), в то время как диминутив *вечерок*

чаще всего используется в нарративных контекстах для выражения эмоционально-оценочных смыслов, чаще всего в соединении также со смыслом ‘всего лишь’, ‘недолго’. Отличительная особенность диминутивов *годик*, *годок* – их функционирование в контекстах разговоров о детях, с метонимическим расширением ласкательных смыслов, ср. типичная форма обращения к ребенку: *Сколько нам годиков?*

Использование параллельных корпусов в разнонаправленных лингвистических исследованиях в настоящее время также активно обсуждается¹. Потенциал использования русско-английского параллельного подкорпуса НКРЯ при изучении русских синкретичных производных раскрывает О.В. Нагель². Направленность привлечения данных основного и параллельных подкорпусов НКРЯ в аспекте преподавания русского языка как иностранного в англоязычной аудитории рассматривается применительно к диминутивам также на примере лексем со значением временных отрезков³, анализируются соответствия по русско-английскому подкорпусу, где русский язык представлен и как язык оригинального текста (L–1), и как язык перевода (L–2). Привлечение данных параллельного подкорпуса позволяет не только выяснить, какие ресурсы на каких уровнях языка привлекаются для передачи смыслов русских диминутивов, но и оценить характер функциональных корреляций и смысловых соответствий в пространстве высказываний. Потенциал привлечения

¹ Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 383–401; Добрушина Н.Р. Корпусные методики обучения русскому языку // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 335–352; Нагель О.В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.

² Нагель О.В. Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ) // Русин. 2015. № 3 (41). С. 226–240.

³ Резанова З.И., Шиляев К.С. Национальный корпус русского языка в обучении особенностям использования русских диминутивов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5. С. 634–639.

этого же подкорпуса в преподавании английского языка в русско-язычной аудитории анализировался в работе О.В. Нагель и др.¹

Параллельный подкорпус позволяет выделить аспекты интерпретации сложных синкретичных смыслов диминутива в условиях межъязыковой коммуникации с учетом структурных особенностей языка-реципиента, определить, какие ресурсы на каких уровнях языка привлекаются для передачи смыслов русских диминутивов, равно как и характер функциональных корреляций и смысловых соответствий в пространстве высказываний. Реализованные переводческие стратегии интерпретируются как результаты метаязыковых рефлексий смыслового и функционального потенциала диминутива, актуализированного в контексте. Такой подход к анализу переводных соответствий, к анализу ресурсов параллельных корпусов текстов находим в работах О.В. Нагель. Данные параллельных подкорпусов НКРЯ позволяют выявить также типичные жанровые и конструктивные позиции актуализации смыслов диминутивов, реализованные в художественных текстах.

1.2 Семантика диминутивов-существительных с временной семантикой в зеркале межъязыковых соответствий

В разделе представлен анализ влияния конситуативных факторов на реализацию диминутивной семантики, расширяющий границы до жанровых и далее дискурсивных факторов, исследующий «этнокультурно обусловленные типовые социальные ситуации» как прототипические ситуации порождения и активного использования данных единиц. Эта задача может решаться только с привлечением материала разных языков. В данном разделе мы сравниваем использование единиц с тождественным денотативным значением в русском, чешском, польском, болгарском и английском языках.

Инвариантный компонент семантики корня («обозначение точных отрезков времени») препятствует реализации значения суффикса («меньше нормы») без дополнительных модификаций. Именно

¹ Нагель О.В., Темникова И.Г., Верхотурова Н.А. Когнитивные исследования языка и методология обучения иноязычному дискурсу (словообразовательный аспект) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2. С. 33–40.

данный тип внутреннего контекста диминутивного суффикса актуализирует семантику субъективного переживания говорящим факта отклонения от нормы, в данном случае – нормы времени для осуществления какого-либо события: говорящий подчеркивает, что считает называемый отрезок времени незначительным, маленьким.

Особым образом в рассматриваемых диминутивных производных трансформируется и эмоционально-оценочное значение суффикса, так как производящие основы называют концепты высокой степени абстракции. Как было нами ранее показано на материале русских диминутивов, суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением при присоединении к именам точных отрезков времени могут выражать три относительно независимых прагматических значения:

1) субъективное переживание говорящим данного отрезка времени как незначительного, маленького и имплицитную этим отношением положительную эмоцию: событие может осуществиться или интерпретироваться как осуществляемое в короткий промежуток времени, что вызывает положительную эмоцию говорящего;

2) субъективное отношение к событийному ряду, соотносимо с данным отрезком времени: в этом случае эмоционально-оценочный смысл единицы не связан с семантикой ‘маленький’ и в наибольшей степени зависит от семантики контекста;

3) отношение говорящего к ситуации в целом, к субъекту, характеризующему диминутивной формой со значением времени: диминутивная форма в таких контекстах полностью утрачивает значение уменьшительности, являясь одним из средств выражения экспрессивности. Диминутив в таких конструкциях имеет значение ‘отклоняющийся в значительной степени от нормы, по мнению говорящего, который испытывает по этому поводу сильные эмоции’.

Отмеченные значения диминутивов характеризуются различной дистрибуцией: маркируются разными типами синтаксических конструкций и типами лексического окружения.

Семантика словообразовательного суффикса существительных, образованных от имен со значением вещества, имеет два смысловых центра: собственно оценочный ‘немного, небольшое количество’ и прагматический – выражение отношения говорящего к предмету, через его посредство к адресату, всей ситуации общения. Диминути-

вы этого класса проявляют также значительную степень контекстуальной зависимости реализации семантики.

Однако частные различия семантики корня, расширение именуемых производящим именем отрезков времени от *секунда* до *год* обуславливают варьирование спектра возможных актуализаций суффиксальных диминутивных значений.

Единицы, обозначающие маленькие и очень маленькие отрезки времени, – *секундочка*, *минутка*, *минуточка*, актуализируют только размерно-оценочное временное значение. Значение малого времени еще более актуализируется в устойчивых фразеологизированных формах – *на минуту*, *на минутку*, *на минуточку*: *Я на минуточку вышла – хотела посмотреть, идешь ли ты*" (В. Набоков). В данных лексемах и им подобных (в отличие от других диминутивных производных с семантикой времени) значение смещено от обозначения точного временного отрезка к семантике 'немного', синонимизируясь с производящими единицами *минута*, *секунда*, с другими обозначениями коротких временных отрезков (*миг*, *мгновение*, *момент*): *Эмма вспыхнула и поднялась. – Только на одну минуту! Я спешу домой...* (А. Беляев); – *Не сердись, брат, я только на одну минуту*, – сказала Дуня (Ф. Достоевский); *Соберись с силами, это всего на секундочку* (Т. Полякова).

В группе наименований средних и больших отрезков времени выделяются особым развитием семантики диминутивы *денек*, *денечек* и *годик* и *годок*, совмещающие значения субъективно малого времени и положительной оценки.

В рассматриваемых славянских языках (русском, болгарском и польском), относящихся к разным подгруппам славянской семьи, наблюдается достаточно широкое, но варьирующееся по условиям контекстной актуализации использование диминутивных суффиксов со словами, называющими точные отрезки времени: *секундочка*, *минутка*, *минуточка*, *денек*, *денечек*, *неделька*, *неделечка*, *годик*, *годок*, *годочек* (рус.), *chwileczka*, *minutka*, *dzionek*, *godzinka* (польск.), *секундичка*, *минутка*, *седмичка* (болг.) При наличии типологической общности деривационные системы современных славянских языков отличаются и по составу диминутивных производных имен (ср.: *день* – *денек* – *денечек* (рус.), *dzień*– *dzionek* (польск.), но *день* – ? (болг.); *неделя* – *неделька* (рус.), *седмица* – *седмичка* (болг.), но

tydzień – ? (польск)), и по спектру их семантического и функционального варьирования.

Как показал анализ, из трех значений – размерно-оценочного временного, эмоционально-оценочного и экспрессивного – диминутивные обозначения временных отрезков наиболее последовательно выражают первое значение. Это значение обозначается диминутивными производными, начиная от *секундочка* и заканчивая *годик*, *годо́к*, реализуясь в значительном количестве контекстов, типовых окружений. При этом каждая из единиц, выражая общее деривационное значение, характеризуется вариантным набором контекстных актуализаций.

1. Единицы *секундочка*, *минутка*, *минуточка*, обозначающие маленькие и очень маленькие отрезки времени, и их переводные эквиваленты в болгарском и польском языках – *секундичка*, *минутка* (болг.), *chwilka*, *chwileczka*, *minutka* – актуализируют только размерно-оценочное временное значение. При этом лексемы данной группы в наибольшей степени по отношению к другим диминутивным производным с временной семантикой смещают значение от обозначения точного временного отрезка на выражение смысла ‘немного’, синонимизируясь с производящими единицами *минута*, *секунда*, *chwila*, *minuta*, также утрачивающими значение точного временного отрезка и использующимися в значении ‘короткий, очень короткий период времени’, а также с другими обозначениями коротких временных отрезков (*миг*, *мгновение*, *момент* (рус.), *миг*, *момент* (болг.), *moment* (польск.) и под). Об этом свидетельствуют взаимные переводы типа *на минутку* (рус.) → *na sekundę* (польск.); *секунда* (болг.) → *минуточка* (рус.); *минута* (рус.) → *moment* (польск.): *Stach zatrzymał się na sekundę...* (Б. Прус) → *Stach na минутку остановился* (пер. Н. Модзелевская); *Czekajcie, czekajcie, jeszcze moment!* (St. Żeromski) → *Погодите, минутку погодите!* (пер. Е. Троповский, Е. Егорова); *...вы посидите минуточку здесь с товарищем Бездомным* (М. Булгаков) → *...поседете тут мѣничко с друга́ря Бездомни* (пер. Л. Минкова) и под.

Значение малого времени при переводе может выражаться непосредственно, в описательных конструкциях, или опосредствованно:

Idę na świeżego "Kuriera", akurat mam odrobinę czasu (У меня мало времени) (S. Żeromski) → *Я иду посмотреть последний номер «Курьера», у меня как раз есть минутка времени* (пер. Е. Усиевич);

Nie będę ci przeszkadzać, kilka tylko słów... (J. Andrzejewski) → *Не буду тебе мешать, я на одну минутку...* (пер. Н. Подольская); *My tylko na minutkę, wasze-ство...* – прошептал Звиздулин (А. Чехов) → *Ние само за малко, ваше-ство...* – пошепна Звиздулин (пер. К. Койчева); *Порфирий Петрович перевел на минутку дух* (Ф. Достоевский) → *Порфирий Петрович си пое дъх за миг* (пер. Г. Константинов).

Значение малого времени еще более актуализируется в отвлечении от семантики точных временных отрезков в устойчивых фразеологизированных формах – *на минуту, на минутку*:

Przysięgła, że nikogo obcego nie było. – Może wyszła na chwilę? – To już milicja dokładnie zbadła. (J. Chmielewska.) → *Может быть, она выходила на минутку? – Милиция уже это проверяла* (пер. В. Селиванова).

В сравнении с другими диминутивными обозначениями отрезков времени при взаимных переводах именно лексема *минутка* чаще всего заменяется на непроеизводные синонимичные лексемы. Безусловно, большая экспрессия диминутивного слова ощущается, однако о незначительности смысловой разницы свидетельствует то, что при существовании в польском языке диминутивных форм *chwileczka, minutka* русское слово *минутка* в большинстве контекстов при переводе заменяется на *chwila* (на 110 вхождений *минутка* переводные соответствия распределились следующим образом: 51 – *chwila* (46,3 %), 8 – *chwilka*, 7 – *chwileczka*, 3 – *minutka*). Таким образом, все диминутивные производные составляют 16,3 % переводных соответствий. Остальные переводческие соответствия (*godzinę, na kilka minut, na sekundę, na słóweczko, moment, kilka tylko słów, na kilka minut, jedna minuta, zaraz, jedną sekundę*) представлены единичными примерами и в совокупности составляют 26,1 %. Приведем примеры:

а) *chwila*: *A co, pan do mnie? – Pan pozwoli do nas na chwilę, tatu kilka pytań...* (J. Chmielewska) → *Я прошу вас зайти к нам на минутку, у нас к вам есть несколько вопросов....* (пер. В. Селиванова);

б) *chwilkę, chwileczka и minutka*: *Poświęćcie mi- Pomurnik oczami wskazał chudego zakonnika- jeszcze chwilkę* (A. Sapkowski) → *Уделите мне, – Стенолаз указал глазами на тощего монаха, – еще минутку* (пер. Е. Вайсброт); *Mnie? – Na chwileczkę. Od progu spotkał się z*

wzrokiem Marcina (J. Andrzejewski) → Меня? – **На одну минутку**; – В дверях Шреттера встретил взгляд Марцина (пер. Н. Подольская);

– Извините! **На минутку!** Лично пригляжу за филейчиками (М. Булгаков) → *Proszę mi wybaczyć! Ja na minutkę! Osobiście przypilnuję jarząbków!* (пер. I. Lewandowska, W. Dąbrowski);

в) **другие**: *Dyrektorowo, proszę na słóweczko!* – *zawołała Majkowska* (W. Reymont) → Дорогая, моя, **на одну минутку!** – *pozwała ee Майковская* (пер. Л. Конрад).

В русско-болгарских соответствиях при наличии эквивалентных переводческих соответствий (а) и переводов синонимическими соответствиями (б) отмечаются регулярные асимметричные переводы: недиминутивная форма переводится диминутивом (в) и диминутивная – недиминутивом (г):

а) Извините! **На минутку!** Лично пригляжу за филейчиками (М. Булгаков) → Извинете! **За минутка!** Да видя лично какво става с филецето! (пер. Л. Минкова);

б) **На минутку** ощутить себя владельцем целого вагона барахла! (А. Приставкин) → **За миг** да се почувствува собственик на цял вагон стока! (пер. З. Петрова);

в) Сейчас, сейчас бегу! **Одна минута.** Рассоединился, скороговоркой объяснил... (Б. Акунин) → Сега, да, веднага! **Минутка.** Затвори и набързо обясни... (пер. С. Бранц);

г) **Одну минутку!** – Штирнер позвонил, и в комнату вошел старичок нотариус с двумя свидетелями (А. Беляев) → **Една минута!** – Штирнер позвъни и в стаята влезе старчето нотариус с двама свидетели (пер. А. Траянов).

При том что диминутивные дериваты есть во всех языках, по данным переводных соответствий активность их использования в эквивалентных функционально-семантических позициях не равна: наиболее регулярно в сравниваемых контекстах используется диминутивный дериват *минутка* в болгарском языке, в наименьшей степени *chwileczka* и *minutka* – в польском.

Для русского языка характерно нанизывание уменьшительно-ласкательного суффикса с усилением эмоционально-оценочной экспрессии: *минута* – *минутка* – *минуточка*. При этом отмеченные тенденции вариативности переводческих соответствий сохраняются, однако соотношения вариантов перевода здесь иные – на 38 вхождений в корпусе в качестве переводческого эквивалента *минуточки*

в 12 случаях избирается *chwileczkę*, то есть в 31 % переводов (в то время как соответствие *минутка* – *chwilę* представлено в 0,72 % соответствий), все диминутивные соответствия, включая *chwilę* и *momencik*, составляют 44, 7 %. Приведем типичные примеры контекстных соответствий:

Я на минуточку вышла – *хотела посмотреть, идешь ли ты* (В. Набоков) → *Wyszłam tylko na sekundę. Chciałam zobaczyć, czy już wracasz* (пер. М. Кłobukowski);

Chwilę...sznurowadło – *powiedział trzeci, najmłodszy. Pochylił się i przyklęknął na skraju chodnika* (В. Czeszko) → *Минуточку*, шнурок развязался, – *сказал младший. Он наклонился, поставил ногу на край тротуара* (пер. С. Свяцкий);

Moment, łaskawa pani. Za chwilę będzie wszystko w porządku (В. Czeszko) → *Минуточку*, сударыня. *Сейчас все будет в порядке* (пер. С. Свяцкий);

Одну минуточку! – *остановил его конференсье* (М. Булгаков) → *Momencik! – zatrzymał go konferansjer* (пер. I. Lewandowska, W. Dąbrowski).

2. Мы усматриваем значительную разницу в актуализации размерно-оценочного временного значения в словах рассмотренной ранее группы и группы, в которую мы объединяем единицы *часик*, *часок*, *неделька*, *неделечка*, *год*, *годик*, *годок*. Если слова первой группы контекстно актуализируют значение очень маленького периода времени, снимая различия корневой семантики, вследствие чего между ними возможна широкая синонимическая замена, то слова второй группы называют в значительной степени различающиеся временные отрезки, поэтому подобная взаимная замена в переводных соответствиях невозможна или чрезвычайно редка.

Контексты использования рассматриваемых единиц свидетельствуют о том, что диминутивные производные используются, когда говорящий стремится подчеркнуть, что час, неделя, день – это совсем небольшой период времени в конкретной ситуации, или то, что для него не важно точное обозначение времени. В предложениях типа *Приходи на час!* и *Приходи на часок!* мы усматриваем различие субъективных смыслов отношения ко времени и тому событию, которое будет протекать в данный период времени. Используя диминутив, с одной стороны, говорящий подчеркивает то, что он считает это время незначительным, с другой – то, что ситуация вообще не

предполагает точного обозначения времени. Часто такое словоупотребление является способом подчеркнуть субъективную, эмоциональную значимость события и отсутствие его социальной значимости. В разных контекстах на первый план может выходить то один смысл, то другой или актуальными оказываются оба значения.

Различие контекстно актуальных смыслов диминутивов может проявиться в переводческих стратегиях, особенно ясно – при отсутствии диминутива-эквивалента в языке перевода, ср.: актуализацию смысла неточного времени (а), значения субъективно незначительного отрезка времени (б):

а) *Вот тут тридцать пять рублей; из них десять беру, а часика через два в них отчет представлю* (Ф. Достоевский) → *Это тут са тридесет и пет рубли: вземам десет, а след около два часа ще ти представя отчет за тях* (пер. Г. Константинов);

б) *Знаете, вот так немножко полежишь в позе трупа, с полным отключением всех мышц, и как будто часок поспал* (Б. Акунин) → *Знаете ли, като полежиши така в поза труп с напълно отпуснати всички мускули, все едно си поспал един час* (пер. С. Бранц).

Размерно-временное значение лексем *часик* и *часок*, *денек* – *денечек*, *неделька* – *неделечка*, *часик*, *часок*, *часочек*, *год* – *годик*, *годочек* также реализуется в условиях контекстной поддержки данных смыслов прежде всего в семантике глаголов в формах ограничительного (диминутивного) способа действия: *поспать часика два*, *посидишь часок*, *поспать хотя бы часок*, *подождать часок*, *вздремнули часок*, *соснуть часок*, *зашел на часок*, *пожил бы денек*, а также семантикой частиц: *только часок*, *всего часик*, *на какой-нибудь часок*, *хоть на денек*, *хотя бы часок*, *хоть бы денек*. Данные типы контекстной поддержки сохраняются и как переводческие соответствия: *вздремнули часок* – *zdrzemnęli godzinę*; *на какой-нибудь часок* – *na jakie godzinkie*, но *всего на часок* – *na jedną godzinę*, *только два часика* – *tylko dwie godzinka*, *parę godzin*, *kilka godzin*, *na jedną godzinę tylko dwie godzinki*, *един ден да поживея на ваше място и под*.

Семантика неточного времени также находит способы контекстной поддержки, в том числе в стратегиях перевода: *примерно недельку* – *навярно една седмичка*; *заболеть бы недельки на две*, *на три* – *да се разболее за някоя и друга седмичка*.

Один из устойчивых способов маркирования субъективного значения неточного времени – конструкции инверсии, этот смысл может усиливаться обозначением вариативного выбора количества дней, недель и под. (ср.: *что-то произойдет через два года, три часа, две недели; что-то произойдет годика через два, недельки через три, через часок или что-то произойдет годика через два-три, недельки через три-четыре, через часок-другой*).

При отсутствии в языке-реципиенте диминутивного производного данное значение передается средствами контекстного окружения исходной формы:

*Докторша установила бронхит, потрепала Лолиту по голой спине (где пушок вдоль хребта дыбом стоял от жара) и уложила ее в постель **на недельку или дольше** (В. Набоков) → *Stwierdziła bronchit, poklepała Lo po plecach (na których od gorączki zdębiał cały puszek) i położyła ją do łóżka **na tydzień albo i dłużej*** (М. Кłobukowski).*

В качестве переводческого эквивалента может быть избрано наречие с семантикой неопределенного времени: *притаиться годика на два – przyszać się na kilka lat* и под.

Далее проведем анализ соотношения переводческих стратегий в этой группе на примере диминутивов *часик* и *часок* и их соответствий в русско-польском и русско-болгарском подкорпусах. В русско-польском параллельном подкорпусе 20 вхождений диминутива *часок* и 7 вхождений *часик*.

Все производные актуализируют смысл маленького, незначительного времени, часто с подчеркиванием коммуникативной неактуальности точного обозначения его границ.

Из 27 русскоязычных контекстов *часок* и *часик* в качестве переводческих эквивалентов избирается диминутив в 9 случаях:

*Я пойду по делу **на часок*** (Н. Островский) → *Wyjdę **na godzinę** coś załatwić* (пер. W. Rogowicz);

*Вошел смотритель и униженно стал просить его сиятельство подождать **только два часика**...* (Л. Толстой) → *Wszedł poczmistrz i jął uniżenie prosić jaśnie pana, żeby zaczekał **tylko dwie godzinki** ...* (пер.. A. Stawar);

в 19 случаях в качестве переводческого соответствия используется исходная форма:

*Он сильно зажмурился, жалея, что не хватило времени поспать **хотя бы часок** перед важным делом* (А. Стругацкий, Б. Стругац-

кий) → *Mocno zmrużył oczy, żalując, że nie starczyło czasu **na chociaż godzinę** snu przed ważnym spotkaniem* (пер. I. Lewandowska);

в 6 случаях переводчик избирает другое словоупотребление:

...что я просто заехал **на часок** по дороге в Лектобург, где меня ожидают друзья и поклонники (В. Набоков) → ... *wstąpiłem tylko po drodze do Readsburga, gdzie ugoszczą mnie przyjaciele i wielbicieli* (М. Kłobukowski);

– Если позволите, княжна, **на четверть часика** вам прикинуть мою Наташу... (Л. Толстой) → – *Jeśli księżniczka pozwoli, to **na kwadransik** podrzucę jej Nataszę*... (А. Stawar).

Обозначение небольшого количества времени поддерживается сочетанием *parę godzin, kilka godzin* и под.

В болгарском языке нет эквивалента-диминутива, все переводческие соответствия создаются с использованием исходной формы, с сохранением контекстной поддержки значения ‘немного’, ‘всего лишь’: *пару часиков – няколко часа, чрез часок – след един час*:

*Сходить на сепаратор значило **хоть на часок** уйти из дома, поболтать...* (А. Рыбаков) → *Да идеш на сепаратора означава **поне за час** да излезеш от къщи, да си побъбриш ...* (пер. З. Петрова);

Также наблюдается использование других лексем, имеющих значение ‘маленький’:

*Так, например, если все народы мира ложатся спать, то герои русских романов постоянно недосыпают, желая лишь " **прилечь на часок** "* (В. Пикуль) → *Така например, докато всички народи по света си лягат да спят, героите на руските романи постоянно не си доспиват, като желаят само „**да полегнат за малко** “* (пер. Ю. Пенева-Павлова).

3. В группе наименований средних и больших отрезков времени выделяются особым развитием семантики диминутивы *денек, денечек* и *годик и годок*.

Особенность диминутивных форм *денек, денечек* состоит в совмещении значения субъективно малого времени и значения положительной оценки. Выражение значения субъективно малого времени подчиняется тем же закономерностям, что были отмечены ранее относительно других имен второй группы.

При этом в исследуемых контекстах преобладает субъективно-оценочное значение положительной оценки дня говорящим. Основания оценки могут быть самыми разными, их объединяет напол-

ненное позитивными эмоциями отношение говорящего к фактам, событиям, атмосфере и под. настоящего, прошлого, будущего дня:

– *Ot, uśmiechnął się szeroko Ogończyk. – Ot, dzionek szczęśliwy. Krzyżaka ubić dawno nie trafiło się* (Andrzej Sapkowski) → – *Ox, – широко улыбнулся Огоньчик. – Вот денек счастливый. Давненько не доводилось прибить крестовика* (пер. Е. Вайсброт);

Начали думать, как бы лучше денек провести (Н.А. Островский) → *Zaczęli się zastanawiać, jakby tu przyjemnie spędzić dzionek* (пер. Waław Rogowicz).

Типичные контексты такого использования данных диминутивов – внутренняя речь героя, нарративы; типичная сочетаемость – оценочные, характеризующие прилагательные: *денек счастливый, dzionek szczęśliwy, в летний денек, дождливый денек* и под. Часто именно диминутив выступает в качестве коммуникативно сильного компонента высказывания, «наводя» значение положительной оценки на элементы окружения, с одной стороны, с другой – вбирая смысл широкого контекста:

Это меня нисколько не волновало, побыть лишний денек в Москве тоже что-нибудь да значило (Ч. Айтматов) → *Това никак не ме разтревожи, все пак един ден в Москва беше от значение за мен* (пер. М. Златанова).

Субъективное значение малого количества времени и положительной оценки событийного ряда может совмещаться:

К этому времени мы уже доехали до полярной степи, и я был награвжен деньком-другим прекрасного умиротворения... (В. Набоков) → *Znaleźliśmy się tymczasem w krainie bylicy i nastąpiło kilka dni przemilej ulgi...* (пер. М. Кłobukowski);

Да денька полтора али два могу еще дать вам погулять. (Ф. Достоевский) → *Ами ден и половина или два дена още мога да ви дам да се поразходите* (пер. Г. Константинов).

Как видим, и в том, и в другом случае комплекс эмоционально-оценочных смыслов в переводе не сохраняется, но выражается значение незначительного времени, времени с неточно определенными границами, что дополнительно маркируется синтаксической инверсией и семантикой частиц.

И наконец, следует отметить и использование данной формы в особых конструкциях, в которых диминутив утрачивает значение

уменьшительности и ласкательности, но в комплексе с другими элементами конструкции выражает экспрессию:

*Чертов выжига, он еще кому-то кусок отдал. Ну и денек! Со- поставив это последнее восклицание с репликой про сюрпризы, Ни- колас спросил: – У вас что-то случилось? – Жизнь странная штука и полна чудес (Б. Акунин) → Проклетья мошеник е дал парче на още някого. **Ах, че ден!** Николас съпостави последното възклицание с репликата за изненадите и попита: – Какво има? – Животът е странно нещо и пълно с чудеса (пер. С. Бранц).*

Что касается соотнесенной пары диминутивов *годик* и *годов*, то следует отметить, что функционирование уменьшительной формы *годик* и ее переводных эквивалентов соответствует закономерно- стям, отмеченным ранее.

Диминутив *годов* реализуется, как правило, в форме род. пад. мн. числа и используется для обозначения количества лет; использо- вание данной формы (*кому-то столько-то годов минуло*) по срав- нению с нейтральным *кому-то столько-то лет, столько-то годов* вносит значение экспрессии, ласкательности, стилистической мар- кированности, разговорности (реже в этих позициях используется и производное *годик*):

Да вот пошел семнадцатый годов, – отвечала матушка (А. Пушкин) → A ot, zaczął siedemnasty roczek – odpowiedziała matka (пер. T. Stępniewski, S. Pollak);

Год рождения? " Говорю. Мне тогда, в тридцатом году, что ж, двадцать два годика было, теленок. (А. Солженицын) → „Година на раждане? “Отговарям. Тогава, в трийсета година, колко да съм имал, двацет и две да съм бил, хлапе (пер. В. Райчев);

Borschnitzowa, babsko stare, musi mieć tedy grubo ponad sześćdziesiąt roków, dziw, że się jeszcze próchno nie rozsypało. (А. Sapkowski) → Боршиницевой, старой бабе, должно быть, зна- чит, много за шестьдесят годов, просто диво, что она еще не рассыпалась (пер. Е. Вайсброт).

Таким образом, анализ переводческих соответствий в парал- лельных подкорпусах Национального корпуса русского языка по- зволил выявить, что в трех языках диминутивные производные от имен со значением фиксированных отрезков времени выражают комплекс значений, объединяемых прагматическими смыслами субъективной оценки, с вариативными основаниями оценки и ее на-

правленности. Данный комплекс смыслов выражается в условиях контекстного взаимодействия с семантикой синтаксических конструкций и смыслами ближайшего лексического окружения. Различия трех сравниваемых языков проявляются в отсутствии отдельных диминутивных производных, в степени функциональной активности при выражении частных прагматических смыслов. Во всех языках противопоставлены в рассматриваемом аспекте именования малых отрезков времени, актуализирующие только субъективно-размерный оценочный смысл, характеризующиеся контекстной синонимизацией, и группа именовании больших фиксированных отрезков времени, характеризующаяся более широким спектром выражаемых оценочных и экспрессивных смыслов.

Охарактеризуем соответствия по русско-английскому подкорпусу, где русский язык представлен и как язык оригинального текста (L–1), и как язык перевода (L–2). Наибольшее количество вхождений демонстрируют лексемы *минутка*, *минуточка*. Их коррелятами в параллельных английских текстах выступают лексемы *moment*, *minute*, употребляемые с неопределенным артиклем *a* или квантификатором *one*. При этом прагматическая функция лексемы в англоязычных текстах соответствует аналогичной в русских: она регулярно применяется для смягчения императива при приглашении, удержании собеседника или запрещении ему какого-либо действия. Как и в русском языке, эти лексемы употребляются метонимически, замещая собой опущенный глагол (как правило, *wait*, *stop*, *hold on*, *hang on*). В небольшом количестве контекстов выявляются нечеткие соответствия временных интервалов, используемых в английском языке с аналогичной прагматической функцией: *just for a few minutes* / всего на одну минутку, *hold on a second* / подожди там минутку, *a couple of seconds* / минутку, *Half a moment!* / Минутку!, *for a bit* / *a little* / *an instant* / на минутку, *for a second* / *Half a sec* / на минуточку. Отсюда можно заключить, что при переводе с английского на русский язык диминутив подчеркивает значение неопределенного небольшого промежутка времени, при этом *минутка* может замещать как формально большие, так и меньшие промежутки времени. Примечательно и то, что при переводе английских императивов с функцией приглашения обстоятельство *на минутку* добавляется переводчиком, иногда и вовсе замещая глагол: *Now you attend to me, if you please*, / Минутку, сэр. Аналогично ведут себя в переводе и выраже-

ния кратких действий или подчеркнутое отсутствие времени: *dropped in briefly* ‘заглянул на минутку’, *I ain’t had time to do none of them things* ‘и минутки свободной на это нет’. Если в переводе встречается лексема *улучить*, то она всегда сопровождается диминутивом (также и для других лексем – имен отрезков времени). Лексемы *секундочка* и *часок / часик* сходны как по функциям, так и по контекстам актуализации с лексемой *минутка*: это жанры приглашения и этикетной коммуникации, в которых они передают семантику неопределенного, субъективно небольшого количества времени.

Вторыми по частоте актуализаций в параллельном корпусе выступают лексемы *денек*, *денечек*. Их использование в переводе обусловлено способностью передавать и акцентировать эмоционально-оценочные смыслы и подчеркивать разговорный стиль речи. Наиболее часто этим лексемам в оригинале соответствует английская лексема *day*, сопровождаемая эпитетами с положительной и отрицательной коннотацией: *nice, long, bad, fun, stormy, lovely, vile, biting, awful nice, happy, exciting, warm, sunny, peaceful, overcast, some, hot, fine, wonderful, pleasant, unlucky, many a long, luckless, wet, glorious, a beast of a day*. Дискурсивный контекст (положительные или отрицательные события дня) также обуславливает применение диминутивной лексемы. В данном случае мы фиксируем эмансипацию лексемы от уменьшительного смысла. В контекстах актуализации лексемы *вечерок* доминируют эмоционально-оценочные смыслы: *pleasant, fine, jolly evening* / ‘приятный вечерок’. Наиболее частотно его употребление при предикатах со значением ограничительного способа действия. Лексема *вечерок* употребляется в жанре приглашения (*some evening, tonight* ‘как-нибудь вечером’, его передача в нарративах: идея хорошего, приятного времяпрепровождения: *dropping in for an afternoon of gossip* ‘провести вечерок’. Как и в случае с рассмотренными выше диминутивами, его употребление подчеркивает разговорность речи, непринужденность реплики. Лексемы *ночка/утречко* в большинстве контекстов характеризуют эмоциональное отношение говорящего. В английском тексте им соответствуют конструкция *What a... + night / morning* и ее аналоги (также со словами *денек* и, реже, *неделька*). Лексема *ночка* нередко усиливает семантику эпитетов, сопровождающих ее: *a nasty night* ‘препаршивая ночка’, *spend the night rowdily* ‘провести бурную ночь’. Лексемы

годик, годок употребляются со значением ‘всего лишь’, экспрессивно усиливая смысл предиката: *Work a year for Miranda and don't get fired, and she'll make a call and get you a job anywhere you want* (L. Weisberger). *Поработай годик на Миранду так, чтобы тебя не уволили, и она устроит тебя на любое место, на какое только пожелаешь* (пер. П. Маяков, Т. Шабаева). Кроме того, типичной является ситуация обращения к детям или разговора о них (определение возраста). Именно эти смыслы маркируются в английский текстах лексически с помощью наречия *just*: *Hehadwona Silver Starlikemewhen Iwasonly 3 yearsold!* (K. Vonnegut). *Был награжден Серебряной Звездой, когда мне было всего 3 годика!* (пер. М. Ковалева).

Мы приходим к выводу, что у каждого из исследованных диминутивных имен имеются свои доминирующие смыслы. Важно, чтобы носители английского языка, изучающие русский язык как иностранный, осознавали следующие моменты соотношения лексем-диминутивов, обозначающих временные отрезки.

1) Экспрессивные смыслы диминутивов, наследующие семантику «меньше нормы» – «всего лишь», «только лишь», актуализируются в волитивных речевых жанрах приглашения, призыва и т.д. и нарративах для актуализации субъективной оценки соответствующего времени как небольшого. Они передают субъективное время, меняющее представление о четких границах временных единиц. Лексическими маркерами данного смысла являются единицы *only, just, a couple of, ... ortwo, a few*.

2) Диминутивы выражают эмоциональное отношение к говорящему с целью создания положительного эмоционального фона коммуникации. Они реализуют типовые модели общения (в т.ч. с детьми и в рассказах о детях – лексема *годик*). Уменьшительно-ласкательное значение может, как отмечалось, поддерживаться и, в свою очередь, поддерживать положительные смыслы. Как представляется, эти смыслы не передаются, утрачивается особый смысл интимно-ласкательного отношения ко всему событийному ряду, смыслы фамильярности и снисходительности.

3) Корректное употребление обучающимися диминутивов позволяет придать тексту разговорную тональность (в т.ч. в рамках соответствующих фрагментов художественного дискурса), а также

является необходимым в определенных фиксированных выражениях, например *улучить* ..., *ну и* ... и т.п.

1.3 Семантика диминутивов – наименований напитков в зеркале межъязыковых соответствий¹

Конкретным материалом анализа послужили диминутивы, называющие напитки *чаёк* и *пивко* (рус.) и *pivko* и *čajíček* (чеш.). Мы рассматриваем влияние типовых моделей коммуникации, порождаемых в типовых этнокультурно обусловленных социальных ситуациях.

Итак, мы сравниваем контексты актуализации единиц *чаек* и *пивко* в русском и аналогичных им единиц в чешском языке: *чаек* ↔ *пивко*, *чаек* ↔ *čajíček*, *пивко* ↔ *pivko* и *čajíček* ↔ *pivko*.

Проведенное сравнение вхождений в основном корпусе диминутивных форм *чаек* и *пивко* в НКРЯ свидетельствует о значительной функциональной асимметрии данных единиц в русском языке.

Нами были проанализированы контексты использования данных форм, представленные в НКРЯ и ČNK². На запрос *чаек* в НКРЯ во всех грамматических формах найдено 2 136 документов, 5 487 вхождений, на запрос формы *чайку* найдено 953 документа, 1 669 вхождений (дата обращения: 28.01.2018). Однако в анализируемом фрагменте корпуса омонимия не снята, поэтому мы определили количественное соотношение анализируемых форм и омоформов лишь в первых 500 документах. В них было представлено 764 использования (вхождения) единиц, исключение из состава омонимичных форм привело к выделению группы актуализованных 582 форм, то есть соотношение 3:1. Из первых 478 (300 документов) число вхождений диминутива *чаек* – 163, в то время как омонимичных форм (род. п. мн. ч. от *чайка* (птица), «*Чайка*» (марка машины),

¹ Материалы данного исследования были ранее опубликованы в статье Ю.В. Филь, З.И. Резановой "Dáme si pivko nebo čajíček? Жанровые и контекстуальные условия использования диминутивов в русском и чешском языках" (Русин. 2018. № 2(52). С. 193–206).

² Объем национального корпуса русского языка (НКРЯ): 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов; объем открытого (доступного) корпуса современного чешского языка (SYN2015): 3 376 документов, 8 004 732 предложения, 1 751 599 слов.

Чайка (фамилия российского чиновника)) – 315, соотношение 1:2, то есть мы можем предположить, что в целом корпусе за исключением омонимов будет около 3 600 вхождений (актуализаций) диминутива *чайку* от *чай*.

Уточним, что на запрос *чай* найдено 7 212 документов, 44 384 вхождения; на запрос *пиво* – 3 634 документа, 11 738 вхождений.

В это же время на запрос лексемы *пивко* получены 277 документов, 432 вхождения, формы *пивка* – 200 документов, 279 вхождений, формы *пивку* – 10 документов, 11 вхождений. Были проанализированы все контексты.

Таким образом, мы наблюдаем многократное преобладание использования форм *чаек* и *чайку* над *пивко* и *пивку*.

Исследование аналогичных русским диминутивам чешских единиц и ситуаций их использования дает возможность наблюдать контекстуальное варьирование данных единиц в чешском языке, обусловленное жанровыми и этнокультурными факторами.

Обращение к данным чешского народного корпуса дало следующие результаты. На запрос *čajík* в открытом чешском корпусе SYN2015 были получены 5 документов, 5 вхождений искомой лексемы, на запрос *čajíček* – 23 документа, 28 вхождений (дата обращения: 27.04.2018). Отметим, что количество вхождений форм *čaj* составляет 6749, 758 документов, что свидетельствует о незначительной активности диминутива по сравнению с исходной лексемой. Иную картину наблюдаем в отношении диминутива *pívko*. На запрос *pívko* было получено 62 документа, 112 вхождений; на запрос *pívo* – 763 документа, 10540 использований. Нами были проанализированы все контексты с чешскими диминутивами *čajík*, *čajíček*, *pívko*.

Сопоставление указанных чешских единиц демонстрирует явное преобладание форм *pívko* над *čajíček* (а также *čajík*) – 4:1, а также лексемы *pívo* над лексемой *čaj* – 3:2.

Рассмотрим жанровые и контекстуальные условия использования диминутивов в русском и чешском языках.

Анализ контекстов употребления форм *чаек* и *чайку* показал, что, в то время как *чаек* используется преимущественно в нарративах, сфера преимущественного использования *чайку* в форме второго родительного падежа, обозначающего «некоторое количество со-

ответствующего предмета», – диалогическая речь (220 к 362), при этом в нарративах частотны позиции в косвенной речи.

Охарактеризуем сначала использование диминутивов *чайку* в диалогах. Отмечается безусловное доминирование диалоговых реплик, связанных с ситуацией угощения. В ситуации угощения, представляемой с использованием диминутива *чайку*, участвуют два основных субъекта (тот, кто угощает, и тот, кого угощают), периферийно вовлекается третий, который относится к ситуации как персона, помогающая, обслуживающая ритуальный акт угощения. В коммуникативной ситуации угощения отмечаем три типовых варианта с использованием диминутивной формы *чайку*.

1) Угощение, где субъект речи – тот, кто угощает: – *Вам уж ехать скоро, может, чайку на дорожку?* (М. Кучерская); *Точно, сумасшедшая*, – подумала Вета. – *Чайку будешь?* – спросила старушка (М. Трауб)¹.

2) Просьба об угощении, где субъект речи – тот, кого угощают: *Дорогая, чайку бы мне чашечку, а если найдётся печёныице, то и печёныица...* (Н. Берберова).

3) Просьба о помощи, где субъект речи – тот, кто угощает, просьба обращена к третьему лицу: *Давай, Женечка, спроворь чайку*, – *благодарушно сказал хозяин и, сыто отрыгнув, откинулся на спинку мягкого стула* (Д. Корецкий).

Доминирующий вариант актуализации рационально-оценочного компонента – семантика небольшого количества, один из способов выражения смыслов смягчительности, характерных для русской речи, для которой в целом значимы параметры меры и степени при обозначении денотатов разных типов, как именных (*курточка, столбик; красноватый, бледненький* и т.п.), так и глагольных (*приотстать, подзаработать* и т.п.).

Доминирующая прагматическая функция диминутива – создание положительного эмоционального фона коммуникации. Как мы отмечали ранее, одно из ведущих средств в данном случае – использование диминутивных форм с косвенной референцией прагматики. Диминутивная форма обозначения предмета является одним из средств выражения положительного отношения к партнеру, адресату

¹ Здесь и далее контексты приводятся в соответствии с типом их представления в НКРЯ и СНК.

речи, что в речевом акте угощения способствует созданию положительного эмоционального фона в качестве основания волевого воздействия. Данная прагматическая направленность формируется комплексом лексических, грамматических, лексико-грамматических средств (реализуются они во всех ситуациях, в речевых жанрах угощения и просьбы (1–2)).

Актуализация смысла «немного, небольшое количество» подкрепляется значением формы второго родительного падежа *чайку* «некоторое количество соответствующего предмета», сочетанием с предикатами смягчительного способа действия *А... Тогда пошли, чайку попьем. Они устроились на кухне ...* (М. Зосимкина); *Все неважно и не имеет значения, кроме исторической целесообразности, – запомни это, тетя Паша, и плесни, пожалуйста, еще чайку* (Ю. Трифонов).

Смягчительность может усиливаться за счет использования вводного слова *может* (*может быть*) в значении неуверенного подтверждения: *Вам уж ехать скоро, может, чайку на дорожку?* (М. Кучерская).

Положительная эмоциональность, выраженная диминутивом, поддерживается лексемами с положительной оценочностью, нанизыванием диминутивных форм: *Сподобилась наконец? – Может, чайку горячего, с лимончиком? Кофейку с коньячком?* (М. Палей).

Речевой жанр угощения может быть реализован как прямой и как косвенный речевой акт. Как известно, в прямом речевом акте иллокуция (прагматическая цель) выражена непосредственно, формально, доминирующим средством ее выражения является грамматическая форма предиката в повелительном наклонении (2 лицо ед. и мн. числа): – *Посидите с нами, хоть чайку попейте* (М. Трауб); а также вежливая форма совместного действия (1 лицо мн.ч.): – *Давайте чайку выпьем с бутербродами, я как раз утром колбаски свеженькой купила.* (А. Маринина).

Стереотипность конструкции и законы неформального общения обуславливают возможность опущения предиката: *А может, зайдёте? Не водочки, так чайку? Не прибрано только у нас, вы уж извините...; – А к нам? Чайку? – В другой раз, спасибо* (И. Грекова).

Косвенные речевые акты угощения и просьбы могут быть выражены следующим образом:

а) вопрос о желании или возможности совершить действие: *Да не хочешь ли ко мне сперва **чайку** зайти напиться?* (И. С. Тургенев); *Вот такая большая мужская мечта. **Чайку** нальешь?* (М. Зосимкина); *Когда я у них жила, Петя без конца просил: **Валентина, не дадите ли мне чайку?*** (А. Терехов);

б) угощение как описание действия в ближайшем будущем: ***Сейчас чайку поьем**, вам сил прибавится. Меня Ксенией зовут, – представилась* (В. Михальский).

в) просьба с использованием предиката в сослагательном наклонении: ***Хорошо бы чайку попить** из самовара с крыжовенным вареньем...* (Е. Парнов).

В нарративы речевой жанр угощения переходит в виде

а) рассказов о ситуации чаепития: ***Вскипятил себе чайку**, поел копчёного тайменя, пряников, включил наш маленький батарейный приёмник и завалился на рундук* (В. Аксенов); *Русский офисный досуг навроде «**попить чайку с печеньками**» показался бы им полным бредом* (А. Старобинец);

б) пересказов жанров приглашения, угощения и просьбы: *Тётка встретила меня чрезвычайно приветливо и **стала уговаривать выпить чайку и подождать** – "да она вот-вот вернётся".* (В. Белоусова); ***Я на кухню пошла чайку попросить** с лимоном, а ихний шеф говорит...* (М. Зосимкина).

Анализ текстовых актуализаций форм *пиво*, *пивка*, несмотря на их количественно значительно меньшую представленность, обнаруживает как общие закономерности ситуативно-жанровых и собственно контекстных условий актуализации, так и определенное своеобразие. Как и в контекстах использования формы *чайку*, семантика неполноты, незначительности поддерживается в контексте использования лексемы *пивка* глаголами однократного и смягчительно-ограничительного способов действия (*хлебнуть пивка*, *попивать пивко*, *потягивать пивко*), нанизыванием диминутивов: ***Попыхтел еще чуть-чуть, хлебнул пивка** и уже вполне миролюбиво добавил...* (М. Зосимкина); *Постой, Захарыч, **я только хлебну тут из холодильника пивка**, а то вчера до ночи с ребятами...* (Д. Рубина); *Ну, **пришли мои друзья посидеть, пивка попить, покататься** – у нас же тут, поскольку горы и дожди, гольф-кары ездят не прямо по газону, а по специальным асфальтовым дорожкам* (П. Бурмистров);

Алик *только успевал загружать стол графинчиками, пивком, селедочкой, соляночкой* и пр. (В. Аксенов).

В жанре угощения и жанре просьбы диминутив *пивко* реализуется через косвенный речевой акт: *Агамемнон внес два складных стула. «Пивка вам притащить, ребята?» – «Не помешает», – сухо сказал Тих* (В. Аксенов); *Слышь, кореш, – схватил его за рукав небритый хмырь с синяком под глазом. – Угостишь пивком, как оформимся? Ни копы не осталось, а трубы горят!* (Д. Корецкий).

На смену речевому жанру угощения в качестве доминирующего контекста диминутива *чайку* приходит жанр приглашения как типовой контекст реализации формы *пивка*: *Может, посидим где? Пивка, рыбки... а? Я развёл руками* (А. Волос).

Анализ контекстов употребления форм *čajíček* (реже *čajík*) показал, что данные формы зафиксированы в преобладающем большинстве в нарративах: *A zas mlsáme čajíček , keksy , toast se salámem* (Bradbury Ray); *Do omrzení omiláte mantru „ ve zdravém těle zdravý duch “ . Vaříte si čajíčky, pročíšťující tělo i mysl...* (McKinnon Gina). При этом (в отличие от русской аналогичной лексемы) чешский диминутив *čajíček* практически не связан с ситуацией угощения: *Ustaraný hypochondr s věčným kašlíkem a čajíkem od mámy , pán , co mi vařil hlavu pět let , než usoudil ...* (Kocábová Natálie); *„ Přecházeli jsem to , byl jsem slabej jako čajíček a nemohl dýchat , “ – říkal* (Aha!). Следует заметить, что лексема *čaj* , несмотря на малочисленность подобных контекстов, используется в нарративах, представленных пересказами жанра приглашения, угощения и просьбы: *...Pokaždé , když šel kolem jejich domu , vybíhala na zápraží a volala: „ Pane učiteli, nezajdete na čaj ?* (Gao Xingjian); *„ ... A ty nám uděláš čaj , že“ Vyznělo to jako velký ústupek ...* (Parkkinen Leena). При этом многие из таких контекстов представлены в чешских переводах иноязычных текстов (чаще английских или китайских).

По всей видимости, объяснение низкой частотности как диминутивной, так и производной единицы связано с тем, что для чешской культуры в меньшей степени характерна традиция чаепития, чем для русской, в том числе приглашение на чай, угощение чаем, в отличие от приглашения выпить пиво, пивко. Чешский диминутив *čajíček* используется в ситуациях, только косвенно связанных с употреблением чая: *Kdysi z toho byli lidi nadšení , jak je to odvážný a vtipný . Dneska už to je čajíček* (Týden); *Proti tomu je George*

Alexander Louis , jak se jmenuje nový přírůstek britské královské rodiny , slabý čajíček (Тýден); *Co se dělo klukům na katolických školách v té době v Irsku , Rakousku a Německu a za co se teď papež Benedikt musí omlouvat , tak to byl čajíček* (Brycz Pavel).

В приведенных контекстах актуализируется значение неполноты признака, что, по-видимому, отражает мнение чехов о качестве данного напитка. Указанное значение подкрепляется контекстом через употребление прилагательных со смягчительной семантикой: *čajíček slabý*, *čajíček neškodný* (слабый, безвредный, невинный чаек и т.д.). Переносное значение единицы реализуется и через постоянную оппозицию *сегодня – вчера*, в которой сегодня отождествляется с объектом, выраженным диминутивом, «заменяется» на него, за счет чего негативно оценивается: происходящее сегодня – это только слабое проявление того, что было вчера. Собственно оценочный и прагматический компоненты семантики диминутива, отражавшиеся в его прямом значении, сохраняются и в переносном. Показателен в этом отношении следующий пример, в котором демонстрируется незначительность денотата (в данном случае – музыки, утратившей былую энергию), выраженного диминутивной единицей и соотносимого со слабым китайским чайком: *Řečeno labužnickou metaforou: je to příjemně aromatický , ale slabý čínský čajíček servírovaný v dekorativním porcelánu* (Respekt). Как представляется, в этом случае диминутив «эксплицирует свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, а главное – их значимость для носителей языка»¹.

Отметим, что, в отличие от русского диминутива, чешский аналог реализуется в жанре совета, рекомендации: *Ča jíčky: Osvědčený je fenyklový čaj , který může pít jak maminka , tak i dítě* (Moje rodina). Так, в журнале «Моя семья» рекомендуется употреблять фенхелевый чай, который можно пить как матери, так и ребенку. Подобное употребление чешского диминутива зафиксировано и в нарративах с описанием ситуации совета, рекомендации: *Léčitelka Kubičkoví dala čajíčky , doporučila tu speciální dechové cvičení.... Po čajíčcích bolel Kubička žaludek* (Valášek Karel), но уже с пейоративной оценкой.

¹ Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с. (Библиотека Института славяноведения РАН, 10).

При этом речь идет о денотативно ином напитке, чем русский чаек, это лечебные, травяные и фруктовые чаи. Представляется значимым, что в большинстве случаев из-за разного семантического потенциала сопоставляемых диминутивов *чаек* и *čajíček* русский перевод чешского контекста посредством диминутивной единицы был бы не эквивалентным и не уместным: *léčebné čajíčky ~ лечебные чаи*.

Анализ контекстов на запрос диминутива *pívko* демонстрирует принципиально иную картину в сравнении как с аналогичным русским диминутивом, так и с чешским диминутивом *čajíček*.

Прежде всего, как и в случае с русским *чаек*, доминирует актуализация рационально-оценочного компонента с ярко выраженным преобладанием положительного эмоционального фона коммуникации, который и создается использованием диминутивных форм *pívko*, а также *pívičko* (данная форма не зафиксирована в корпусе, однако используется в чешском разговорном дискурсе, как правило, в ситуации предложения, угощения в кафе, пивных барах).

Прагматическая направленность чешского диминутива, на наш взгляд, обусловлена, прежде всего, этнокультурным фактором: пиво – чешский национальный напиток, любимый и почитаемый чехами. В Чехии сложилась давняя традиция употребления этого напитка, которое сопровождается как неспешными разговорами о жизни, так и просмотром спортивных состязаний: "*Ještě pívko ?*" *zaslechla Alena pana Dvořáka , když odcházela* (Szalaiová Romana); „*My jsme si včera zašli na pívko , aby se nám dnes lépe šlo* , “ *prozradil Marek Pospíšil z Velkého Meziříčí* (Regionální týdeník); *Můžem jít na bowling , tady vedle je fajnový centrum, OK , dáme si pívko , pokecáme o životě ...* (Kocábová Natálie).

Среди рассмотренных контекстов отмечается преимущественное доминирование нарративов, описывающих ситуации, связанные с предложением выпить пиво, угостить пивом (заплатить за пиво), зайти на пиво, в которых, как и в случае с русским *чаек*, представлены 2 (иногда 3) субъекта: тот, кто приглашает зайти выпить пиво и, как следствие, платит за напиток; тот, кого угощают, а также тот, кто обслуживает это действие, – как правило, официант в кафе.

Контексты использования диминутивной формы *pívko* указывают на преобладающую положительную оценку напитка: *Dal se s náma do řeči a pozval nás na pívko* (Alvarez Sergio); *Chutnalo báječně, k tomu točené pívko , není co dodat Dobrou chuť!* (Moje rodina);

«*Občas si dám dobré točené pívko ...*» (Sport). Указанная оценка поддерживается контекстно через использование устойчивых глагольных сочетаний типа *zajít na pívko*, *dát si pívko* и других лексем с положительной оценкой: *dobré* (хорошее), *báječně* (сказочно) и т.п.

Характеристика пива переносится и на всю ситуацию его употребления, положительная эмоциональность, выраженная диминутивом, поддерживается внутри контекста единицами, создающими положительный образ чешской традиции «пивопития»: *V pátek jsem si navyknul chodit na pívko do místní vesnické hospody a z lidí, které jsem tam potkával, se stali kamarádi* (Žvábek Jaroslav); *Vždy jsme byli tak trochu do sebe zahledění hobiti, kteří mají rádi své pohodlí a pívko a kteří se moc nestarají, co se děje venku* (Respekt). Так, люди, с которыми чехи встречаются в местном баре и пьют пиво, становятся друзьями, любящими покой и пиво.

Здесь наблюдается преобладание эмоциональной оценки над рациональной, семантика неполноты у этого диминутива выражена гораздо в меньшей степени, чем у лексемы *čajíček*.

Следует отметить еще одну особенность использования диминутива *pívko*: указание на единичность (несмотря на вещественность значения) обозначаемого денотата, его порционность (бокал, стакан), метонимически обусловленную использованием диминутива в жанре предложения, приглашения. Это связано с большей порционностью соответствующего напитка (в отличие от чая в русской лингвокультуре) и особенностью самого жанра приглашения на пиво в чешской культуре: каждой порции пива ведется счет, за нее необходимо будет заплатить. В этих случаях диминутивные лексемы поддерживаются использованием счетных единиц: „*Jdeme si sednout na dvě tři pívka* (Deníky Moravia); *Tatka vedle mě už do sebe hodil první pívko* (Barbery Muriel).

Таким образом, анализ корпусных данных свидетельствует об этнокультурной обусловленности рассмотренных диминутивов, однако лексемы *pívko* и *čajíček* (а также *pívo* и *čaj*) характеризуются разной частотой употребления, что объясняется разными ситуациями их использования, этнокультурной спецификой самих жанров, порождающих их.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что проведенное исследование русских и чешских диминутивных единиц, называющих напитки, продемонстрировало вариативность их функциональ-

но-семантического потенциала, зависимость от контекста и преобладание прагматического компонента значения как русских, так и чешских диминутивов. При этом обращение к данным русского и чешского корпусов выявило значительные расхождения в рамках каждого из сопоставляемых языков в отношении исследуемых единиц.

Количественное преобладание русского диминутива *чаёк* по сравнению с *пивко* и чешского *pivko* по сравнению с *čajíček*, а также явное преобладание русской единицы *чаёк* по сравнению с чешской *čajíček* и предполагаемое преобладание чешской единицы *pivko* над русской *пивко*.

В качестве «этнокультурно обусловленных типовых социальных ситуаций», в которых актуализируются диминутивы, в русском языке, выделяются ситуации угощения, приглашения и просьбы, в нарративах – рассказы о ситуации чаепития, описания жанров приглашения, угощения и просьбы. В чешском языке преобладает использование диминутивов в жанрах совета, рекомендации (для *čajíček*), в нарративах с описанием жанров приглашения (для *pivko*).

Отмечены различия в денотативных компонентах семантики исследуемых лексем в русском и чешском языках (*пригласить на чаек* – *фруктовый чай*).

Наблюдается преобладание общего положительного эмоционального фона коммуникации в контекстах с использованием русской единицы *чаек* и чешской *pivko* и отрицательного фона в контекстах с чешским диминутивом *čajíček*. Особенности выявленной вариативности объясняются культурно закрепленными традициями питья чая и угощения им в России и «пивопития» в Чехии.

Глава 2

СЕМАНТИКА РУССКОГО ДИМИНУТИВА В МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

2.1 Материал и метод

В главе представлены результаты серии поведенческих экспериментальных исследований. В психолингвистической экспериментальной парадигме использование данного метода при исследовании различий в восприятии эмоционально-оценочных слов представлено на материале разных языков. В качестве объективного показателя различных способов когнитивной обработки эмоционально-экспрессивной лексики используются данные о различиях во времени реакции испытуемых (в миллисекундах) на эмоциональные слова по отношению к нейтральным или данные о выборе стимулов, о соотношении правильных или неправильных решений. Результаты психолингвистических экспериментальных исследований, полученные в последнее время, свидетельствуют о более быстрой обработке экспрессивных слов (как с положительной, так и отрицательной эмоциональной оценкой) по сравнению с неэкспрессивными. При обсуждении причин ускорения обработки оценочных слов высказываются предположения о влиянии как собственно психологических причин: ускорение происходит за счет актуализации аффективного состояния и мотивированного внимания, как, например, в работах¹, так и в лингвистических.

В последнем случае, например в работе P.M. Pexman et al.², объяснение ускорения обработки экспрессивных слов находят в теории семантической насыщенности (*semantic richness*), в рамках которой

¹ Lang P.J., Bradley M.M. & Cuthbert B.N. (1990). Emotion, attention, and the startle reflex. *Psychological Review*. 97 (3). P. 377–395; Kousta S.T., Vinson D. & Vigliocco G. (2009). Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words. *Cognition*. 112. P. 473–481.

² Pexman P.M. et al. (2008). There are many ways to be rich: effects of three measures of semantic richness on visual word recognition. *Psychonomic Bull Rev*. 15 (1). P. 161–167.

доказано, что семантическая насыщенность, включающая образность слова, число ассоциаций, связь слова с объектом и с телом человека, близость семантических соседей, число значений и эмоциональную валентность, ускоряет визуальное распознавание и обработку слова (более подробный обзор работ см. в диссертации О.В. Нагель¹).

В наших экспериментах, используя программу E-Prime, мы собираем данные не только о времени, но и о типе реакции испытуемых, количественном соотношении выборов реакций, основывающихся на оценке эмоционально-оценочных смыслов целевых единиц дизайна – суффиксов с эмоционально-оценочной семантикой.

Охарактеризуем общие принципы организации экспериментов².

Отбор стимулов для проведения экспериментов

Массив стимулов отбирался по определенному набору признаков, набор таких признаков варьировался в зависимости от задач исследования, от существа проверяемой гипотезы, что будет отражено ниже в соответствующих разделах. Однако следует подчеркнуть, что в главе представлены результаты проверки гипотез, сформулированных относительно восприятия разноуровневых единиц – суффиксов и лексем. При подготовке дизайна и проведении экспериментов мы манипулировали разными типами стимулов – суффиксов и образованных с их использованием диминутивных лексем – эмоционально-оценочных, экспрессивных единиц.

Для анализа² процессов восприятия диминутивных суффиксов были использованы в качестве стимулов три группы суффиксов,

¹ Нагель О.В. Словообразовательные механизмы в процессах восприятия, идентификации и использования языка: дис. ... д-ра филол. наук / Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2017.

² Все эксперименты проходили экспертизу в Этическом комитете междисциплинарных исследований Международного центра исследований развития человека ТГУ (<http://www.ethicom.ru/>). В соответствии с его регламентом (<http://www.ethicom.ru/docs/reglament.pdf>) авторами экспериментов предъявлялись для оценки членам этического комитета принципы работы с испытуемыми, мотивировался дизайн эксперимента, его обоснованность соответствующей теорией. Заключение этического комитета также рассматривалось и подписывалось деканом филологического факультета, в составе которого функционирует Лаборатория лингвистической антропологии.

противопоставленных по выражаемой семантике и функциям: ласкательное значение (*-оньк(а) /-еньк(а)*), уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение (*-онк(а)*, и *-ёшк(а)*), разговорность, фамильярность или оценочная экспрессия (*-аг(а)* и *-уг(а)*, *-як(а)*, *-юк(а)*, *-ух(а)*, *-ах(а)*). Так как суффикс не используется вне слова и контекстуальное значение корня не может не влиять на восприятие суффикса, деривационные морфемы с диминутивным значением были встроены в так называемые псевдослова, не обладающие значением, но в структуре которых опознавался соответствующий суффикс. Для проверки гипотез о влиянии внесловного контекста дизайн эксперимента усложнялся введением псевдослов в специально сформированный оценочно маркированный контекст.

Проверяя гипотезы, сформулированные относительно восприятия экспрессивных слов, мы последовательно манипулировали совокупностью их параметров:

1) наличие vs. отсутствие эмоциональной оценки (или другого типа экспрессивности) в семантике слова (*платище*, *коленце*, *копытце* vs. *прокачка*, *раскачка*, *солонка*);

2) тип эмоциональной оценки: положительная vs. отрицательная (*счастьице*, *реченька*, *папенька* vs. *мебелишка*, *репортеришко*, *пиджачишко*);

3) тип экспрессивности: оценочная семантика vs. значительная степень проявления признака (*дороженька* vs. *набухаться*, *щекастый*);

4) положение предъявляемого стимула относительно контекста: изолированный стимул vs. стимул в минимальном контексте (*взбеситься*, *сфотографироваться* vs. *он вчера разожрался*, *она вчера уволилась*);

5) положение стимула в экспериментальном задании – целевой стимул (таргет) vs. стимул в позиции прайма. Праймом в психолингвистических и когнитивных экспериментах называют единицу (вербальную или невербальную), которая предшествует целевому слову, воспринимается испытуемым ранее и вследствие этого может оказать влияние на обработку единицы: скорость выполнения задания, его точность и т.д. Подробное описание типов праймов, используемых в психолингвистической литературе, представлено в работе

М.В. Фаликман, А.Я. Койфман¹. В наших экспериментах мы прослеживали влияние экспрессивного прайма, который является эмоциональным (в противопоставление когнитивному), осознаваемым (противопоставляется неосознаваемому, предъявляемому в эксперименте в течение 50 мс), семантическим (противопоставляется перцептивному, сублексическому уровню обработки слова).

В серии экспериментов в качестве стимулов были использованы единицы разных частей речи – существительные, глаголы, прилагательные (*кроваточка, репортеришко* vs. *надраться, намалеваться* vs. *простецкий*), однако влияние грамматической характеристики слова не было предметом специального исследования, в пределах дизайна одного эксперимента стимулы на основании различий части речи не противопоставлялись.

Степень экспрессивности, психологическая реальность оценочной семантики языковых стимулов для русскоговорящих, субъективная частотность проверялись в серии претестов с использованием психометрического метода шкалирования Ликерта, заключающегося в выявлении субъективной оценки респондентами того или иного явления по 9-, 7- или 5-балльной шкале (в наших экспериментах мы использовали семибалльную шкалу).

Выявление мнения респондентов проводилось при помощи Google-анкет, в процессе заполнения которых участникам предлагалось оценить предложенные лексические единицы на шкале Ликерта по трем параметрам: степень экспрессивности стимулов; оценка обозначаемого явления, которую выражает слово (положительная, отрицательная, нейтральная); степень субъективной частотности стимулов.

Каждый из претестов прошли не менее 20 испытуемых, что соответствует требованиям примененной парадигмы экспериментальных исследований.

¹ Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. 2005. Сер. 14. Психология. № 3, 4. С. 86–97.

Объективная частотность слов определялась на основании Частотного словаря современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)¹.

В результате применения данных методик было получено усредненное значение субъективной оценки по данным параметрам каждого анализируемого слова. С применением Т-тестов программы SPSSSTATISTICS из состава единиц, включенных в Google-анкеты, отбирались стимулы, которые не имели статистически значимых различий по усредненной оценке стимулов по признакам частотности, а также по объективным параметрам слоговой и буквенной длины. Необходимость контроля по данным параметрам вызвана наличием доказанного во множестве поведенческих экспериментов эффекта влияния длины и частотности стимула на скорость реакции испытуемого². Высокочастотные слова или слова малой длины воспринимаются быстрее (когнитивная обработка занимает меньше времени), нежели малочастотные или длинные слова, неконтролируемость данного параметра может существенно повлиять на результаты экспериментального исследования.

Отсутствие статистически значимых различий по трем признакам в группе противопоставленных стимулов (буквенная и слоговая длина слова и частотность) позволяет избежать влияния данных факторов на результаты проводимых экспериментов, в которых проверяется влияние других факторов – наличие экспрессивности в семантике слов и ее типа.

Именно потому, что данные признаки экспрессивности, субъективной оценки являются основными независимыми переменными дизайна проводимых экспериментов, способными повлиять на скорость реакции испытуемого, согласно гипотезе авторов монографии, в составе стимулов были оставлены единицы, имеющие статистиче-

¹ *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник. 2009. 1090 с.

² *Whaley C.P.* (1978). Word-nonword classification time. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 17, 143–154; *Forster K.I., & Chambers S.M.* (1973). Lexical access and naming time. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 12, 627–635.

ски значимые различия по данным признакам, что также проверялось с использованием Т-теста.

Например, в состав стимулов одного из экспериментов включались единицы двух противопоставленных групп: в первую группу были включены, например, единицы *актеришка*, *бумажонка*, имеющие длину 4 слога, 9 букв (в целом колебания в стимулах 8–11 букв, 4–5 слогов и колебания частотности в диапазоне от 2,1 до 2,5. При этом в группе субъективная эмоциональность варьировалась в диапазоне от 4,8 до 5,3, оценочность – в диапазоне от 1,6 до 1,7). Во вторую группу были включены единицы *горожанка*, *перегонка*, *медогонка*, характеризующиеся тождественной длиной и колебаниями частотности в том же диапазоне от 1,4 до 2,4, однако имеющие значимые различия в оценке эмоциональности по отношению к единицам первой группы (диапазон варьирования от 1,7 до 2,5; варьирование оценочности – от 0,1 до 0,3). Повторим, что статистически значимое различие определялось в целом для усредненных значений всех единиц группы. Из исходного списка 150 стимулов в результате оценки на соответствие всем необходимым критериям осталось 22 стимула, которые были введены в дизайн эксперимента. По данной схеме отбирались стимулы для всех экспериментов.

Количество используемых стимулов определялось типом эксперимента, особенностями его целевой направленности, сложности выполняемого задания. Экспериментаторы стремились к такой балансировке количества стимулов, которая бы не приводила к усталости, потере внимания, резкому возрастанию экстрасигнальных реакций (ответить «что угодно»).

Типы экспериментальных заданий

В представляемых далее экспериментах принципиально противопоставляются 2 типа заданий. С помощью первого типа заданий выявляются субъективные оценки наличия и степень проявления какого-либо компонента семантики, в заданиях данный компонент непосредственно вводится в фокус внимания испытуемых. При этом существенно важным является актуализация интроспекции значительного числа носителей языка, позволяющая с применением статистического анализа сформировать представление об усредненных оценках носителей языка как основу научного моделирования.

В заданиях второго типа наличие и степень проявленности соответствующих компонентов семантики проявляются в неосознаваемых реакциях испытуемых, манипулирующих языковыми знаками при выполнении заданий, не связанных с данными семантическими компонентами. Принципиально важным в организации эксперимента является то, что испытуемый выполняет задание, не связанное с исследуемым языковым явлением, и это позволяет выявить действие факторов, сознательно не контролируемых испытуемым. Однако респонденты в данном случае манипулируют единицами, противопоставленными по наличию исследуемых эмоционально-оценочных, экспрессивных компонентов и их характеру. Задания второго типа, предлагаемые в проведенных экспериментах: задание на принятие лексического решения (lexicaldecisiontask), задание на понимание прочитанного (readingcomprehensiontask). При выполнении задания на принятие лексического решения испытуемому предлагается определить, является ли появляющееся на экране слово реальным словом соответствующего языка или это незначимая комбинация символов. Выполняя задание на категоризацию, испытуемый должен квалифицировать появляющееся на экране слово как относящееся к какому-либо классу, например, к обозначениям живых или неживых объектов, к существительным мужского или женского рода и под. Выполнение задания на понимание прочитанного состоит в том, что испытуемым предлагается читать предложения и отвечать на вопросы, диагностирующие понимание / непонимание прочитанного.

Процедура проведения экспериментов

Перед проведением эксперимента и ознакомлением с инструкцией каждый его участник подписывал Мотивированное согласие, согласие на обработку данных. Экспериментаторы гарантировали испытуемым анонимность результатов участия в эксперименте.

Процедура проведения экспериментов предполагала использование персональных компьютеров, представленных в компьютерных парках лаборатории. Стимулы предъявляются на экране монитора испытуемым, которые, в соответствии с инструкцией, реагируют в качестве ответа на задание нажатием на обозначенную клавишу клавиатуры компьютера.

Все эксперименты содержали тренировочную сессию, результаты которой не учитывались при анализе материала, и основной блок экспериментальных стимулов.

Серии экспериментов были сконструированы и проведены при помощи специализированного программного обеспечения – пакетов программ E-Prime 2.0 (Copyright 1996-2012 Psychology Software Tools): E-Prime Studio (для написания скриптов экспериментов), E-Data (для работы с числовыми наблюдениями – результатами измерения зависимых переменных) и E-Merge (для объединения данных в единый массив). Используемое программное обеспечение позволяет измерять время реакции в миллисекундах (мс) и обрабатывать значительное количество данных.

В экспериментальных сессиях стимулы предъявлялись в соответствии с требованием случайного распределения, чтобы избежать появления эффектов привыкания при решении экспериментальных заданий и исключить автоматические реакции респондента.

При проведении гугл-анкетирования и предъявлении бумажных анкет рендомизация стимулов проводилась вручную, при проведении аппаратных экспериментов осуществлялась автоматическая реализация принципа случайного предъявления стимульного материала.

Типовая схема проведения экспериментов представлена на рис. 1, она включает предъявление фиксационного креста (250–500 мс), остающегося на экране: в течение 3000 мс, если в его качестве использовалось слово, 7 000 мс – предложение, и межпробного интервала (Intertrial Interval – ITI), длящегося от 250 до 500 мс в разных экспериментах.

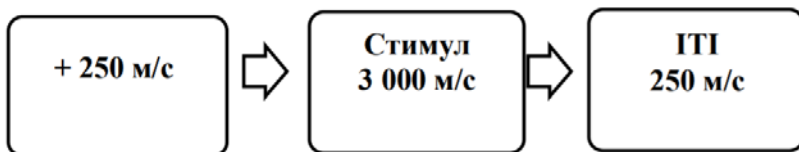

Рисунок 1—Типовая схема процедуры эксперимента

Однако в ряде экспериментов типовая схема осложнялась введением дополнительных компонентов, например, введением прайма, дополнительных экспериментальных условий и т.д., дополнительных

контекстных условий, направленно влияющих на восприятие стимульного слова и под., что будет отмечено при описании конкретных дизайнов экспериментов и процедур их проведения.

Общие принципы анализа и обработки результатов исследования

При статистической обработке результатов эксперимента экспериментальная гипотеза преобразовывалась в статистическую, исходя из того что статистические оценки дают информацию о достоверности сходств и различий результатов контрольных и экспериментальных групп. В процедурах статистической интерпретации материала применялись статистические гипотезы о сходстве или различии двух и более групп единиц, о взаимодействии независимых переменных; о статистической связи независимых и зависимых переменных; о структуре латентных переменных (относится к корреляционному анализу). Описание конкретных статистических методов, применяемых при обработке данных в экспериментах, представлено в соответствующих разделах.

2.2 Семантика диминутива в восприятии носителей русского языка¹

2.2.1 Восприятие семантики деривационного суффикса в условиях варьирования эмоционально-оценочных смыслов контекста

Как известно, деривационный суффикс, наиболее значимый компонент русской деривационной системы, является абсолютно связанной единицей, не реализуясь вне соединения с производящей основой. Его семантика изучается в классических методиках оппозиционного и дистрибутивного анализа: характеризуются типовые условия его сочетаемости, на этой основе определяются вклад мор-

¹ Материалы данного исследования ранее были опубликованы. См.: Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Семантика диминутивных суффиксов в восприятии носителей русского языка: влияние контекстных и социальных факторов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 12–21.

фемы в семантику производного и варьирование значения в условиях смены внутрисловного контекста. Данное исследование было обращено к выявлению оценок носителями русского языка вклада семантики суффикса в формирование значения диминутива. В экспериментах решались две взаимосвязанные задачи. Первая задача – выявить, определяются ли эмоционально-оценочные компоненты семантики диминутивного суффикса носителями русского языка вне контекста его использования. Вторая задача – определить, зависит ли восприятие семантики деривационного суффикса от эмоционально-оценочных значений лексем, составляющих внесловный контекст его использования.

Всего было проведено две экспериментальные серии единообразного дизайна, различающиеся типом используемых стимулов.

В первой экспериментальной сессии в качестве основных целевых единиц были выбраны специально смоделированные слова, представленные вне контекста; во втором эксперименте исходные стимулы из дизайна первого эксперимента были помещены в контекст.

Проведение первого эксперимента было направлено на проверку исследовательской гипотезы о том, что семантические различия деривационных формантов зоны модификационного словообразования *будут восприниматься носителями русского языка*, даже если форманты будут предъявляться вне привычного деривационного контекста – типа производящей семантики. Данная исследовательская гипотеза предопределила выбор дизайна эксперимента и выбор стимулов.

Задача выявления реакций испытуемых на разные варианты эмоционально-оценочного суффиксального значения, находящегося вне влияния внутрисловного контекста, определила такую особенность формирования стимульного материала эксперимента, как построение псевдослов с финалями, аналогичными реальным суффиксам русского языка. Псевдослова широко применяются в экспериментальной психолингвистической парадигме при исследовании коннотативных значений лексических единиц, так как позволяют оценить коннотативный компонент значения при полном отсутствии

влияния денотативного компонента¹. Псевдослова проверялись на отсутствие ярко выраженных ассоциаций с реальными словами русского языка, а также на субъективную оценку звукосемантического эффекта, способного повлиять на реакцию испытуемого, в экспертной группе. В качестве экспертов выступили лингвисты и специалист в области когнитивной науки.

Псевдослова были образованы с использованием суффиксов диминутивной зоны словообразования. При этом были отобраны морфемы, не имеющие омонимов, относящихся к другой функциональной сфере словообразования. Так, например, для построения псевдослов не мог быть привлечен суффикс *-к(а)*, продуктивный в сфере выражения уменьшительно-ласкательного значения (*ручка, глазки, ножки*), но совпадающий по форме с суффиксом со значением отвлеченного действия (*читка, мойка, зарисовка*), не могли быть привлечены суффиксы, характеризующиеся значительно размытым морфемным швом, имеющие несколько морфов, типа *-к(а), -овка (а), -онк(ка)* и под.

При отборе суффиксов учитывалась их функционально-семантическая противопоставленность. На основе данных «Русской грамматики» мы противопоставили три группы суффиксов.

1. Первую группу составили два морфа *-оньк(а)/-еньк(а)*, выражающие только ласкательное значение: *боженька, доченька, подруженька, собаченька, лисонька*.

2. Во вторую группу были объединены суффиксы *-онк(а)*, и *-ёшк(а)*, имеющие уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение (*мужичонка, избёнка, ручонка, ножонка, Настёнка; волосёнки; рыбёшка, работёшка, грамотёшка*), а также суффикс *-ушк(а)*, представленный двумя омографами:

¹ *Ervin S.M.* The connotations of gender // *Word*. 1962. № 18. P. 249–261; *Konishi T.* The connotation of gender A semantic differential study of German and Spanish // *Word*. 1994. Vol. 45, № 3. P. 317–326.

Таблица 1 – Образцы стимулов, привлекаемых для первой экспериментальной сессии

-ушк (а)	-онк(а)	-ёшк(а)	-еньк(а)	-аг(а)	-уг(а)	-ак(а)	-ук(а)	-ах(а)	-ух(а)
вупушка кютушка бырушка	зуронка мюонка роконка	жикёшка прэвёшка щувёшка	вэженька жотенька цотенька	лантяга фаркияга буптяга	рифуга цавуга прапуга	рувдака жувдака чуктака	веблука юбидука эдибука	обыряха футпяха дыхпяха	вуркуха мепкуха чагруха

существительное с безударным суффиксом имеет, по данным РГ-80, ласкательное значение (*сторонюшка, головушка, коровушка*), существительные с ударным суф. -ушк(а) имеют уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение (*пивнушка, зверюшка, амбарушка, сараюшка*).

3. Третью группу составляют суф. -аг(а) и -уг(а), -як(а), -юк(а), -ух(а), -ах(а), образующие стилистически сниженные синонимы мотивирующих существительных, характеризующаясь, как отмечено в РГ, разговорностью, фамильярностью или значительной оценочной экспрессией: *штормяга; ворюга, чертяка; сатанюка, грязюка, комнатуха*.

Были образованы по 10 псевдослов с каждым суффиксом, примеры представлены в табл. 1.

В качестве элементов, маркирующих эмоциональное отношение испытуемого к предъявляемым стимулам, в дизайн экспериментов были введены прилагательные *приятный* vs. *противный*, одно из которых должен был выбрать испытуемый в качестве способа вербализации положительной и отрицательной оценки объекта, названного словом. Предполагалось, что эмоциональные ассоциации, актуализируемые псевдословом, формируются под влиянием суффикса.

В качестве независимых переменных в дизайне эксперимента были использованы:

- тип суффикса (в данной переменной выделяется 10 уровней в соответствии с количеством анализируемых суффиксов);
- тип семантики (в данной переменной выделяется три уровня в соответствии с выделенными ранее группами семантики анализируемых суффиксов).

В качестве зависимой переменной был использован *тип выбора*: положительное vs отрицательное отношение испытуемого, проявленное в типе выбора реакции. В ходе эксперимента каждое псевдослово респондент соотносил либо с приятными ассоциациями, выбирая клавишу «приятный», либо с негативной ассоциацией, выбирая клавишу «противный». Каждый стимул, таким образом, в ходе экспериментальной сессии набирал количество подобных выборов, равное числу участвовавших в эксперименте респондентов. При анализе использовалось усредненное значение типа выбора.

В соответствии с разработанной системой организации подобных поведенческих экспериментов процедура проведения была следующей.

Перед началом экспериментальной сессии в соответствии с требованиями этической комиссии испытуемые заполняли лист информированного согласия на участие в эксперименте. Далее респондентам предлагалось указать свои метаданные (имя, возраст и пол) и познакомиться с инструкцией, содержащей информацию о том, что в эксперименте будут использованы слова смоделированного языка, которые не имеют значения в их родном языке. Согласно инструкции, респондентам предлагалось прочесть данные слова и определить эмоциональную реакцию, которую вызывает у них обозначенное слово.

На следующем этапе испытуемым предлагалось выполнить тренировочную сессию, полностью соответствующую логике основного этапа экспериментального исследования. Тренировочная сессия необходима для минимизирования ошибок при выполнении задания, вызванных «привыканием» респондентов к интерфейсу и деталям инструкции. Перед началом основного этапа эксперимента респондентам снова предлагалось ознакомиться с инструкцией.

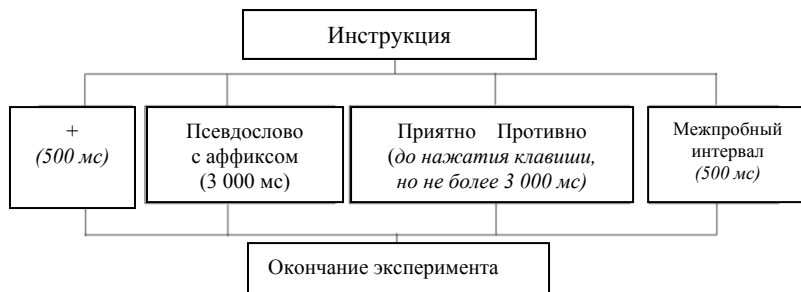

Рисунок 2 – Схема процедуры проведения экспериментального исследования

Процедура тренировочной сессии и основного задания состояла в последовательном предъявлении на экране фиксационного креста (продолжительность 500 мс), стимула-псевдослова (3000 мс), слов «приятный» и «противный» справа и слева экрана (до нажатия клавиши, но не более 3000 мс). Новая проба предварялась межпробным

интервалом (500 мс). Схематическое изображение процедуры экспериментальной сессии представлено на рис. 2.

В качестве испытуемых выступили 62 студента томских вузов, равное количество мужчин и женщин. Возраст испытуемых составил от 17 до 26 лет.

Всего в первом эксперименте было получено 6270 наблюдений.

Перед анализом из общего массива данных удалялись ошибки, а также наблюдения, время реакции в которых составило < 100 мс, что может свидетельствовать о вероятной механической ошибке нажатия. Все данные усреднялись, а также усекались не более чем на 2,5 стандартного отклонения от значения среднего. Дисперсии анализируемых данных подчинялись закону нормального распределения. Всего было удалено не более 4 % данных.

Однофакторный дисперсионный анализ по фактору типа суффикса выявил значимые различия при обработке слов с различными диминутивами:

$$F_s(9, 620) = 37,271, p = 0,000.$$

На рис. 3 представлены результаты по всем анализируемым аффиксам, сгруппированным в соответствии с семантикой в три группы, указанные в начале данного раздела: 1 – суффикс, принадлежащий к группе 1; 2 – суффиксы, принадлежащие к группе 2; 3 – суффиксы, принадлежащие к группе 3.

Для всех графиков данных экспериментальных серий справедливо распределение типа выбора от 0 до 1, где 0 соотносится с негативно рефлекслируемым контекстом, 1 – с позитивным.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа по фактору типа групповой семантики представлены на рис. 4.

$$F_s(2, 627) = 155,73, p = 0,000.$$

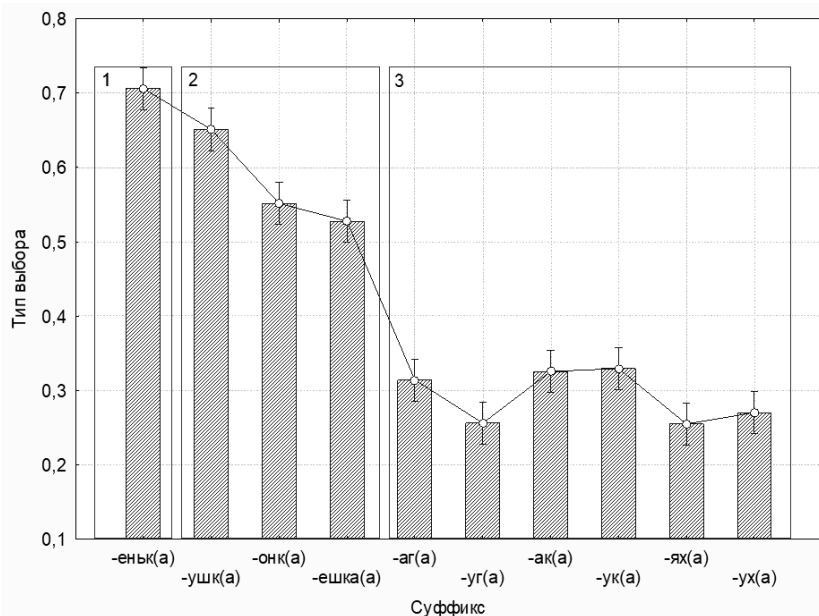

Рисунок 3 – Влияние суффиксальной семантики на тип выбора

Итоги анализа, представленные на рис. 4, продемонстрировали наличие статистически значимой разницы между обработкой групп суффиксов ($p < .001$ в обоих случаях), что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу H_0 об отсутствии различий между группами стимулов. Следовательно, суффиксы с различной семантикой интерпретируются испытуемыми по-разному. Более того, семантика суффикса оказывается относительно самостоятельной, не зависящей от семантики слова, поскольку в эксперименте в качестве стимулов использовались квисослова.

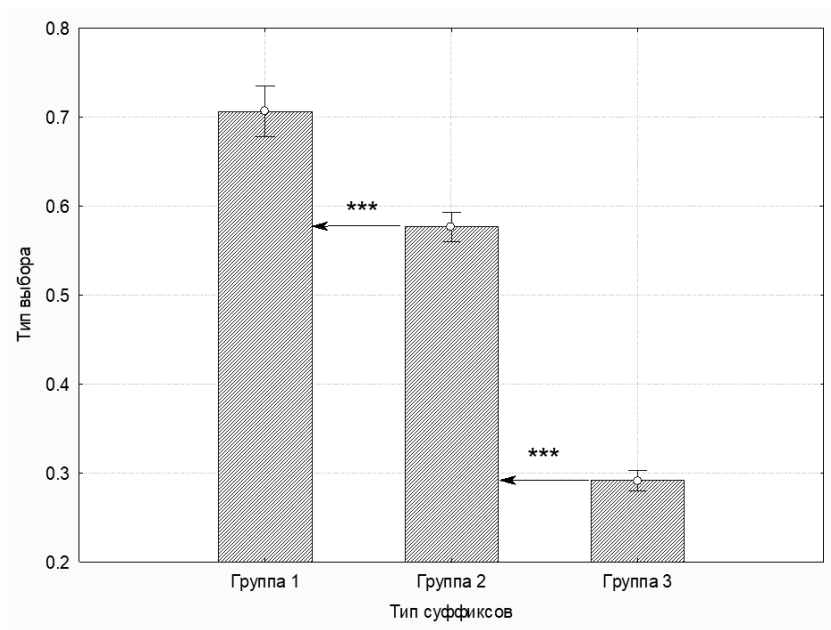

Рисунок 4 – Влияние суффиксальной семантики на тип выбора.
Усредненные значения по группам суффиксов

Результаты, полученные в результате проведения эксперимента, свидетельствуют о том, что различия в эмоционально-оценочных смыслах суффиксов дифференцируются испытуемыми в соответствии с интерпретацией суффиксальной семантики в лингвистических источниках, осуществленной на основе применения лингвистической методологии. Наибольшее количество выборов в пользу положительной эмоциональной реакции сделано испытуемыми на псевдослова с суффиксом *-еньк(а)*, интерпретируемым в РГ-80 как выражающее только уменьшительно-ласкательное значение, вторую позицию по частотности актуализации положительного эмоционального отношения испытуемых занимают суффиксы *-ушк(а)* с двумя омографами, а также суффиксы *-онк(а)* и *-ёшк(а)*, различающиеся по оценочной направленности эмоциональной оценки; суф-

фиксы третьей группы *-аг(а)* и *-уг(а)*, *-як(а)*, *-юк(а)*, *-ух(а)*, *-ах(а)* явно тяготеют к полюсу отрицательной эмоциональной оценки.

Безусловно, определенное оценочное смещение может наблюдаться во второй группе стимулов в связи с тем, что один и тот же суффикс может быть проинтерпретирован как ласкательный (с компонентом уменьшения) и как уничижительный. Однако другое разделение не представлялось возможным в условиях бесконтекстного предъявления слов. При этом интересным представляется рефлексия респондентами отношения к данным суффиксам как к тяготеющим к позитивному значению.

Вторая экспериментальная сессия является продолжением первой и направлена на проверку влияния внешнесловного контекста на восприятие семантики суффикса, который не испытывает влияния внутрисловного контекста. Для этого псевдослова были помещены в специально созданные контексты с доминирующей противоположной эмоционально ориентированной окрашенностью.

Каждое из 10 псевдослов, построенных с использованием 10 суффиксов, было помещено в 4 тождественных позитивно окрашенных контекста и в 4 – отрицательных. Всего было создано 400 контекстов. Стимульный материал был разделен на 2 листа по 200 контекстов, каждый испытуемый оценивал 200 контекстов с равным количеством позитивно и негативно окрашенных контекстов. Целевые слова в контекстах были выделены с обеих сторон знаками «*»

Приведем примеры контекстов с различным оценочным фоном.

Позитивный:

*Звуки *сэтушки* вторили веселому щебету птиц, который раздавался из буйно цветущего вишневого сада.*

*Изумрудные листья деревьев нежно оттеняли цвет *бацёшки*, уютно расположившейся на мягкой траве.*

*Наслаждаясь пением птиц, мы увидели *юбидуку*, свободно парящую в лазурном майском небе.*

Негативный:

*Мы увидели *лантягу* в душной темноте опасной окраины среди гниющих смрадных отбросов.*

*Тоскливые завывания осеннего ветра вторили звуку *жалонки*, который раздавался из глубины сырой пещеры.*

*Ржавый цвет протухшей воды сливался с цветом *бэкенки*, со всего маху брякнувшейся в плесень.*

*За стеной холодного осеннего дождя еле виднелась *прэвёшка*,
уплывающая в черную слякоть.*

*Я вдруг увидел *обыряху* в саду, в окружении цветущих, излу-
чающих неповторимый аромат яблонь.*

Таким образом, в качестве независимых переменных в дизайне эксперимента были использованы:

- *тип аффикса* (10 уровней в соответствии с количеством анализируемых аффиксов); и *тип групповой семантики*, представляющий собой средние значения среди аффиксов одной группы.

- *тип контекста*: положительный, отрицательный.

В качестве зависимой переменной выступает *тип выбора* эмоционально-оценочного отношения, выводимый по аналогичной с экспериментом 1 схеме.

Процедура повторяла принцип организации процедуры первого эксперимента, с тем изменением, что вместо псевдослова на экране появлялось предложение (в течение 7 000 мс).

Всего во втором эксперименте было получено 16000 наблюдений.

Перед анализом из общего массива данных удалялись ошибки, а также наблюдения, время реакции в которых составило < 100 мс, что говорит о неосознанности подобной реакции. Все данные усреднялись, а также обрезались не более чем на 2,5 стандартного отклонения от значения среднего. Дисперсии анализируемых данных подчинялись закону нормального распределения. Всего было удалено не более 3,4 % данных.

В процедуре анализа результатов эксперимента вначале мы выявляем влияние эмоционально-оценочного фона контекста на восприятие слова вне дифференциации испытуемых по полу.

Однофакторный дисперсионный анализ по фактору типа суффикса и типа групповой семантики выявил значимые различия при обработке слов с различными диминутивами ($F_s(9, 850) = 12,736$, $p=0,0000$ и $F_s(2, 857) = 49,532$, $p=0,0000$ соответственно), продемонстрировав сходжие с полученными в первом эксперименте паттерны.

Однако, несмотря на отсутствие интеракции между двумя факторами, очевидно влияние позитивного и негативного контекста на оценку суффиксов как соотнесенных с позитивными или негативными ассоциациями. Как можно судить по данным, представленным на графике (рис. 5), респонденты склонны ассоциировать один и тот же суффикс то с позитивным эмоциональным отношением, то с не-

гательным эмоциональным отношением в зависимости от того, в какой тип контекста они помещены

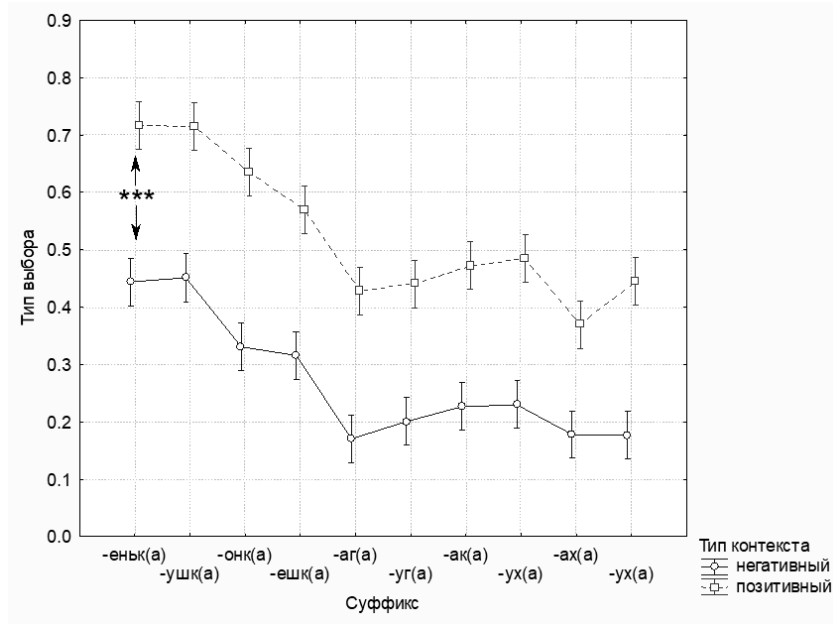

Рисунок 5 — Влияние типа контекста на категоризацию суффиксов респондентами

Результаты, полученные в эксперименте, свидетельствуют о влиянии оценочного, эмоционального фона контекста на восприятие суффиксов. Основной результат был предсказуем: помещение слова в контекст с позитивным оценочным фоном способствует увеличению выбора реакции «приятный» относительно одних и тех же псевдослов, что может свидетельствовать о превалировании внешнесловного контекста над внутрисловным.

Таким образом, базовые гипотезы, проверяемые в экспериментах, — о психологической реальности базовых признаков диминутивных суффиксов русского языка, относительной независимости их значения от условий реализации внутрисловного контекста, и о влиянии на реализацию условий внешнего контекста — подтвердились. Выявлены статистически значимые различия в восприятии

групп суффиксов, коррелирующие с существующей в грамматической традиции группировкой диминутивов на основе их различий в выражаемых эмоционально-оценочных значениях.

2.2.2 Восприятие эмоциональных компонентов семантики диминутива: проблема соотношения с психолингвистически релевантными параметрами значения и функционирования слова¹

В предыдущем разделе была экспериментально проверена гипотеза о том, что суффикс, являясь абсолютно связанной единицей, обладает определенной функционально-семантической самостоятельностью, носителями языка осознается диапазон смыслового и функционального варьирования суффикса даже в условиях экспериментальной смоделированной ситуации его функционирования в сочетании с семантически пустой псевдоосновой слова. Также было показано, что в условиях погружения диминутивных суффиксов в составе псевдослов в специально созданные контексты, противопоставленные по эмоционально-оценочным, экспрессивным компонентам, носители русского языка обнаруживают чувствительность в восприятии взаимодействия смыслов суффикса и внутрисловного контекста.

В данном разделе мы продолжаем исследование специфики восприятия и когнитивной обработки диминутивов как единиц эмоционально-оценочной семантики. При этом мы обращаемся к анализу эмоциональных смыслов производной единицы – диминутива, актуализируя другой аспект ее структуры – семантический, – связывая рассмотрение этого аспекта с разрешением общего исследовательского вопроса – существует ли различие в восприятии эмоционально окрашенных и нейтральных слов, то есть влияет ли эмоциональный семантический компонент на когнитивную обработку слова.

Разрешению данной проблемы посвящены многочисленные исследования, проводимые преимущественно на английском языке и с

¹ Результаты данного исследования были ранее представлены в публикациях: Васильева А.В., Резанова З.И. Эмоциональность диминутива: соотношение с оценочностью, частотностью, возрастом усвоения, контекстуальной маркированностью // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 22–31.

использованием различных методов, однако самыми распространенными являются работы, связанные с распознаванием слов – одиноких или используемых в контексте. При этом отмечаются противоречивость полученных результатов и множественность их интерпретаций (см. обзоры работ, посвященных данной проблеме¹).

Как представляется, неоднозначность полученных результатов объясняется несколькими основными причинами:

1) разнородностью исследуемого эмпирического материала, относимого к классу эмоциональной лексики. Так, анализ литературы показывает, что в большинстве исследований в качестве материала используются слова, которые в российской лингвистической традиции выводятся за границы эмоциональной лексики. Это могут быть существительные или прилагательные, которые вызывают отрицательные или положительные эмоции у говорящего (*gun* «оружие», *win* «выигрыш», *echo* «эхо»)², либо называют положительные или отрицательные качества предметов, однако не выражают отношение говорящего к этим предметам и качествам (*optimistisch* (*optimistic*) – «оптимистичный», *grausam* (*cruel*) «жестокий»)³;

2) непоследовательным разграничением влияния компонента эмоциональности и других компонентов синкретичной семантики слова, называемого в русской лингвистической традиции экспрессивным (эмоциональность и тип оценки – положительная или отрицательная);

3) недостаточным разграничением действия фактора эмоциональности и других психолингвистических факторов, влияющих на когнитивную обработку слова, к которым относят, прежде всего, частоту слова, возраст усвоения, семантическую насыщенность слов и др.

¹ Kuperman V., Estes Z., Brysbaert M., Warriner A.B. Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition // Journal of Experimental Psychology: General. 2014. №143 (3). P.1065–1081; Sereno S.C., Scott G.G., Thaden E.J., Bo Yao, O'Donnell P.J. Emotion word processing: does mood make a difference? // Frontiers in Psychology. 2015. doi.org:10.3389/fpsyg.2015.01191.

² Kousta S.T. et al. Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words // Cognition. 2009. № 112 (3). P. 473–481.

³ Wentura D., Rothermund K., & Bak P. Automatic vigilance: The attention-grabbing power of approach-and avoidance-related social information // Journal of personality and social psychology. 2000. № 78(6). P. 1024–1037.

Вследствие этого в настоящее время проводятся исследования, направленные на анализ влияния фактора эмоциональности слова во взаимодействиях с другими, такими как частотность слова и уже упоминавшиеся характеристики – активация (arousal) и оценка (valence). Как было отмечено ранее, многие исследователи говорят о влиянии фактора частотности слова на скорость его распознавания¹.

Эффект частотности слова представляет собой поведенческое преимущество в распознавании часто используемых высокочастотных слов по сравнению с низкочастотными словами. Частотный эффект слова считается надежным показателем лексического доступа: взаимодействие между эмоциональностью слова и частотой будет означать, что эмоциональность слова может влиять на ранние, лексические этапы распознавания слова. При этом данный эффект демонстрируется не только в экспериментах на скорость реакции, но и в измерениях электрофизиологии мозга, и в продолжительности фиксирования глаза во время беглого чтения².

Влияние факторов активации (arousal) и оценки (valence) рассматривается как изолированно, так и во взаимодействии. Так, например, R. J. Larsen, K. A. Mercer, D. A. Balota и M. J. Strube при проведении эксперимента на принятие лексического решения обнаружили взаимодействие между активацией и оценкой: имеется тенденция к замедлению скорости реакции на слова с низкой степенью активации в сочетании с семантикой отрицательной оценки, в сочетании с положительной оценкой происходит ускорение принятия лексического решения. Однако у слов с высокой степенью активации интеракция с оценкой практически отсутствует³.

¹ Kuchinke L. et al. Pupillary responses during lexical decisions vary with word frequency but not emotional valence // *International Journal of Psychophysiology*. 2007. № 65(2). P. 132–140; Méndez-Bértolo C., Pozo M.A., & Hinojosa J.A. Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data. *Neuroscience letters*. 2011. № 494(3). P. 250–254.

² Scott G., O'Donnell P., & Sereno S. Emotion words affect eye fixations during reading // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2012. № 38(3). P. 783–792; Scott G.G., O'Donnell P.J., Leuthold H., & Sereno S.C. Early emotion word processing: Evidence from event-related potentials // *Biological Psychology*. № 80(1). 2009. P. 95–104.

³ Larsen R. J., Mercer K. A., Balota D. A., & Strube M. J. Not all negative words slow down lexical decision and naming speed: Importance of word arousal // *Emotion* (Washington, D.C.). 2008. № 8. P. 445–452.

Исследуется также взаимодействие фактора эмоциональности слова с состоянием настроения испытуемого. Настроение может быть надежно индуцировано у людей с помощью нескольких различных лабораторных процедур, включая технику самопровозглашения, прослушивание музыки, просмотр фильмов и гипнотическое внушение. Для экспериментов по распознаванию слов предпочтительнее вызывать настроение методом прослушивания инструментальной музыки¹.

В наших предыдущих исследованиях, которые проводились на материале русских эмоциональных единиц, также было выявлено влияние ряда факторов на когнитивную обработку слов².

Проведенные эксперименты также продемонстрировали противоречивые результаты. В системе данных экспериментов наименее значимое влияние эмоциональности было получено на материале имен существительных с диминутивными суффиксами в противоположность материалу глаголов с эмоционально оценочными суффиксами семантики отрицательной оценки, где фактор эмоциональности оказался значимым. Однако в каждом из проведенных экспериментов было выявлено взаимодействие фактора эмоциональности с другими факторами: одушевленность/неодушевленность референта экспрессивного слова, тип референта предложения, тип эмоциональных коннотаций, выраженных в контексте.

Полученные результаты послужили основанием формулирования гипотезы о том, что эмоциональность вступает во взаимодей-

¹ *Niedenthal P.M., Setterlund J.B.H. M.B. Being happy and seeing "happy": Emotional state mediates visual word recognition // Cognition & Emotion. 1997. № 11 (4). P. 403-432; Olafson K.M., & Ferraro F.R. Effects of emotional state on lexical decision performance // Brain and Cognition. 2011. № 45(1). P. 15-20.*

² *Резанова З.И., Васильева А.В., Позовкина К.С., Хабибулина А.С. Когнитивная обработка русских экспрессивных единиц: гендерное своеобразие // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 420. С. 74-81; Васильева А.В. Особенности когнитивной обработки экспрессивной субстантивной семантики: экспериментальное исследование // Язык и культура: сб. ст. XXVIII Междунар. науч. конф. (25-27 сент. 2017 г.). Томск: Издательский Дом ТГУ, 2018. С. 17-24; Позовкина К.С. Влияние экспрессивного стимула с отрицательной коннотацией на скорость реакции: гендерный аспект // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск, 20-24 июня 2016 г. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2016. С. 494-495.*

вие и с другими семантическими и психолингвистически релевантными параметрами, влияющими на обработку слова, которые не контролировались в наших предыдущих исследованиях.

В данном разделе представлены результаты выявления корреляции эмоциональной семантики русских диминутивов с психолингвистически релевантными параметрами: оценочностью, контекстуальной соотнесенностью, частотностью, возрастом усвоения; а также определения специфики корреляции параметров в группе лексем-диминутивов в сравнении с оценочными и нейтральными единицами других классов.

Привлечение диминутивов в качестве эмоциональных стимулов в данном исследовании было мотивировано рядом причин. С одной стороны, как уже отмечалось, диминутивы представляют собой довольно разнообразные и неоднозначные по своей семантике единицы, с другой стороны, коннотативный статус эмоционально-оценочных смыслов в структуре семантики диминутива позволяет считать диминутивы эмоциональными единицами как с точки зрения лингвистического подхода, так и с точки зрения подхода психолингвистического.

Группы стимулов для анализа формировались на основе данных «Большого толкового словаря русских существительных» Л.Г. Бабенко¹, в котором слова представлены в виде систематизированных групп по тематическому принципу. Были отобраны те единицы, которые имеют отношение к человеку и его окружению: наименование родственных связей (*папа, тетя, бабушка, жена*), частей тела (*рука, живот, глаз, желудок*), предметов одежды (*блуза, джинсы, костюм, кофта*), предметов домашнего быта и предметов мебели (*вилка, стул, ковер, кушетка*).

Важно отметить, что, исходя из цели исследования, из указанных групп отбирались слова, от которых могут быть образованы формы с диминутивными суффиксами: *вилка* – *вилочка*, *рука* – *ручка*, *папа* – *папочка*. Кроме того, были сформированы группы слов со значениями положительной (*великолепие, шедевр, прелесть, триумф*) и отрицательной оценки (*идиотство, тупица, безобразие, мер-*

¹ Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. АСТ-Пресс Книга, 2008. 862 с.

зость), которые использовались с целью определения наиболее точного места диминутивов на шкале эмоциональности.

Общее количество стимулов – 371, из которых 163 единицы – непроизводные слова, 166 – диминутивы, образованные от производных слов, 42 – слова с семантикой положительной и отрицательной оценки.

Для того чтобы получить данные, которые позволили бы сформировать группы стимулов, сбалансированные по психолингвистическим параметрам, данные стимулы были введены в серию экспериментов, в процессе проведения которых участникам предлагалось оценить лексические единицы по шкале от 1 до 7 по следующим параметрам:

- сила эмоции (что, как мы считаем, соотносится с психолингвистическим параметром *arousal*);
- тип оценки (соотносимый с параметром *valence*);
- типовые контексты использования: а) в разговоре о ком чаще используется слово, б) в разговоре с кем чаще используется слово;
- возраста усвоения слова;
- частотность.

Первые три параметра связаны с эмоциональностью, действие четвертого и пятого универсально для всех групп лексики.

Экспериментальное исследование проводилось с использованием напечатанных анкет. Все стимулы были разделены на 6 списков, от 60 до 65 существительных в каждом списке. Слова в списках были упорядочены случайным образом. На каждом листе была размещена инструкция для соответствующей шкалы. При формулировании инструкций мы опирались на опыт аналогичных исследований.

Время работы не было ограничено, заполнение одной анкеты варьировалось от 5 до 15 минут. Каждый участник получал не более двух случайно отобранных списков. Ни один человек не оценивал одни и те же слова дважды.

Респонденты (240 человек – 86 мужчин и 154 женщины) – студенты филологического факультета и факультета иностранных языков ТГУ, возраст – от 17 до 28, каждый заполнял не более 3 анкет.

В результате было получено 53 634 наблюдения. Из анализа были исключены 4 анкеты, в которых испытуемые указали в качестве родного языка не русский (казахский). Кроме того, из анализа были исключены 9 анкет, в которых участники использовали для оцени-

вания менее 3 измерений шкалы. На каждое слово в среднем было получено около 145 оценок. Каждый эксперимент прошли не менее 20 испытуемых, что соответствует требованиям примененной парадигмы экспериментальных исследований.

Первым параметром, который проверялся при помощи эксперимента, была субъективная частотность лексических единиц. Частотность (субъективная или объективная) является одной из основных характеристик, которые, как правило, контролируются при проведении психолингвистических экспериментов. В нашем случае использование параметра объективной частотности, которая обычно относительно русскоязычных лексем определяется по словарю О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, не представлялось возможным, так как большинство из выбранных нами слов-стимулов с диминутивными суффиксами не представлены в указанном словаре, т.е. имеют относительно низкую частотность (<1).

Для определения субъективной частотности в ходе заполнения анкеты респондентам предлагалось оценить слова, данные в списке, по частоте их использования в речи людей от 1 до 7, где 1 соответствовала наименее частотному слову, а 7 – самому частотному.

В результате было получено 9 323 наблюдения, в анализ было включено 9 191 наблюдение.

Вторым контролируемым параметром явилась степень эмоциональности стимулов. При заполнении данной анкеты испытуемым предлагалось оценить единицы из списка по критерию эмоциональности (от 1 до 7), где 1 соответствует оценка «неэмоциональное слово», а 7 – «эмоциональное» (2 – не совсем эмоциональное, но близкое к нему, 3 – скорее нейтральное, чем эмоциональное, 4 – как нейтральное, так и эмоциональное, 5 – скорее эмоциональное, чем нейтральное, 6 – не самое эмоциональное, но близкое к нему). Для большей наглядности респондентам предлагалось несколько примеров оценивания единиц. Например, *пьющий человек* как неэмоциональная единица (1), *алкоголик* – как нейтральное, так и эмоциональное (4), *пьянчуга* – эмоциональное (7).

В результате было получено 9 705 наблюдений, в анализ было включено 9 437 наблюдений.

Следующий тест был направлен на выявление оценки (отрицательной, положительной или нейтральной), выражаемой тем или иным словом-стимулом. Респондентам предлагалось оценить слова

из списка по тому, какая эмоциональная оценка к называемому лицу или предмету выражается данным словом – положительная, отрицательная или нейтральная – по шкале от 1 до 7, где 1 соответствует слово с отрицательной оценкой, а 7 – с положительной (2 – не совсем отрицательное, но близкое к нему, 3 – скорее нейтральное, чем отрицательное, 4 – нейтральное слово, 5 – скорее положительное, чем нейтральное (с положительной, чем с нейтральной оценкой), 6 – не с самое положительной, но близкой к ней). Для наглядности испытуемым также предлагались примеры: пример слова с отрицательной оценкой. В результате было получено 8 680 наблюдений, в анализ было включено 8 478 наблюдений.

В четвертом и пятом экспериментах проверялось наличие устойчивой контекстной связи реализации эмоциональной семантики единиц с диминутивными суффиксами, что было ранее установлено в исследованиях с использованием лингвистической методологии¹, а также исходя из данных о взаимодействии факторов экспрессивности и контекстуальной соотносительности слов, полученных нами ранее с использованием психолингвистических экспериментальных методик².

В эксперименте испытуемым предлагалось оценить наличие закреплённости единиц за типовыми контекстами использования (в разговорах с детьми и о детях, в разговоре о взрослых и со взрослыми) по шкалам от 1 до 7, где 1 – это слово используется в разговоре только с детьми (о детях), 7 – это слово используется в разговоре только со взрослыми (о взрослых) (2 – это слово используется в разговоре с детьми (о детях) чаще, чем со взрослыми (о взрослых), 3 – это слово скорее используется в разговоре с детьми (о детях), чем со взрослыми (о взрослых), 4 – это слово используется в одинаковой степени как в разговоре с детьми (о детях), так и в разговоре со взрослыми (о взрослых), 5 – это слово используется скорее в разговоре со взрослыми (о взрослых), чем с детьми (о детях), 6 – это сло-

¹ Резанова З.И. Именная диминутивная деривация в моделях выражения оценки // *Картины русского мира: аксиология в языке и тексте* / отв. ред. З.И. Резанова. Томск, 2005. С. 196–234.

² Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Семантика диминутивных суффиксов в восприятии носителей русского языка: влияние контекстных и социальных факторов // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 421. С. 12–21. DOI: 10.17223/15617793/421/2

во используется в разговоре со взрослыми (о взрослых) чаще, чем в разговоре с детьми (о детях)).

В результате по параметру «использование в разговоре о ребенке / взрослом» было получено 8 042 наблюдения, по параметру «использование в разговоре с ребенком / взрослым» – 9 256, в анализ было включено 7 906 и 9 124 наблюдения соответственно.

В шестом эксперименте определялся возраст усвоения слов, что было мотивировано наличием данных о влиянии данного параметра на когнитивную обработку слов. В экспериментальном задании участникам претеста предлагалось оценить стимулы по тому, в каком возрасте они впервые слышали и/или начали использовать то или иное слово (0–2 лет, 3–5 лет, 6–9 лет, 10–13 лет, 14–17 лет, 18 лет и старше). Как было неоднократно установлено ранее в психолингвистических исследованиях, методики, направленные на установление субъективных оценок возраста усвоения слова, дают данные, устойчиво коррелирующие с полученными объективными данными¹.

В результате было получено 8 628 наблюдений, все наблюдения были включены в анализ.

Описательные статистики полученных результатов по параметрам: субъективная частотность, тип оценки, степень эмоциональности, типовые контексты сочетаемости и возраст усвоения – представлены в табл. 2 (Сред. – среднее значение; Ст. откл. – стандартное отклонение; Min, Max – минимальное и максимальное значения;

Q1, Q2 (медиана), Q3 – первый, второй, третий квартили соответственно; IQR – межквартильный размах).

¹ Zevin, J.D., & Seidenberg, M.S. Age of acquisition effects in word reading and other tasks. *Journal of Memory and language*. 2002. № 47(1). P. 1–29. doi:10.1006/jmla.2001.2834

Таблица 2 – Описательные статистики эмоциональности и смежных категорий¹

	Сред.	Min	Max	Q1	Q2	Q3	Ст. откл.	IQR
Тип оценки	3,452	1,025	6,897	2,700	3,567	3,933	0,960	1,233
Степень эмоциональности	2,780	1,0000	6,046	1,500	2,929	3,727	1,281	2,227
Субъективная частотность	4,062	1,185	6,952	2,880	4,107	5,280	1,410	2,400
Разговоры с ребенком/взрослым	3,974	1,917	6,654	3,067	4,0000	4,696	1,086	1,629
Разговоры о ребенке/взрослом	4,124	1,828	6,824	3,167	4,167	4,862	1,114	1,696
Возраст усвоения	2,510	1,046	4,680	1,920	2,400	3,000	0,755	1,080

¹ В таблице статистические данные округляются до тысячных долей.

Таблица 3 – Корреляции параметров (с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена)

	Тип оценки	Степень эмоциональ- ности	Субъек- тивная частот- ность	Разговоры с ребен- ком/ взрослым	Разговоры с ребен- ком/ взрослым	Возраст усвое- ния
Тип оценки	1,000	-0,521	0,248	0,583	0,558	0,212
Степень эмоцио- нальности	-0,521	1,000	-0,433	-0,467	-0,449	-0,024
Субъектив- ная частот- ность	0,248	-0,433	1,000	0,306	0,321	-0,402
Разговоры с ребенком/ взрослым	0,583	-0,467	0,306	1,000	0,919	0,542
Разговоры с ребенком/ взрослым	0,558	-0,449	0,321	0,919	1,000	0,518
Возраст усвоения	0,212	-0,024	-0,402	0,542	0,518	1,000

Таким образом, в результате первого этапа исследования были собраны эмпирические данные по психолингвистически релевантным шкалам. Полученные в серии претестов данные позволили решить поставленную в работе цель – выявление корреляции эмоциональной семантики лексем-диминутивов со смежными психолингвистически релевантными параметрами в сравнении с другими группами эмоциональной и нейтральной лексики с использованием статистических методов (использовался пакет программ STATISTICA).

На первом этапе был выявлен характер корреляционных взаимосвязей между исследуемыми параметрами. Для анализа использовался непараметрический коэффициент корреляции Спирмена, так как после проверки распределения переменных на нормальность, было выявлено, что ни одна из выборок не подчиняется нормальному распределению.

В результате проведения корреляционного анализа были получены данные, позволяющие говорить о наличии статистически значимых корреляционных взаимосвязей между исследуемыми параметрами, оцененными респондентами: субъективная частотность, тип оценки,

степень эмоциональности, типовые контексты сочетаемости и возраст усвоения, Полученные результаты представлены в табл. 3.

В качестве наиболее важных для нашего исследования отметим следующие прямые и обратные корреляции.

1. Прямые корреляционные связи устанавливаются между:

а) функциональными параметрами (дискурсивно специфичное использование): «использование в разговорах с ребенком/взрослым» и «использование в разговорах о ребенке/взрослом» ($r = 0,919$), что фактически говорит об их идентичности для испытуемых и позволяет в дальнейшем использовать для анализа только один из параметров;

б) семантическим параметром «оценка» и функциональным параметром «использование в разговорах с ребенком/взрослым» ($r = 0,583$): чем более высоким является показатель оценки у слова, тем скорее оно будет использовано в разговоре со взрослым, чем с ребенком (о взрослом);

в) психолингвистическим параметром «возраст усвоения» и функциональным параметром «использование в разговорах с ребенком/взрослым» ($r = 0,542$): чем позднее было усвоено слово, тем скорее оно будет использовано в разговоре со взрослым, чем с ребенком (о взрослом);

г) функциональными параметрами «частотность» и «использование в разговорах с ребенком/взрослым» ($r = 0,306$): чем более частотно слово, тем скорее оно будет использоваться в разговоре со взрослым, чем с ребенком (о взрослом).

2. Обратная корреляционная связь устанавливается между:

а) семантическими компонентами «эмоция» и «оценка» ($r = -0,521$): чем более эмоциональным является слово, тем более положительной является выражаемая им оценка;

б) семантическим компонентом «эмоция» и функциональным параметром «частотность» ($r = -0,433$): чем более эмоциональным является слово, тем оно менее частотно в употреблении;

в) семантическим компонентом «эмоция» и функциональным дискурсивным параметром «использование в разговорах с ребенком/взрослым» ($r = -0,467$): чем эмоциональнее слово, тем скорее оно будет использовано в разговоре с ребенком, чем в разговоре со взрослым.

Таблица 4 – Описательные статистики оценки параметров с распределением по группам стимулов

Параметр \ Тип	Слова с положительной оценкой			Диминутивы			Слова с нейтральной оценкой			Слова с отрицательной оценкой		
	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.	Средн.	Мин.	Макс.
Тип оценки	2,4	1,02	3,44	2,8	1,23	5,22	3,8	1,25	5,47	5,7	3,69	6,89
Степень эмоциональности	3,2	1,59	5,27	3,7	1,46	5,86	1,6	1	4	4	1,81	6,04
Субъективная частотность	4,8	2,8	5,95	3,1	1,18	6,85	4,8	1,37	6,95	4,2	1,7	5,76
Разговоры с ребенком/ком/взрослым	5	3,1	6,4	3,1	1,91	6,16	4,5	3,23	6,65	5,4	3,32	6,57
Разговоры с ребенком/ком/взрослым	5,1	2,5	6,8	3,2	1,82	6	4,7	2,55	6,61	5,6	4,29	6,66
Возраст усвоения	3	1,5	4,16	2,4	1,26	4,63	2,4	1,04	4,68	3,3	2	4,24

г) психолингвистическим параметром «возраст усвоения» и функциональным параметром «частотность» ($r = -0,402$): чем позднее было усвоено слово, тем менее частотным оно является.

Все отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$.

На втором этапе было проведено исследование специфики актуализации выявленных параметров в лексемах-димиутивах по сравнению с другими группами эмоциональной и нейтральной лексики. Описательные статистики оценки параметров представлены в табл. 4.

Далее с использованием критерия Краскела – Уоллиса, который является непараметрическим аналогом одномерному дисперсионному анализу, были выявлены различия димиутивов внутри выделенных групп стимулов.

Анализ показал, что димиутивы значимо отличаются:

1) от всех групп слов, тестируемых в экспериментах:

а) по функциональному параметру «субъективная частотность»: производные слова с нейтральной оценкой – $p=0,000$, единицы с положительной оценкой – $p=0,000$, отрицательные – $p=0,004$;

б) по дискурсивным параметрам «использование в разговорах с ребенком/взрослым; о ребенке/взрослом», $p=0,000$; димиутивы при этом оцениваются как используемые скорее в разговоре с детьми, производные слова с нейтральной оценкой – как используемые в разговоре и с детьми, и со взрослыми, слова с положительной и отрицательной оценкой – как используемые скорее в разговоре со взрослыми.

2) от производных единиц с нейтральной оценочностью по параметру «степень эмоциональности», $p=0,000$; при этом димиутивы оцениваются как единицы, которые могут быть как эмоциональными, так и неэмоциональными;

3) от производных слов с нейтральной оценочностью ($p=0,000$) и единиц с семантикой отрицательной оценки ($p=0,000$) по семантическому параметру «тип оценки»; при этом димиутивы оцениваются как скорее нейтральные единицы, чем положительные;

4) от слов с семантикой положительной и отрицательной оценки димиутивы и исходные нейтральные слова значимо отличаются ($p=0,000$), но не различаются между собой по параметру «возраст усвоения»; димиутивы, как и лексемы с нейтральной оценочностью, были оценены как слова, усвоенные в период от 2 до 5 лет.

Итак, по сравнению с тремя другими группами слов диминутивы являются наименее частотными, оцениваются как те, которые употребляются скорее в разговоре с детьми (о детях), могут быть как эмоциональными, так и неэмоциональными, а также характеризуются скорее как нейтральные единицы, чем положительные. Кроме того, согласно ответам респондентов, они являются словами, которые усваиваются в довольно раннем возрасте.

Исходя из оценок, данных словам с диминутивными суффиксами, можно сделать вывод о том, что контекстная реализация является действительно важным параметром для эмоциональных единиц в целом и для диминутивов в частности, так как слова такого типа оцениваются как те, которые могут быть и эмоциональными, и неэмоциональными, т.е., предположительно, на сдвиг эмоциональности в ту или иную сторону влияет контекст; данный вывод подтверждает полученные ранее результаты о взаимодействии социального контекста и фактора эмоциональности (ср. с данными 2.2.1) .

Таким образом, проведенные эксперименты показали наличие статистически значимых корреляций выделенных параметров, что подтверждает нашу гипотезу о взаимовлиянии фактора эмоциональности с другими психолингвистическими характеристиками эмоциональных слов. Полученные результаты соотносятся с теоретическими постулатами и эмпирическими данными, выработанными в лингвистике с применением текстологических приемов анализа.

Внутригрупповой анализ данных по различным параметрам продемонстрировал специфику группы слов с диминутивными суффиксами по сравнению с нейтральными словами, другими группами эмоциональной лексики. Данный вывод также можно интерпретировать как доказательство психолингвистической релевантности описанного в лингвистической литературе своеобразия эмоциональности диминутивов по сравнению с другими средствами лексического маркирования данных смыслов.

Вместе с тем в исследованиях диминутивов, проводимых в рамках собственно лингвистической традиции, отмечается значительная контекстная, в том числе тематическая и конситуативная, зависимость реализации исследуемой семантики. Применяемые в работе методы не нацелены на анализ этого аспекта контекстного функционирования диминутивов, однако частично выводы, полученные при анализе претестов с оценкой типовых конситуаций общения – в раз-

говоре с детьми и о детях, также соотносятся и развивают соответствующие выводы, полученные с применением лингвистических методов. Однако психологическая и когнитивная релевантность идеи контекстной зависимости семантики диминутивов может быть получена с использованием других экспериментальных методик.

Отметим также, что выводы работы позволяют также объяснить противоречивость результатов, полученных в ранее проводимых экспериментах с использованием в качестве стимулов эмоциональных слов, проявлением действия смежных психолингвистически релевантных параметров слова, что, в свою очередь, обуславливает необходимость учета характера их корреляции в проводимых психолингвистических исследованиях.

2.3 Аспекты гендерного своеобразия восприятия эмоциональных компонентов семантики диминутива¹

Психолингвистические поведенческие эксперименты, моделирование, проведение и результаты которых были представлены в двух предыдущих разделах, свидетельствуют о психологической реальности функционально-семантических компонентов диминутивного деривационного суффикса, диминутивной лексемы, об открытости семантики диминутива к взаимодействию с эмоционально-оценочными смыслами контекста, то есть тех аспектов семантики и функционирования, которые были проинтерпретированы в описательной и структурно-семантической лингвистической парадигме с использованием собственно лингвистической методологии.

В данном разделе мы обращаемся к представлению результатов экспериментальной проверки гипотез, соотносимых с выводами,

¹ Материалы данного раздела были представлены в более ранних публикациях авторов: Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Семантика диминутивных суффиксов в восприятии носителей русского языка: влияние контекстных и социальных факторов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 12–21; Резанова З.И. Васильева А.В., Позовкина К.С., Хабибулина А.С. Когнитивная обработка русских экспрессивных единиц: гендерное своеобразие // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 74–81.

сделанными в другом направлении гуманитарной науки – в гендерной лингвистике.

В широком спектре частнонаучных направлений современной гуманитарной науки, в число которых входит лингвистика, не ослабевает интерес к проблемам гендерных оппозиций, являющихся отражением в культуре биологически детерминированных различий мужчин и женщин.

Наиболее интенсивно разрабатываемым направлением в русле гендерных исследований в отечественной лингвистике было и остается изучение речевого поведения мужчин и женщин. Исследования в данной области проводились Т.Б. Крючковой,¹ А.А. Вейлерт², Е.А. Земской, М.М. Китайгородской, Н.Н. Розановой³, Е.И. Горошко⁴ и др. Стоит отметить, однако, что различия, выявленные российскими исследователями на материале русского языка, подтверждаются и результатами зарубежных ученых, полученных на материале других языков. В частности, это работы McMillan et al.⁵, G.C. Gleser et al.⁶, A. Mulac et al.⁷, D. Biber⁸, M. R. Mehl et al.¹,

¹ Крючкова Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенности использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психолингвистики / под ред. Ю.А. Сорокина и А.М. Шахнаровича. М., 1975. С. 186–199.

² Вейлерт А.А. О зависимости количественных показателей языка от пола говорящего лица // Вопросы языкознания, 1976. № 5. С. 138–143.

³ Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.

⁴ Горошко Е.И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 158 с.

⁵ McMillan J. R., Clifton A.K., McGrath D., & Gale W.S. Women's language: Uncertainty or interpersonal sensitivity and emotionality? Sex Roles, 3, 1977. P. 545–559.

⁶ Gleser G. C., Gottschalk L.A., & John W. The relationship of sex and intelligence to choice of words: A normative study of verbal behavior. Journal of Clinical Psychology, 15, 1959. P. 183–191.

⁷ Mulac A. & Lundell T.L. Effects of gender-linked language differences in adults' written discourse: Multivariate tests of language effects. Language & Communication, 14, 1994. P. 299–309.

⁸ Biber D. Variation across speech and writing. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1991.

J. Holmes² и некоторых других³. В качестве главного вывода большинство авторов указывают на отсутствие резких границ между мужской и женской речью в русском языке, а отмечаемые ими особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления⁴.

При анализе данных тенденций, выделяемых исследователями, мы пришли к выводу, что наиболее яркими показателями отличий мужской и женской речи являются экспрессивные единицы, т.е. единицы, выражающие либо эмоции автора, либо его отношение к предмету речи.

В серии экспериментов была проверена частная гипотеза о возможности различного восприятия мужчинами и женщинами имен существительных-диминовтивов в ряду других типов экспрессивных лексем.

При формулировании гипотезы мы основывались на выработанных в гендерной лингвистике положениях не только о повышенной эмоциональности и экспрессивности женской речи, но и ее асимметрии в сторону положительной эмоциональной оценочности, что было также подтверждено в исследованиях на материале обыденной электронно опосредствованной коммуникации⁵. Кроме того, основанием выдвижения гипотезы явились сформированные в современных этнокультурологических и этнолингвистических исследованиях

¹ Mehl M. R., & Pennebaker J.W. The sounds of social life: A psychometric analysis of students' daily social environments and natural conversations // *Journal of Personality & Social Psychology*. 84. 2003. P. 857–870.

² Holmes J. *Women, men and politeness*. Harlow: Longman, 1995.

³ Homberger Dietrich. *Männersprache – Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur?* // *Muttersprache*, 1993. 193. S. 89–112; Baron B. Die Inszenierung des Geschlechterverhältnisses im akademischen Streitgespräch. Zur Kontextabhängigkeit der Dissensformatierung // *Jahrbuch Arbeit. Bildung. Kultur*, 1996. Bd. 14. S. 69–80; Baron B. “Geschlossene Gesellschaft”. Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? // *Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe in Sommersemester 1996*. Konstanz, 1996. S. 114–129.

⁴ Земская Е.А., Кутайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // *Русский язык в его функционировании* / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.

⁵ Резанова З.И., Степаненко А.А. Экспрессивность как маркер гендерных различий компьютерной коммуникации (к проблеме автоматической гендерной атрибуции текста // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 418. С. 38–46.

положения о значительно развитой зоне эмоционально-экспрессивного словообразования в качестве яркой этнокультурной специфики русской деривационной системы¹.

Накопленные объективные данные о характере эмоциональности мужской и женской речи позволяют выдвинуть гипотезу о различии восприятия данных единиц мужчинами и женщинами, т.е. в тех ситуативных ролевых позициях, когда мужчина и женщина не порождают, но воспринимают экспрессивные языковые единицы. Постановка данной исследовательской проблемы требует применения прежде всего экспериментальных методик, позволяющих представить объективированные данные о процессах восприятия и обработки языковых единиц. Такого рода исследования проводятся в настоящее время применительно к материалу различных языков. Так, например, в работе В. Gohier et al.² рассматриваются гендерные различия в восприятии стимулов с положительным и отрицательным значением. Авторы исходят из того, что мужчины и женщины по-разному обрабатывают эмоциональную информацию, однако данные различия не объяснены в полной мере. Данное исследование представляет собой эксперимент, в ходе которого участникам – мужчинам и женщинам – предлагалось определить, является предъявляемый на экране стимул приятным (pleasant) или неприятным (unpleasant). В качестве стимулов использовались слова, в семантике которых присутствовал отрицательный или положительный компонент (радостный – merry vs. thrilled – испуганный). Однако в фокусе внимания находились слова-стимулы не сами по себе, а во взаимодействии с праймами, в качестве которых были использованы единицы трех различных модальностей – звуки, слова, изображения лиц. Праймы могли быть положительными, отрицательными или нейтральными.

Для определения гендерных различий в восприятии эмоциональной информации исследователи использовали данные о нали-

¹ Земская Е.А., Кутаيفгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование. М.: Наука, 1993. С. 90–136; Вернер Ф. Речевое поведение женщин и мужчин // Языкознание: РЖ ИНИОН РАН. Сер. 6. М., 1984. С. 116–135.

² Gohier B., Senior C., Brittain P.J., Lounes N., El-Hage W., Law V., Phillips M.L., Surguladze S.A. Gender differences in the sensitivity to negative stimuli: Cross-modal affective priming // European Psychiatry. 28 (2013). 74–80.

чии или отсутствии «прайминг-эффекта», т.е. различий в скорости реакции испытуемых при обработке положительных и отрицательных слов-стимулов в случае, когда им предшествовали положительные, отрицательные или нейтральные праймы различных модальностей.

Так, прайминг-эффект у мужчин был сильнее, чем у женщин, в том случае, когда и слово-стимул, и прайм были отрицательными, вне зависимости от модальности прайма. То есть у мужчин в данном случае произошла фасилитация, в то время как у женщин скорость реакции увеличилась по сравнению с условием, когда отрицательному слову-стимулу предшествовал нейтральный прайм. Кроме того, при отрицательном условии сократился также процент правильных ответов в группе респондентов-женщин.

Что касается положительного условия, т.е. в том случае, когда и прайм, и слово-стимул были положительными, то и в мужской, и в женской группе произошла фасилитация – уменьшение времени реакции по сравнению с условием, когда прайм был нейтральным.

Различия в восприятии негативных стимулов авторы статьи объясняют большей чувствительностью женщин к отрицательным стимулам. Также они говорят о том, что это может лежать в основе гендерных различий при восприимчивости к эмоциональным расстройствам.

Таким образом, мы видим, что экспрессивность действительно может быть параметром, который противопоставляет мужчин и женщин при их восприятии.

Психолингвистические исследования восприятия языковой экспрессивности и эмоциональности проводятся на материале различных языков, русскоязычная коммуникация в качестве объекта в данную парадигму только начинает вовлекаться. Вместе с тем, как представляется, формирование эмоционального фона коммуникации, своеобразие привлечения единиц разных языковых уровней определяются как привычными культурными кодами, имеющими этническую маркированность, так и ресурсами языковых систем.

В данном разделе при описании результатов экспериментов мы структурно повторяем логику, заданную в первых двух разделах: сначала обращаемся к анализу восприятия суффиксальной семантики, затем – диминутивной лексики.

2.3.1 Гендерные различия в восприятии семантики деривационного суффикса в условиях варьирования эмоционально-оценочных смыслов контекста

Для проверки влияния фактора гендерных различий в восприятии эмоционально-оценочных единиц в экспериментальный дизайн мы ввели в качестве независимой переменной данное различие и при проведении экспериментальных сессий собрали данные оценок равного количества мужчин и женщин.

Повторим, что в первом эксперименте в качестве основных целевых единиц дизайна выступили специально смоделированные слова, представленные вне контекста; во втором эксперименте исходные стимулы из дизайна первого эксперимента были помещены в контекст.

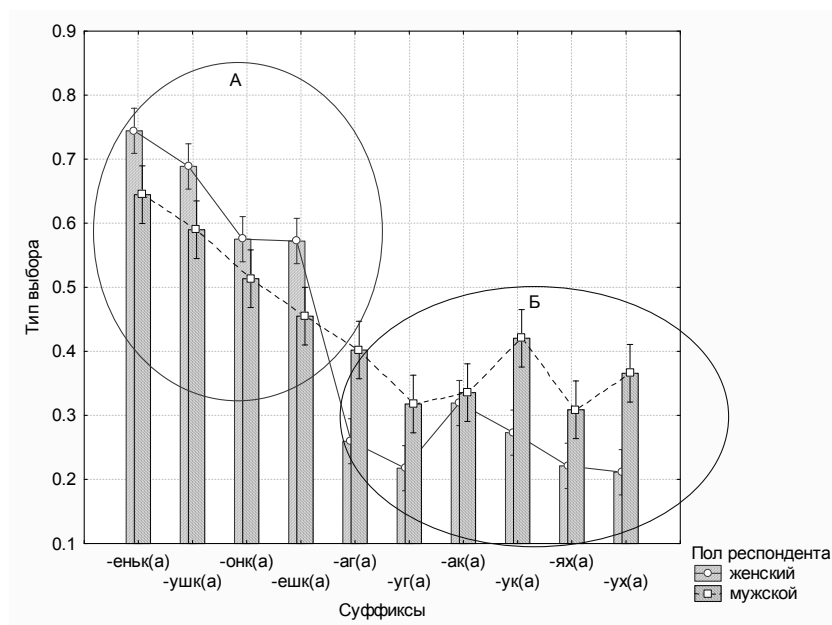

Рисунок 6 – Зависимость влияния семантики суффиксов на тип выбора от пола респондентов

В экспериментах приняли участие студенты томских вузов различных факультетов (ТГУ, ТПУ) в возрасте от 17 до 23 лет. В каждом эксперименте приняли участие по 62 человека, равное количество мужчин и женщин. Эксперименты проводились в разное время, в них привлекались разные группы участников. Результаты обрабатывались с помощью пакетов программ IBM SPSS STATISTICA и STATISTICS.02.

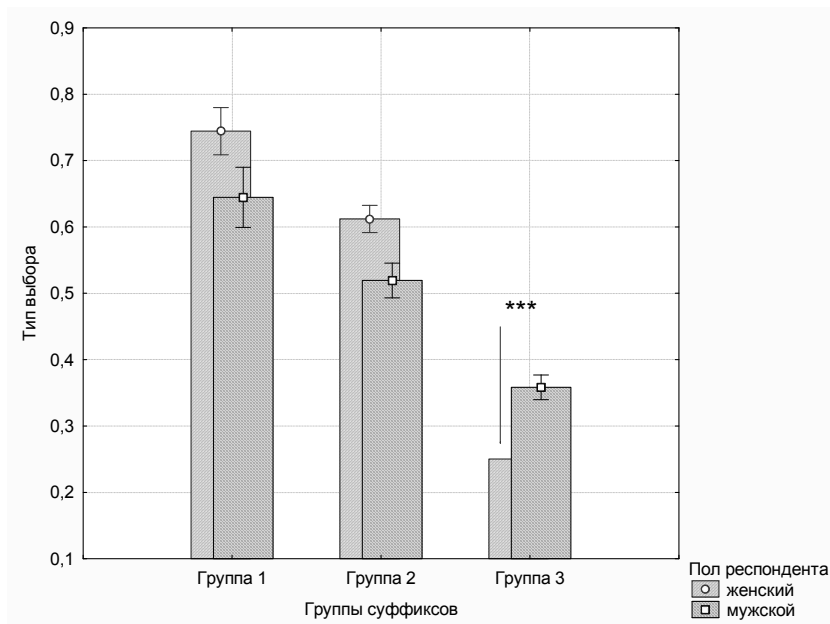

Рисунок 7 – Зависимость влияния семантики групп суффиксов на тип выбора от пола респондентов

Многофакторный дисперсионный анализ соотношения реакций мужчин и женщин, направленный на выявление степени различий восприятия и оценки эмоционального отношения мужчинами и женщинами, показал, что женщины в целом проявляют большую чувствительность к дифференциации эмоциональных смыслов – при оценке суффиксов с уменьшительно-ласкательной семантикой женщины по сравнению с мужчинами дают больше выборов в типе ре-

акций с оценкой «приятный», при оценке сниженных просторечных суффиксов – с оценкой «противный» (рис. 6).

$$F_s(9, 610) = 3,8733, p = ,00009.$$

Однако выявленные различия в оценке мужчинами и женщинами эмоционального фона имеют статистическую значимость только в зоне экспрессивных, стилистически сниженных суффиксов (рис. 7).

$$F_s(2, 624) = 14,836, p = ,000.$$

Из графика видно, что разница в обработке групп суффиксов мужчинами и женщинами присутствует при обработке группы 3.

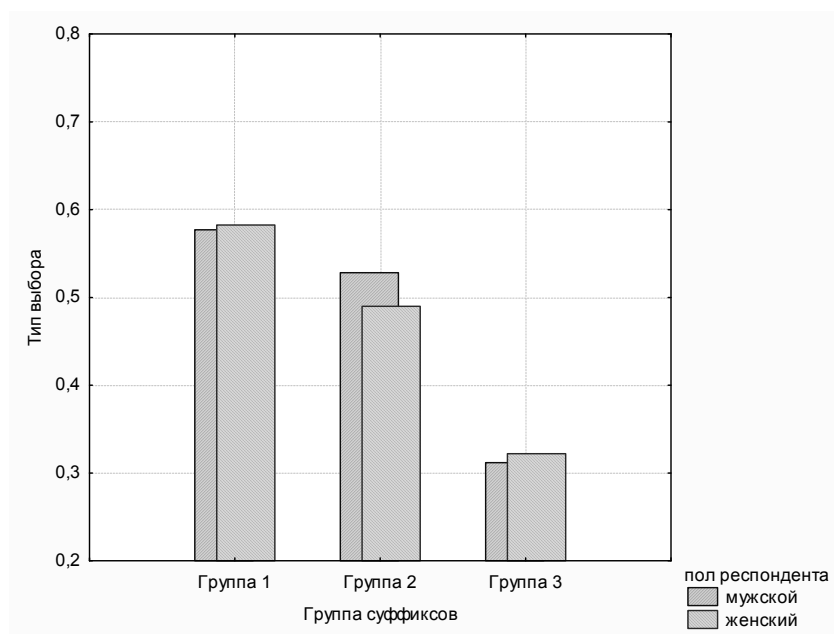

Рисунок 8 – Взаимодействие факторов пола респондентов и типов групп суффиксов

Многофакторный дисперсионный анализ выявил нивелирование гендерных различий при восприятии слов, помещенных в контекст. Для иллюстрации данных наблюдений приведем график, отображающий взаимодействие факторов пола респондентов и типов групп суффиксов (рис. 8).

На графике (рис. 8) видно отсутствие статистически значимой разницы между обработкой групп суффиксов респондентами мужского и женского пола.

Интересным представляется соотношение результатов анализа слов, помещенных в контекст, с анализом слов, использованных вне позитивного или негативного контекста. Для этого мы совместили результаты первого и второго эксперимента.

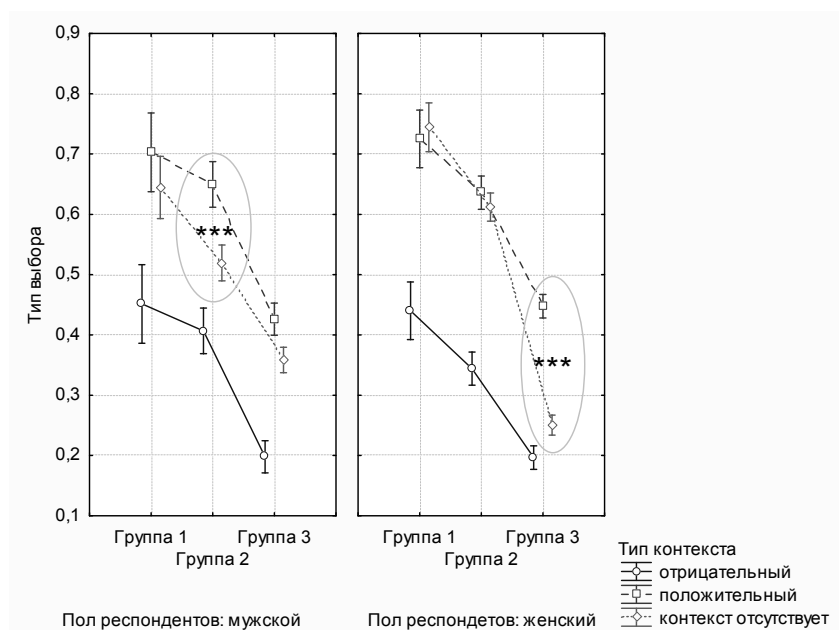

Рисунок 9 — Влияние типов контекста на обработку групп суффиксов респондентами мужского и женского пола

Дисперсионный анализ (рис. 9) показал наличие интеракции между тремя факторами: полом респондентов (мужской, женский), типом контекста (позитивный, негативный, нейтральный) и группами суффиксов ($F_s(4, 1472)=4,6179, p=0.001$).

Так, во всех случаях появление негативного контекста влечет за собой значимое «снижение» оценки семантики аффиксов в сравнении с нейтральным контекстом как в случае с респондентами мужского пола, так и в случае с респондентами женского пола.

При этом гендерные различия наблюдаются при обработке групп аффиксов, помещенных в позитивный и нейтральный контексты.

Респонденты мужского пола значительно увеличивают количество выборов позитивной оценки псевдослов с аффиксами второй группы (*-ушк(a)*, *-онк(a)*, *-еишк(a)*) в сравнении с нейтральным контекстом, тогда как женщины в позитивном контексте и вне его оценивают указанные псевдослова одинаково позитивно.

При этом респонденты женского пола острее реагируют на группу псевдослов с аффиксами со сниженным значением (*-аг(a)*, *-уг(a)*, *-ак(a)*, *-ук(a)*, *-ах(a)*, *-ух(a)*), значительно увеличивая количество категоризации данной группы суффиксов как имеющих положительное значение при помещении их в контекст с позитивным эмоционально-оценочным фоном.

Во-вторых, выявлены социокультурно обусловленные гендерные различия в обработке семантики стимулов. Статистически значимый результат получен только при анализе обработки респондентами мужского и женского пола слов с суффиксами сниженной семантики. Однако общий паттерн заключается в том, что респонденты женского пола, более склонные к восприятию эмотивного и экспрессивного компонента семантики, в рамках категоризации чаще выбирают крайние значения положительного и отрицательного спектра; таким образом, суффиксы с позитивной семантикой у них получают более позитивную оценку относительно категоризации этих же единиц респондентами мужского пола; суффиксы со сниженной семантикой получают у респондентов женского пола более негативную оценку относительно категоризации респондентами мужского пола.

Помещение слов-стимулов в позитивный и негативный контекст снимает социокультурные различия. При этом предсказуемо меняется категоризация самих суффиксов: суффикс, помещенный в пози-

тивный и негативный контекст, оценивается более позитивно или более негативно в соответствии с оценочным смыслом предложения. При этом общий паттерн различия в обработке групп суффиксов сохраняется: суффиксы со сниженной семантикой по-прежнему оцениваются негативно, тогда как суффиксы с позитивной семантикой оцениваются позитивно.

Анализ оценки респондентами всех трех сессий (вне контекста, в позитивном контексте и в негативном контексте) позволил сделать следующие выводы: респонденты женского пола одинаково позитивно оценивают суффиксы, несущие в себе положительную семантику, в случае, когда они представлены в контексте, и в случае, когда они представлены без контекста. Респонденты мужского пола, напротив, сохраняют оценку суффиксов со сниженной семантикой на уровне нейтрального контекста даже в случае, если они помещены в позитивный контекст.

При этом проведенный анализ, с одной стороны, основывался на результатах структурного и функционально-коммуникативного анализа семантики диминутивных суффиксов, с другой стороны, был направлен на верификацию данных результатов с использованием методов психолингвистической экспериментальной парадигмы. Результаты проведенных экспериментов продемонстрировали, что выводы взаимно верифицируемы. Суффикс функционирует как самостоятельная семантически и функционально значимая величина, в то же время зависимая от внешнего контекста.

2.3.2 Гендерные различия в восприятии семантики диминутива

В данном разделе мы представляем результаты экспериментальной проверки гипотезы о своеобразии восприятия диминутивных производных единиц мужчинами и женщинами. При этом, как было отмечено ранее, в экспериментах в качестве стимулов мы оперируем единицами с различными вариантами экспрессивности, различным содержанием эмоционально-оценочных компонентов, помещая целевые единицы в различные варианты контекстных условий. При этом в качестве одной из независимых переменных мы последовательно используем гендерные различия респондентов, выполняющих экспериментальные задания.

Мы предположили, что различие в активности использования в речи диминутивов как одного из средств экспрессивности, противопоставляющих мужскую и женскую речь, может отразиться и в различии восприятия данных единиц мужчинами и женщинами, то есть в характере когнитивной обработки диминутивной лексики.

В экспериментах приняли участие студенты томских вузов (ТГУ, ТПУ) различных факультетов в возрасте от 17 до 23 лет. В каждом эксперименте приняли участие по 44 человека, равное количество мужчин и женщин. Эксперименты проводились в разное время, для участия в них привлекались разные группы участников. Результаты обрабатывались с помощью пакетов программ IPM SPSS STATISTICA и STATISTICS 2.0

В первом эксперименте испытуемые выполняли задание лексического выбора со стимулами – нейтральными существительными и существительными с уменьшительно-ласкательным значением.

Гипотезу, которая легла в основу нашего экспериментального исследования, можно сформулировать следующим образом: при решении разного рода когнитивных задач когнитивная обработка слов с диминутивными суффиксами как единиц, обладающих экспрессивной семантикой, отличается от когнитивной обработки нейтральных единиц, что может проявиться в различиях в скорости реакции на указанные стимулы. Однако экспрессивность – свойство единицы, которое проявляется в контексте влияния других факторов, в частности, важным параметром являются свойства референта имени, к которому относится экспрессивное слово, вследствие этого на восприятие экспрессивного стимула окажет влияние одушевленность-неодушевленность референта экспрессивного слова. Данное предположение было сделано на основе имеющихся данных о различиях в когнитивной обработке одушевленных и неодушевленных единиц¹. Кроме того, когнитивная обработка таких единиц может быть различной у мужчин и женщин при выполнении разного рода

¹ Некрасова Е.Д. Категория одушевленности в сознании носителей русского языка (экспериментальное исследование) // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: сборник материалов II (XVI) Международной конференции молодых ученых (9–11 апреля 2015 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Вып. 16. С. 113–119.

задач вследствие того, что мужчины и женщины используют в речи данные единицы по-разному.

В качестве стимулов были выбраны единицы с различными диминутивными суффиксами. Источником материала послужила «Русская грамматика». В частности, мы использовали данные раздела «Существительные с субъективно-оценочными значениями»¹, на основе которых мы отобрали три типа суффиксов, которые, на наш взгляд, являются наиболее экспрессивными среди единиц такого типа: существительные 1) с суффиксом *-ишк-*, имеющие значение пренебрежительности, уничижительности, реже – ласкательности (*репортеришка, актеришка, любвишка* и др.); 2) *-ец-*, имеющие уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение, с довольно сильной экспрессией близости, сочувствия или издёвки (*братец, морозец, хлебец, капиталец* и др.); 3) *-онк/ёнк-*, обладающие уменьшительно-ласкательным или (чаще) уменьшительно-уничижительным значением (*мужичонка, старичонка, избёнка, лошадёнка, собачонка* и др.). Конкретные лексемы были извлечены из иллюстративных данных этого словаря, другая часть стимулов была отобрана из материалов инверсионного словаря А.А. Зализняка². Кроме того, на основе данного источника были отобраны также и нейтральные единицы, имеющие схожие суффиксы, которые, однако, не обладают оценочной семантикой (*авианосец, медогонка, марафонец* и др.)

Таким образом, основываясь на лингвистическом описании, мы сформировали две группы стимулов – экспрессивные и нейтральные, которые в дальнейшем были введены в претесты для выравнивания данных групп по психолингвистическим параметрам с целью исключения их влияния на результаты эксперимента. Для проведения претестов нами использовались Google-анкеты, в процессе заполнения которых участникам предлагалось при помощи методики шкалирования оценить лексические единицы по предложенным параметрам. В ходе претеста на определение субъективной частотности, степени экспрессивности, на выявление оценки, выражаемой

¹ *Русская грамматика*. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

² *Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*. М.: Русский язык, 1980. 880 с.

тем или иным словом-стимулом (отрицательной, положительной или нейтральной), было получено по 30 ответов респондентов на каждый стимул.

Полученные в претестах данные были проанализированы с помощью программы SPSS STATISTICS, где статистическим методом (с использованием Т-теста – метода статистической проверки гипотез, основанного на распределении Стьюдента и наиболее часто используемого при проверке равенства средних значений в двух выборках) были подтверждены их противопоставленность по экспрессивному признаку и оценочности ($F(1, 34) = 130,11$, $p = ,00000$; $F(1, 34) = 132,11$, $p = ,00000$), а также объединенность по частоте ($F(1, 34) = 1,6865$, $p = ,18371$).

Таблица 5 – Типы стимулов, противопоставленные по характеру экспрессивности и категориальным признакам одушевленности/неодушевленности

	Характер экспрессивности	Одушевленные	Неодушевленные
Пары стимулов	Экспрессивные	Актеришка Лгунишка	Бумажонка Изьянец
	Неэкспрессивные	Горожанка Марафонец	Медогонка Шестеренка

Таким образом, мы получили стимулы, которые принадлежали к одной части речи (существительные), характеризовались одним типом экспрессивности и одним способом ее выражения. Примеры стимулов приведены в табл. 5.

Как отмечалось ранее, в качестве зависимой переменной в данном и последующих экспериментах выступало время реакции (RT).

Данная гипотеза проверялась с использованием эксперимента, проведенного с помощью программы E-Prime. В эксперименте приняла участие 44 человека (22 мужчины и 22 женщины) в возрасте от 17 до 23 лет, студенты томских вузов.

Отобранные стимулы были введены в задачу категоризации, испытуемым предлагалось определить род слова, появляющегося на экране – женский vs. мужской. Выбор ответа маркировался нажатием клавиш 1 – «женский род» и 2 – «мужской род». Стимулы предъявлялись рендомизированно. Время предъявления стимулов – 3000 мс, перед началом нового трайла появлялся пустой экран (ITI –

intertrial interval) – 250 мс, время предъявления фиксационного креста – 250 мс.

Всего в ходе эксперимента было получено 1549 наблюдений. Перед началом анализа все данные усреднялись и обрезались более чем на 2 стандартных отклонения (standard deviation) от значения среднего. Анализ данных при помощи One-way ANOVA – анализ, который используется при изучении влияния одного фактора на зависимую переменную, – не выявил наличие статистических значимых различий ни по одному из проверяемых факторов (фактор пола $p=0,10479$, фактор экспрессивности $p=0,32928$, фактор одушевленности $p=0,23456$). В случае взаимодействия эффектов разницы также не было выявлено ($p=0,85820$).

Однако анализ Repeated Measures ANOVA, который применяется, когда, по крайней мере, один из факторов изменяется по внутригрупповому признаку, т.е. различным измерениям этого фактора соответствует одна и та же выборка объектов (испытуемых), показал наличие статистической значимости при взаимодействии всех трех независимых переменных, что можно видеть на рис. 10.

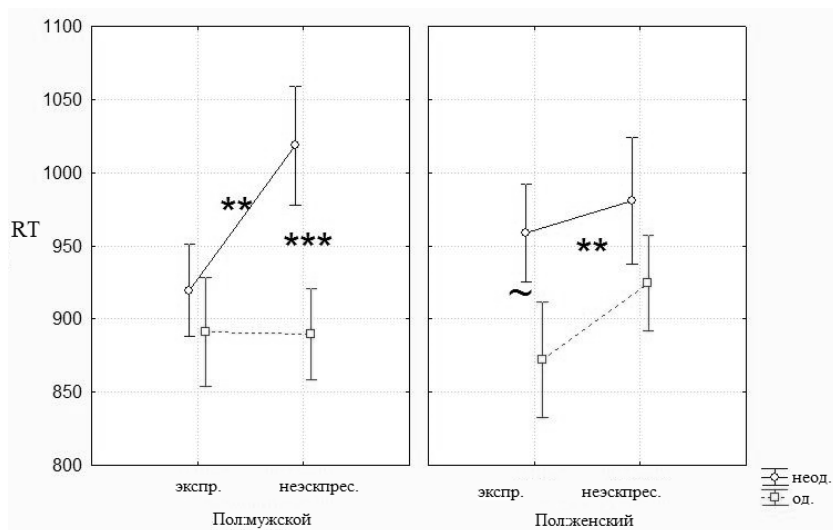

Рисунок 10 – Влияние факторов экспрессивности, одушевленности стимула и пола испытуемого на скорость реакции

Как можно видеть на графике, мужчины реагируют значимо быстрее на неодушевленные экспрессивные стимулы, чем на неодушевленные неэкспрессивные ($p=0,007^{**}$), а также на одушевленные неэкспрессивные, чем на неодушевленные неэкспрессивные ($p=0,0002^{***}$).

Что касается женщин, то для них фактор экспрессивности оказался нерелевантен: они реагируют значительно быстрее на одушевленные стимулы, чем на неодушевленные, вне зависимости от того, экспрессивные они или нет ($p=0,00462^{**}$). Статистической разницы в скорости реакции на экспрессивные/неэкспрессивные стимулы между мужчинами и женщинами выявлено не было.

Таким образом, проведенный эксперимент не подтвердил основную гипотезу, а именно не выявил главных эффектов по фактору экспрессивности и по фактору пола. Однако различия в когнитивной обработке стимулов все же имеются при взаимодействии факторов. Мы наблюдаем, что мужчины и женщины имеют разную стратегию при обработке одних и тех же единиц, а также и разное влияние факторов на них. Экспрессивность влияет на восприятие неодушевленных единиц как у мужчин, так и у женщин, хотя и в различной степени. Кроме этого, для мужчин важным является фактор одушевленности/неодушевленности при восприятии неэкспрессивных единиц. У представительниц женского пола также существует тенденция к влиянию данного фактора при восприятии экспрессивных единиц, однако в данном случае она статистически незначима.

При проведении данного эксперимента была выявлена значимость фактора одушевленности при выполнении такого рода задач. Полученные результаты позволяют сделать предположение о том, что отличия в обработке экспрессивных стимулов мужчинами и женщинами появляются в случае интеракции фактора экспрессивности стимула и типа референта имени, в данном случае одушевленного или неодушевленного.

Результаты, полученные в описанном выше эксперименте, стали отправной точкой для проведения новой серии экспериментов. Однако было очевидно, что используемые ранее стимулы нуждаются в корректировке, так как основная гипотеза о том, что обработка экспрессивных и неэкспрессивных слов различается, в проведенном исследовании не подтвердилась.

При прохождении претеста на степень эмоциональности (экспрессивности) перед проведением первого эксперимента испытуемым предлагалось оценить слова из списка по семибалльной шкале. В предложенном списке помимо интересующих нас слов с диминутивными суффиксами и нейтральных единиц были представлены также и слова с другими типами экспрессивности (единицы типа *болван*, *дуралей*, *умница* и т.д.). После обработки результатов претеста оказалось, что, хотя слова с диминутивными суффиксами статистически значимо отличаются от нейтральных слов по степени экспрессивности, в балльной шкале они не занимают крайнего положения (от 3,5 до 5,5) по сравнению с другими экспрессивными словами. Это, вероятно, говорит о том, что в языковой системе в целом данные слова не занимают крайнего положения относительно всех экспрессивных единиц, то есть не являются самыми экспрессивными их всех существующих. Вполне возможно, что именно по этой причине наша гипотеза о существовании различий в когнитивной обработке экспрессивных и неэкспрессивных единиц не подтвердилась. В связи с этим нами было принято решение изменить тип экспрессивности стимулов при проведении новых экспериментов, а именно взять слова с образно-оценочным компонентом – метафорические наименования человека с отрицательной коннотацией.

Кроме того, учитывая полученные результаты относительно референции стимулов, нами также было решено ввести данный фактор в дизайн эксперимента, однако опять же изменить тип референции стимула. Если в эксперименте с диминутивами в качестве изменяемых признаков референции использовалась одушевленность/неодушевленность стимулов, то в данном случае все стимулы были одушевленными и характеризовали человека, а в качестве отличительного признака референта было решено использовать гендерное различие.

Таким образом, гипотезу, явившуюся основой для построения нового дизайна эксперимента, можно сформулировать следующим образом: при решении разного рода когнитивных задач обработка метафорических наименований мужчинами и женщинами с отрицательной оценочной коннотацией, как единиц с высокой степенью экспрессивности, отличается от когнитивной обработки нейтральных единиц, что может проявиться в различиях в скорости реакции на указанные стимулы. Кроме того, когнитивная обработка таких

единиц может быть различной у мужчин и женщин при выполнении разного рода задач вследствие того, что мужчины и женщины используют в речи экспрессивные единицы по-разному.

В качестве источника материала при отборе стимулов, как экспрессивных, так и нейтральных, нами был использован идеографический словарь под ред. Л.Г. Бабенко¹, Словарь русского языка под ред А.П. Евгеньевой², а также материалы диссертации А.Л. Хлебниковой³. В качестве экспрессивных стимулов нами использовались метафорические наименования человека с отрицательной коннотацией, т.е. единицы, которые в словаре в первом значении обозначают какой-либо предмет или животное, а во втором или последующем, которое является переносным, именуют человека посредством переноса качеств данного существа или предмета на лицо.

В данном случае выбранный нами тип экспрессивности принципиально отличался от типа экспрессивности стимулов, использованных в предыдущем эксперименте. Если в первом случае, то есть в случае с диминутивами, в экспрессивах присутствовал только один компонент экспрессивности – эмоциональность, которая достигается за счет суффиксов субъективной оценки (*-ишк*, *-онк*, *-ец*), то в данном случае – у метафорических наименований человека, представлено уже два компонента – эмоциональность и образность. Здесь эмоциональность реализуется через отрицательную оценку, которая, в свою очередь, появляется благодаря метафорическому переносу, т.е. «высвечиванию» отрицательных качеств человека путем сравнения его с предметами или существами, обладающими этими качествами.

В качестве нейтральных стимулов были использованы наименования человека по роду деятельности (*наставник*, *пианистка*).

Кроме того, использованные нами единицы, как экспрессивные, так и нейтральные, были противопоставлены по грамматическому

¹ Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. – АСТ-Пресс Книга, 2005. 862 с.

² Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

³ Хлебникова А.Л. Гендерная метафора в моделировании образа человека в русской языковой картине мира. Томск: ТПУ, 2017.

роду – равное количество существительных мужского и женского рода.

Так же, как и в эксперименте с диминутивами, отобранные единицы были введены в претесты для контроля степени экспрессивности, степени субъективной частотности стимулов, а также оценки, которую выражают слова. Всего в претестах тестировалось 80 единиц, 30 из которых слова-филлеры (были исключены из анализа), 50 – потенциальные слова-стимулы. Результаты Т-тестов также подтвердили противопоставленность стимулов по экспрессивному признаку и оценочности ($F(1, 34) = 131,16$, $p = ,000$; $F(1, 34) = 131,19$, $p = ,00000$), а также объединенность по частоте ($F(1, 34) = 1,7635$, $p = ,193$).

Таблица 6 – Примеры стимулов, противопоставленных по характеру экспрессивности и грамматическому роду

	Характер экспрессивности	Мужской род	Женский род
Пары стимулов	Экспрессивные	Баран Кощей	Селедка Кобыла
	Неэкспрессивные	Адвокат Клиент	Певица Сиделка

Таким образом, так же, как и первом эксперименте, мы получили стимулы, которые принадлежали к одной части речи (существительные), характеризовались одним типом экспрессивности и одним способом ее выражения. Примеры стимулов приведены в табл. 6.

Данная серия экспериментов включала два эксперимента с различным дизайном, которые были обусловлены выдвинутыми гипотезами. Дизайн первого эксперимента включал две независимые переменные: степень экспрессивности стимула – экспрессивный vs. неэкспрессивный; пол испытуемого – мужской vs. женский. В качестве зависимой переменной также рассматривалась скорость реакции испытуемого на предъявляемые стимулы.

Процедура первого эксперимента серии была идентична процедуре эксперимента с диминутивами: стимулы были введены в задачу категоризации. Процедура включала тренировку и основной эксперимент. Испытуемым предлагалось определить род слова, появляющегося на экране, – женский vs. мужской. Выбор ответа маркировался нажатием клавиш 1 – «женский род» и 2 – «мужской род».

Всего в ходе эксперимента было получено 1027 наблюдений. Перед началом анализа все данные усреднялись и обрезались более чем на 2 стандартных отклонения (standard deviation) от значения среднего. В анализе также не участвовали данные времени реакции <100 мс, чтобы исключить влияние технических ошибок и преждевременных реакций.

Как и в первом случае, результаты проведенных экспериментов анализировались с использованием пакетов IPM SPSS STATISTICA и STATISTICA 21. при помощи многофакторного дисперсионного анализа (Factorial ANOVA) и анализа с повторными измерениями (Repeated measures ANOVA).

Многофакторный дисперсионный анализ не выявил статистически значимых различий ни в одном эксперименте, в отличие от анализа с повторными измерениями. Как можно видеть на рис. 11, анализ Repeated measures ANOVA показал наличие статистической значимости по фактору экспрессивности: экспрессивные слова обрабатываются дольше, чем неэкспрессивные ($p=0,003^{**}$) (рис. 3).

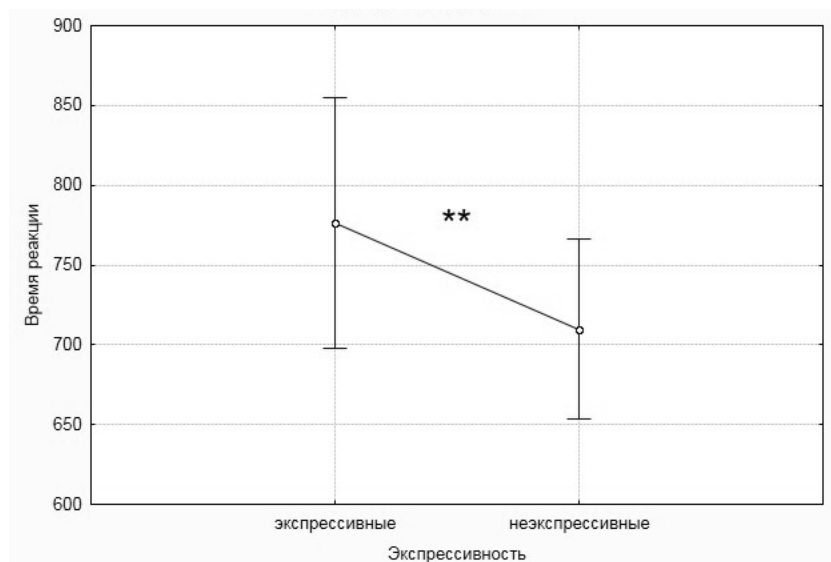

Рисунок 11 – Влияние фактора экспрессивности на скорость реакции испытуемых

Что касается гендерных различий в обработке экспрессивных стимулов, то статистически значимых различий обнаружено не было ($p = 0,099$). По сравнению с экспериментом с диминутивами, по причине того, что принципиально меняется характер оценочной экспрессивности, изменяется и соотношение скорости реакции на экспрессивные и неэкспрессивные единицы как у мужчин, так и у женщин, хотя, опять же, в разной степени. Если в случае с диминутивами и мужчины, и женщины реагировали дольше на нейтральные стимулы (значимо – на неодушевленные, незначимо – на одушевленные), то в данном эксперименте представители обоих полов дольше реагируют на экспрессивные стимулы, несмотря на то что данная разница статистически незначима. Таким образом, результаты данного эксперимента подтвердили ту часть нашей гипотезы, которая связана с влиянием типа экспрессивности на особенности когнитивной обработки.

На следующем этапе работы мы усложнили дизайн эксперимента, который включал три независимые переменных: две из них были идентичны тем, что использовались в предыдущем эксперименте, – тип стимула и пол испытуемого, третьей же переменной стал тип референтной соотнесенности изображения – мужское или женское лицо, которые использовалось для того, чтобы проверить гипотезу о влиянии референта слова-стимула на скорость реакции испытуемых. Стоит отметить, что в данном случае тип референции стимула отличался от типа референции в эксперименте с диминутивами: если в случае со словами с диминутивными суффиксами референция была как бы «встроена» в сами единицы, т.е. они подразделялись на одушевленные и неодушевленные, то здесь мы решили использовать «внешнюю» референцию – изображения мужчины и женщины, с которыми испытуемые предположительно будут ассоциировать предложенные им стимулы. В данном случае мы имеем дело с эффектом праймирования¹, мы предполагаем, что изображение-прайм, которое будет появляться на экране одновременно со словом-стимулом, но которое не будет напрямую связано с задачей эксперимента и не будет находиться в фокусе внимания, окажет влияние

¹ Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминг-эффектов в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 2005.

на восприятие этого стимула. В качестве изображений, которые предъявлялись респондентам, использовались усредненные по расам созданные при помощи веб-ресурса¹ изображения мужского и женского лица, представленные на рис. 12.

Рисунок 12 – Усредненное по расам изображение женщины и мужчины

Таким образом, в данном случае соотношение факторов, действие которых проверялось относительно зависимой переменной, – 2x2x2.

Так же, как и в первом эксперименте, испытуемым предлагалось определить род слова, появляющегося на экране, – женский vs. мужской, однако в данном случае стимулы появлялись попеременно под изображением то мужского, то женского лица. Выбор ответа маркировался нажатием клавиш 1 – «женский род» и 2 – «мужской род». Изображения лиц появлялись попеременно то с правой, то с левой стороны с целью исключения влияния положения. Таким образом, каждое слово предъявлялось четыре раза – попеременно то под мужским, то под женским лицом, с правой и с левой стороны. Стимулы предъявлялись в случайном порядке. Время предъявления стимулов – 5000 мс, перед началом нового трайла появлялся пустой экран (ITI – intertrial interval) – 250 мс, время предъявления фиксационного креста – 250 мс.

Всего в ходе эксперимента было получено 3119 наблюдений. Перед началом анализа все данные усреднялись и обрезались более

¹ *Face Research: Experiments about face and voice preferences* [Электронный ресурс]. URL: <http://faceresearch.org/demos/average> (дата обращения: 12.03.2017).

чем на 2 стандартных отклонения (standard deviation) от значения среднего. В анализе также не участвовали данные времени реакции <100 мс, чтобы исключить влияние технических ошибок и преждевременных реакций.

В данном эксперименте многофакторный дисперсионный анализ опять же не выявил статистически значимых результатов, в отличие от Repeated measures ANOVA, который так же, как и в первом эксперименте данной серии, выявил статистическую значимость по фактору экспрессивности: экспрессивные стимулы обрабатываются дольше неэкспрессивных. Однако в данном случае эффект оказался слабее по сравнению с предыдущим экспериментом ($F(1,20) = 5,3456$; $p = 0,03155^*$). Кроме того, статистическая значимость в данном эксперименте была выявлена при взаимодействии факторов типа изображения-референта и пола испытуемого ($F(1,20) = 7,7622$; $p = 0,01140^*$) (рис. 13).

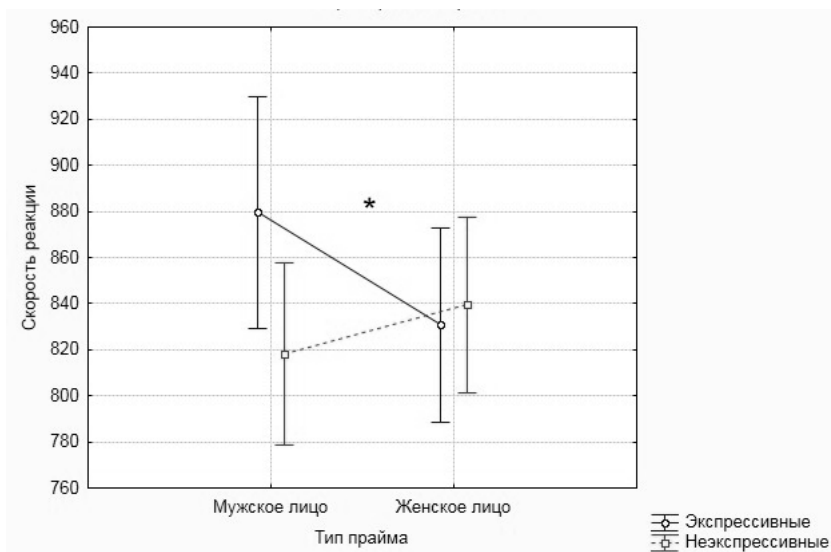

Рисунок 13 – Влияние факторов типа изображения-референта и пола респондента на скорость реакции испытуемых

Как видно на графике, в случае, когда вместе со словом-стимулом появлялось мужское лицо, испытуемые-мужчины реагировали дольше, чем в случае, когда появлялось женское лицо. У испытуемых-женщин различий по данному параметру обнаружено не было.

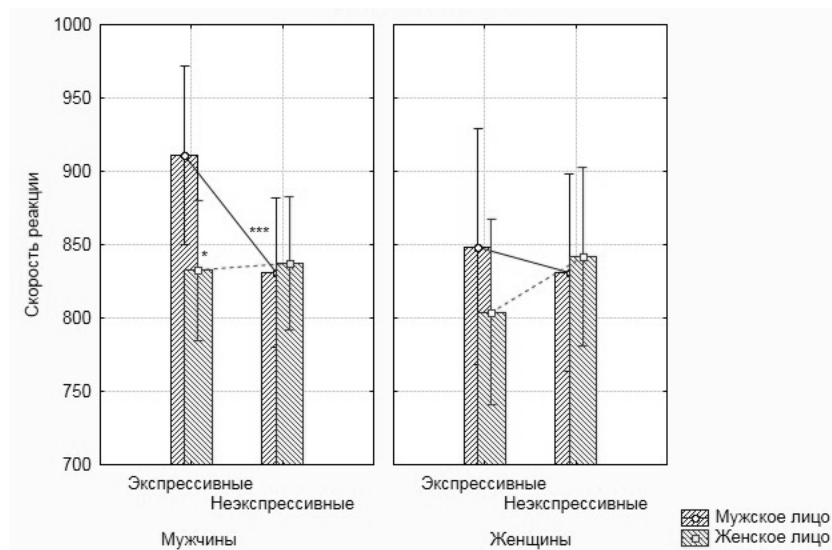

Рисунок 14 – Влияние факторов экспрессивности, типа изображения-референта и пола испытуемого на скорость реакции испытуемых

Также статическая значимость была выявлена при взаимодействии факторов типа изображения-референта и типа экспрессивности стимула ($F(1,20) = 4,9743$; $p = 0,03734^*$): в случае, когда изображение женское, нет статистически значимой разницы в обработке экспрессивных и неэкспрессивных стимулов. В случае же, когда изображение мужское, экспрессивные единицы обрабатываются дольше, чем неэкспрессивные, вне зависимости от пола испытуемого. Однако, как можно видеть на графике интеракции всех трех факторов – пола испытуемого, типа экспрессивности и типа изображения-референта (рис. 14), – разница в обработке экспрессивных и неэкспрессивных стимулов в случае появления мужского изображения у

испытываемых-мужчин значительно отличается от разницы в обработке у испытываемых-женщин. Таким образом, можно сделать вывод о том, что общая разница в обработке экспрессивных и неэкспрессивных единиц при мужском изображении-референте достигается главным образом за счет респондентов-мужчин.

Мы видим в данном случае, что так же, как и в первом эксперименте серии, по сравнению с экспериментом с диминутивными суффиксами, меняется соотношение скорости реакции на экспрессивные и неэкспрессивные стимулы: экспрессивы обрабатываются дольше представителями обоих полов. Этот факт еще раз демонстрирует разницу в реакции на экспрессивные единицы разного типа и подтверждает нашу гипотезу о влиянии типа экспрессивности на особенности когнитивной обработки.

Кроме того, при сравнении эксперимента с диминутивами и данного эксперимента мы можем наблюдать, что и в первом, и во втором случае данный показатель срабатывает. Причем в обоих экспериментах более чувствительными к типу референта оказываются мужчины: в эксперименте с диминутивами на скорость реакции влияет одушевленность/неодушевленность стимула при взаимодействии с экспрессивностью, а в эксперименте с метафорами у мужчин разница проявляется при изменении типа изображения, однако в данном случае без взаимодействия с экспрессивностью.

Таким образом, проведенный эксперимент подтвердил основную гипотезу, а именно, выявил наличие статистически значимых различий в когнитивной обработке экспрессивных и неэкспрессивных единиц как в первом, так и во втором эксперименте серии, в отличие от эксперимента с диминутивными суффиксами, что подтверждает предположение о влиянии типа экспрессивности на выполнение такого рода задач.

Вторая часть выдвинутой гипотезы о наличии различий в когнитивной обработке экспрессивных единиц у мужчин и женщин статистически не подтвердилась. Однако так же, как и в первом эксперименте, была выявлена значимость фактора референции стимула, и что примечательно, большее его влияние на представителей мужского пола. Полученные результаты подтверждают предположение о том, что отличия в обработке экспрессивных стимулов мужчинами и женщинами появляются в случае интеракции фактора экспрессивности стимула и типа референта имени, вне зависимости от его типа.

Экспериментальное исследование особенностей когнитивной обработки диминутивов в гендерном аспекте показало наличие статистической значимости при взаимодействии факторов экспрессивности стимула, пола испытуемых и одушевленности/неодушевленности стимула. Оказалось, что мужчины реагируют значимо быстрее на неодушевленные экспрессивные стимулы, чем на неодушевленные неэкспрессивные ($p=0,007^{**}$), а также на одушевленные неэкспрессивные, чем на неодушевленные неэкспрессивные ($p=0,0001^{***}$). Что касается женщин, то для них фактор экспрессивности оказался нерелевантен: они реагируют значительно быстрее на одушевленные стимулы, чем на неодушевленные, вне зависимости от того, экспрессивные они или нет ($p=0,004642^{**}$). Статистической разницы в скорости реакции на экспрессивные/неэкспрессивные стимулы между мужчинами и женщинами выявлено не было.

Серия экспериментов, направленных на выявление специфики когнитивной обработки метафорических наименований мужчинами и женщинами, также выявила наличие статистической значимости. Во-первых, и первый, и второй эксперименты серии показали наличие статистически значимых различий по фактору экспрессивности: экспрессивные слова обрабатываются дольше, чем неэкспрессивные ($p=0,00260^{**}$; $p=0,032^{*}$). В первом эксперименте, кроме этого, статистически значимых различий обнаружено не было.

Однако во втором эксперименте серии статистическая значимость была выявлена при взаимодействии факторов типа изображения-референта и пола испытуемого ($p=0,01140^{*}$): в случае, когда вместе со словом-стимулом появлялось мужское лицо, испытуемые-мужчины реагировали дольше, чем в случае, когда появлялось женское лицо. Кроме этого, статическая значимость была выявлена при взаимодействии факторов типа изображения-референта и типа экспрессивности стимула ($p=0,03734^{*}$): в случае, когда изображение женское, нет статистически значимой разницы в обработке экспрессивных и неэкспрессивных стимулов. В случае же, когда изображение мужское, экспрессивные единицы обрабатываются дольше, чем неэкспрессивные, вне зависимости от пола испытуемого.

Таким образом, проведенные эксперименты подтвердили гипотезу о существующих различиях в когнитивной обработке единиц у мужчин и женщин. Кроме того, они позволили выявить значимость

типа экспрессивности, а также фактора референтности стимула при выполнении такого рода задач.

В серии последующих экспериментов мы изменили характер экспрессивности и оценочности стимулов, а также их частеречную принадлежность, сохраняя в качестве общего признака с признаками диминутивных стимулов в предыдущих экспериментах – деривационный способ формирования семантики.

В данных экспериментах в качестве стимулов были избраны экспрессивные глаголы, называющие интенсивно производимое действие и обладающие признаками разговорной маркированности (*бабахнуться, взбеситься, намалеваться, разожраться, окочуриться, разбуяниться, размалеваться, разрыдаться*).

Так как в ходе анализа литературы было выявлено, что в речи мужчины и женщины используют данные единицы по-разному. Так, данные исследований показали, что, с одной стороны, для женщин характерна высокая эмоциональная окраска речи по сравнению с мужчинами, с другой стороны, эмоциональность мужчин связывается с использованием слов, которые выражают отрицательную эмоциональную оценку, например, для них характерно использование обценной и разговорно-сниженной лексики.

В связи с этим в качестве экспрессивных единиц мы решили взять глаголы с отрицательной коннотацией, так как для нас представляет особый интерес то, какой параметр окажется более значимым в процессе обработки слов, большая экспрессивность речи женщин в принципе или большая склонность мужчин к употреблению единиц с отрицательной эмоциональной оценкой. Для нашего исследования мы отбирали глаголы с однородной морфологической структурой, а именно, возвратные глаголы с постфиксом *-ся*. Данный параметр объединял экспрессивные и нейтральные группы слов, в то время как различала их экспрессивная семантическая нагруженность основы: нейтральную группу слов формировали единицы с нейтральной семантикой основы, например «*договориться*», «*расплатиться*», в то время как экспрессивная группа слов имела мотивирующую основу с высокой степенью экспрессивности, например «*разожраться*», «*разрыдаться*», «*грохнуться*». При отборе стимульного материала мы обращались к обратному словарю

А.А.Зализняка¹. Были отобраны максимально однородные единицы как по грамматическим, так и по семантическим показателям, а именно, 200 слов одной частеречной принадлежности (глаголы), морфологической структуры, а также одной длины (10–12 букв). Данные единицы были отсортированы с помощью системы претестов для контроля влияния на достоверность данных, полученных в ходе эксперимента таких параметров, как частотность слова, оценка и экспрессивность.

Количество единиц в претестах составило 200 слов. Количество испытуемых – 30 человек на опросный лист. В результате претестов нами были отобраны 44 стимула, максимально противопоставленных друг другу по таким параметрам, как степень экспрессивности (экспрессивные/неэкспрессивные) и оценочность (негативная оценка/нейтральная), но имеющих общие значения по параметру субъективной частотности.

Группу экспрессивных единиц наполнили 22 глагола с отрицательной семантикой, стилистически маркированные, у которых в значении присутствовал компонент «делать что-либо в значительной степени выше нормы». Например, слово *нажраться* не только содержит в себе значение нейтрального по семантике глагола *наестся*, но также несет дополнительную семантику избыточности действия (выше нормы) *наестся + гораздо больше, чем нужно*, так много, что возникнет ощущение тяжести в животе.

Вторая группа состояла из 22 неэкспрессивных единиц соответственно, которые получили нейтральную оценку согласно результатам проведенных претестов. На основе проведения T-tests мы отобрали группы единиц, имеющие незначимую статистическую разницу по шкале субъективной частотности ($F(1,32)=1,6753$, $p=,293$), но имеющие статистически значимую разницу по шкале оценки ($F(1, 32)=131,15$, $p=,000$) и экспрессивности ($F(1,32)=131,129$, $p=,000$).

Следовательно, мы проконтролировали данные факторы и их возможное влияние на результаты эксперимента. Так как задание эксперимента предполагало определить, является ли слово вымышленным или реальным (lexical decision task), в эксперимент была

¹ Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка (обратный словарь). М.: Русский язык, 1977.

включена контролирующая группа псевдослов. Задание эксперимента предполагало отнести единицу, появляющуюся на экране, к одной из двух групп (слова/не-слова), так называемые филлеры, то есть стимулы, результаты обработки которых не учитываются при подведении итогов, а исключаются полностью из анализа. Таким образом, в эксперименте участвовали 3 группы слов: экспрессивные слова, неэкспрессивные слова и вымышленные не-слова (примеры стимулов приведены в табл. 7).

Таблица 7 – Примеры стимулов и филлеров по противопоставленным параметрам

	Характер экспрессивности	Слова	Псевдослова
Пары стимулов	Экспрессивные	Намалеваться	Петадаваться
		Набухаться	Чтаракаться
	Неэкспрессивные	Заниматься	Шатукаться
		Наниматься	Чтаматься

В качестве зависимой переменной выступало время реакции (Reaction Time).

Все слова-стимулы предъявлялись испытуемым на экране монитора в случайном порядке. Сначала на экране появлялся фиксационный крест (+) с длительностью 250 м/с, затем появлялся стимул с продолжительностью 2000 м/с, а затем пустой слайд (intertrial interval (iti)). Последовательность слайдов в процедуре была идентичной во всех экспериментах: фиксационный крест, стимул, iti. Различие заключалось в типе стимула, задании, а также времени появления стимула на экране.

Всего в выборке было представлено 3432 реакции. Как мы описали выше, перед началом анализа все полученные данные были усреднены так, что в общей сложности из анализа было исключено не более 5,9 % данных.

Двухфакторный анализ ANOVA пакета IPM SPSS STATISTICA выявил главный эффект на фактор экспрессивности ($p=0,000^{***}$, $F=15,857$) и пол респондентов ($p=0,1114^*$, $F=2,5984$).

Скорость реакции женщин на языковые стимулы оказалась выше, чем у мужчин. Данное наблюдение подтверждает общую гипотезу о том, что женщины склонны к более быстрому выполнению разного рода когнитивных задач.

Однако анализ взаимодействия этих двух эффектов не показал интеракции ($p=0,85206$, $F_s=0,03503$). Женщины реагировали быстрее как на экспрессивные стимулы, так и на нейтральные, а мужчины – с одинаковой пропорцией меньше. Таким образом, фактор экспрессивности показал значимость при обработке вербального стимула, однако это влияние не было гендерно противопоставлено, как мужчины, так и женщины реагировали на экспрессивные единицы медленнее. Следовательно, мы сделали вывод о том, что экспрессивное слово само по себе, вне контекста, обрабатывается мужчинами и женщинами идентично. Данный вывод стал отправной точкой для проведения новой серии экспериментов, где одним из ключевых факторов стала погруженность стимула в контекст.

В следующем эксперименте в качестве задания мы использовали *reading comprehension task*, что предполагало погружение стимула в контекст, что, как нам и было необходимо, позволяло работать с семантикой слова. Кроме этого, данный тип задания позволил нам отследить влияние контекста на реакцию респондентов, так как мы уже упоминали, по нашему мнению, именно погруженность стимула в контекст может максимально актуализировать его экспрессивную семантику и противопоставить результаты по гендерному признаку. Также одной из составляющих контекста был субъект действия предложения, ставший третьим фактором нашего эксперимента.

Таким образом, в данной серии эксперимента мы проверяли не только гипотезу о том, что когнитивная обработка экспрессивного стимула респондентов будет гендерно противопоставлена, а также то, что данная разница проявится при анализе фактора пола субъекта предложения.

В качестве испытуемых выступили студенты томских вузов, 44 человека, равное количество мужчин и женщин в возрасте от 18 до 23 лет.

В качестве стимульного материала мы использовали те же единицы, которые были нами отобраны ранее при проведении первой экспериментальной серии, за исключением филлеров, так как тип задания данного эксперимента не предполагал их наличие. Для дан-

ных стимулов были подобраны минимальные контексты следующего типа: **S+ adv (temp.) + V**, где *S* – субъект предложения (он/она), *adv (temp.)* – сирконстант времени (вчера/сегодня/завтра), *V* – глагол. Примеры стимулов в контекстах их использования представлены в табл. 8.

Таблица 8 – Примеры стимулов по противопоставленным параметрам

Характер экспрессивности	Стимул-Предложение
Экспрессивное	ОН вчера разожрался
Экспрессивное	ОНА вчера разожралась
Неэкспрессивное	ОН вчера потратился
Неэкспрессивное	ОНА вчера потратилась

Таким образом, в дизайне эксперимента независимыми переменными послужили пол испытуемого с двумя уровнями (мужской vs. женский), тип экспрессивности с двумя уровнями (экспрессивный vs. неэкспрессивный) и род субъекта действия с двумя уровнями (мужской vs. женский). В качестве зависимой переменной выступало время реакции (*Rt*).

Процедура эксперимента включала в себя как тренировку, так и эксперимент. В инструкции участнику сообщалось о том, что на экране будут появляться предложения, которые нужно прочитать и понять (*reading comprehension task*), а далее ответить на вопросы по прочитанному тексту. Задача испытуемого заключалась в том, чтобы сразу после прочтения нажать на пробел, так как именно эта реакция учитывалась при анализе данных.

Сначала на экране появлялся фиксационный крест (+), с длительностью 250 м/с, затем – стимул-предложение (до нажатия пробела соответственно), затем вопрос по тексту или пустой экран (нажмите пробел), далее пустой слайд (*intertrial interval*). В целом эксперимент занимал 3–5 минут в зависимости от скорости реакции участника.

Время от времени испытуемому предъявлялись вопросы следующего типа: *когда+ он/она + стимул?* Например, *когда он/она разожралась?* Это позволяло отследить то, насколько вдумчиво и ответственно респонденты проходили эксперимент, и исключить

влияние неосознанных ответов, а также случайных нажатий на результаты эксперимента.

В результате эксперимента было получено 3432 реакции. Все данные были обработаны согласно алгоритму, описанному выше в анализе данных по первому эксперименту, с использованием пакетов IPM SPSS STATISTICA и STATISTICA 21. В ходе обработки данных было удалено 348 реакций, так как эти данные не соответствовали допустимой норме.

В ходе проведения статистического многофакторного анализа ANOVA были получены следующие результаты. Главный эффект на фактор экспрессивности ($p=,00000^{***}$) и фактор пола респондентов ($p=,00006^{**}$). Экспрессивные слова обрабатываются значительно медленнее, чем неэкспрессивные. Это говорит о высокой степени экспрессивности стимульных единиц. Испытуемым требуется значительно дольше времени на обработку предложений с экспрессивным стимулом, так как они содержат в себе дополнительную семантическую нагрузку и являются более сложными по своей структуре. Главный эффект на фактор референта в предложении отсутствует, но есть тенденция к наиболее долгой обработке в том случае, если в качестве субъекта в предложении называется женщина. Данный эффект в большей степени вызван женскими реакциями на предложения с экспрессивным стимулом. Анализ взаимодействия факторов субъекта предложения и типа экспрессивности позволил выявить наличие статистически значимой разницы: экспрессивные предложения с референтом женщиной обрабатывались значительно дольше, чем те же стимульные единицы с референтом мужчиной ($p=0,02327^{*}$) (В сочетании экспрессивного стимула и референта женского пола (например, *она набухалась*) скорость реакции дольше, чем на нейтральный стимул). В случае, когда речь идет о мужчине, разница во времени реакции небольшая (рис. 8).

Такая разница обусловлена в большей степени реакциями женщин, что можно увидеть на графике влияния взаимодействия всех трех факторов (рис. 15). Таким образом, наша частная гипотеза о том, что при анализе фактора пола субъекта предложения будет обнаружена статистически значимая разница, подтверждается. Мы предполагаем, что это может быть связано с тем, что женщина при прочтении проецирует действие на себя, а также с тем, что женщина является более чувствительной к эмоциональному регистру единиц

по сравнению с мужчинами. Для женщины фактор субъекта пола предложения является значимым, то есть она придает больше значения тому, о ком говорится в предложении.

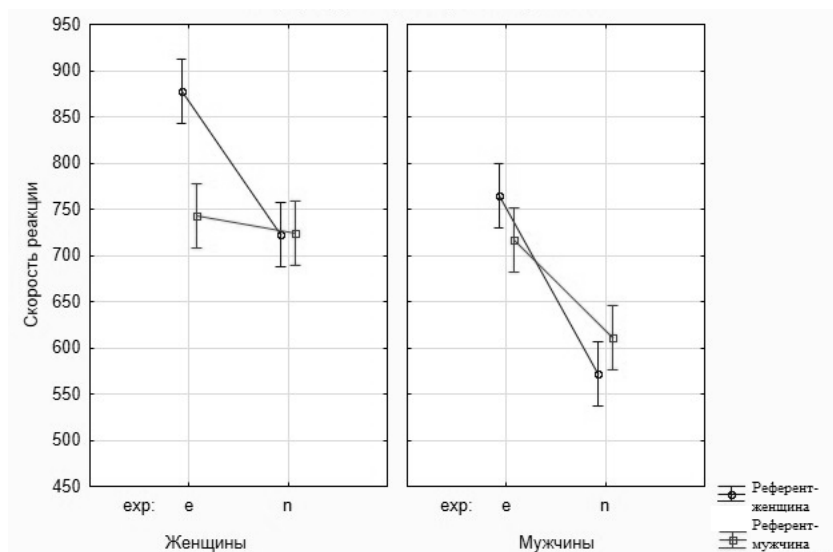

Рисунок 15— Взаимодействие факторов пола испытуемого, референта предложения и типа экспрессивности

Анализ полученных данных показал, что наша гипотеза о том, что когнитивная обработка экспрессивного стимула отличается у мужчин и женщин, подтверждается при наличии референтной соотнесенности стимула. Для того, чтобы проверить данную гипотезу о влиянии фактора референтной соотнесенности стимула, нами было решено провести еще серию экспериментов, в которых стимул был бы также референтно соотнесен, однако тип этой референтности был бы другим.

Как было сказано в новой серии экспериментов, нами было решено изменить тип референтности стимула: вместо прямого указания на субъект действия (он/она) мы использовали изображения мужских и женских лиц, как и в эксперименте с диминутивами. В данном случае изображения в нашем эксперименте были поставлены в

позицию прайма, то есть они не были связаны с заданием эксперимента и не находились в фокусе внимания испытуемых, а лишь косвенно могли влиять на воспринимаемый стимул.

Третий эксперимент мы решили провести на основе дизайна теста подсознательных ассоциаций (implicit association test (IAT)). Данный тест позволяет выявить наличие ассоциативной привязки у различных языковых стимулов, в нашем случае мы исследовали наличие у респондентов ассоциаций относительно субъекта действия. Так, наша гипотеза заключалась в том, что различия в восприятии между мужчинами и женщинами будут также обусловлены типами ассоциативных связей, которые устанавливаются между стимулами и субъектами действий, которые они обозначают.

Говоря об ассоциативных связях у респондентов между стимулами и субъектами действий, мы подразумеваем в данном случае общую отрицательную семантику единиц при противопоставлении нейтральным единицам, а не индивидуальную семантику каждой конкретной лексемы. Это связано с тем, что мужчины используют значительно больше обценной и грубой лексики в своем лексиконе, а также с теми нормами и стереотипами поведения, которые существуют в обществе относительно мужчин и женщин.

По нашей гипотезе: 1) в случае, когда в качестве референта будет выступать мужское лицо, реакция как у мужчин, так и у женщин будет быстрее, чем на женское лицо; 2) при предъявлении женского лица и стимула у женщин будет более замедленная реакция, как в предыдущей серии экспериментов, у мужчин реакция будет медленнее на женское, чем на мужское лицо, но с не ярко выраженной разницей. Мы предполагаем, что мужчины и женщины будут по-разному реагировать на стимулы, так как: 1) ассоциативное поле мужчин и женщин качественно отличается¹, в частности, как было сказано выше, исследователи данного направления часто указывают на различия по параметру эмоциональности; 2) в предыдущей серии экспериментов фактор субъекта пола предложения противопоставил мужские и женские реакции, а именно: женщины обрабатывали контексты с референтом женщиной значимо дольше, чем мужчины,

¹ Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.

следовательно, для них данный параметр является важным при восприятии информации.

В качестве участников экспериментов выступили студенты томских вузов, 44 человека, равное количество мужчин и женщин в возрасте от 18 до 23 лет. Однако реакции 2 испытуемых пришлось полностью исключить из анализа, так как при выполнении экспериментов респонденты часто отвлекались и нарушали правила проведения эксперимента.

В качестве стимульного материала мы использовали те же единицы, которые были нами отобраны ранее при проведении первой экспериментальной серии: 22 экспрессивных глагола и 22 нейтральных глагола. В качестве филлеров нами были использованы глаголы, обозначающие природные явления, так как они идентичны по длине, а также по форме с нашими стимулами и обладают нейтральной семантикой, что не привносит дополнительного семантического шума в процесс обработки данных. В табл. 9 приведены примеры стимулов.

Таблица 9 – Примеры стимулов по противопоставленным параметрам

	Характер экспрессивности	Слова	Филлеры
Пары стимулов	Экспрессивные	Разожраться	Смеркаться
		Набухаться	Вечереть
	Неэкспрессивные	Заниматься	Рассветать
		Наниматься	Холодать

Таким образом, в дизайне эксперимента независимыми переменными послужили пол испытуемого с двумя уровнями (мужской vs. женский), тип экспрессивности с двумя уровнями (экспрессивный vs. неэкспрессивный) и тип изображения с двумя уровнями (мужское vs. женское). В качестве зависимой переменной выступало время реакции (Rt).

В процедуре эксперимента задача испытуемого заключалась в том, чтобы определить тип семантики стимула (semantic decision task, SD) и нажать правильную клавишу: 1 – в случае, если стимул

обозначает действие, совершаемое человеком, 2 – если действие описывает природное явление.

Сначала на экране появлялся фиксационный крест (+), с длительностью 250 м/с, затем на экране появлялся стимул под женским или под мужским изображением (оба изображения присутствовали на экране одновременно), далее пустой слайд (intertrial interval). В целом эксперимент занимал от 7–10 минут в зависимости от скорости реакции участника.

Изображения менялись местами для того, чтобы исключить возможность влияния их местоположения. Так, лица появлялись то слева, то справа. Также каждый стимул появлялся как под мужским, так и под женским изображением. Таким образом, каждый стимул появился на экране 4 раза: под женским изображением справа / слева, под мужским изображением справа/слева.

В результате эксперимента было получено 8530 реакций. Все данные были обработаны согласно алгоритму, описанному выше в анализе данных по первому эксперименту, с использованием пакетов IPM SPSS STATISTICA и STATISTICA 21. В ходе обработки данных было удалено 3300 реакций (с учетом филлеров), так как эти данные не соответствовали допустимой норме. Как мы описали выше, перед началом анализа все полученные данные были усреднены так, что в общей сложности из анализа было исключено не более 13 % данных.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями (Repeated measures ANOVA) данных по фактору времени реакции (Reaction time) не показал наличие эффекта пола респондентов ($F = 1,3379$, $p = ,25834$), но показал тенденцию к тому, что скорость обработки языковых стимулов у женщин выше, чем у мужчин, а также не выявил главных эффектов для фактора экспрессивности, главный эффект фактора пола субъекта изображения на экране отсутствует полностью.

На рис. 16 отражен эффект взаимодействия фактора пола респондента и пола референта $F(1, 25) = 8,6511$, $p = ,00695^{**}$. Так, на графике мы видим влияние на скорость реакции мужчин и женщин фактора референта изображения на экране. Мужчины значительно медленнее обрабатывали слова в сочетании с мужским изображением, а женщины, наоборот, медленнее женские изображения, но быстрее мужские.

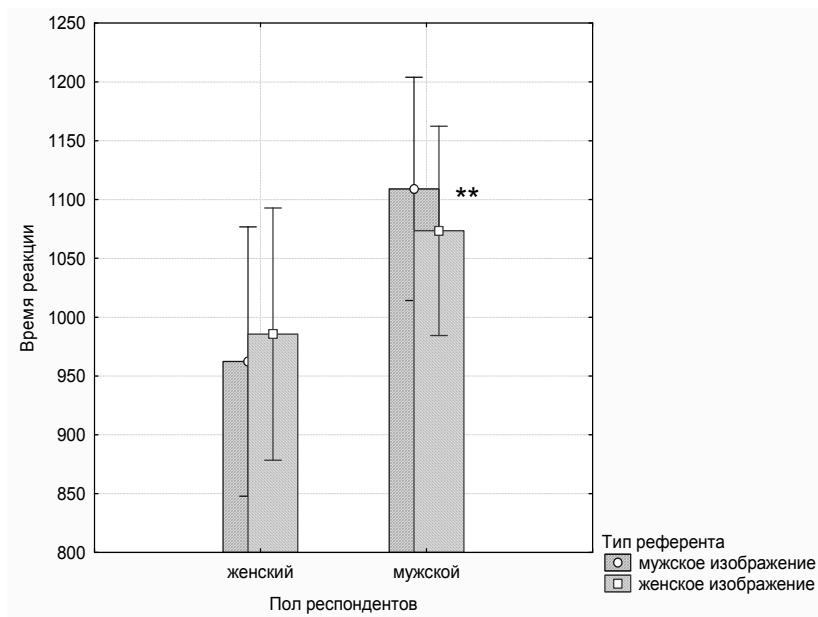

Рисунок 16 – Влияние факторов референта и пола респондентов на скорость реакции

На рис. 17 мы можем отчетливо видеть, за счет чего создается интеракция: женщины вне зависимости от типа стимула (как экспрессивный, так и нейтральный) медленнее обрабатывают стимулы в сочетании с женским изображением, однако, несмотря на то, что эту разницу легко увидеть на графике, она не является статистически значимой. Мужчины в целом, как и женщины, реагировали медленнее на экспрессивные стимулы, но если в случае с нейтральными стимулами для них было незначим тип изображения на экране (одинаково обрабатывались и мужские и женские изображения), то в случае экспрессивных стимулов мужские изображения обрабатывались значимо дольше, чем женские.

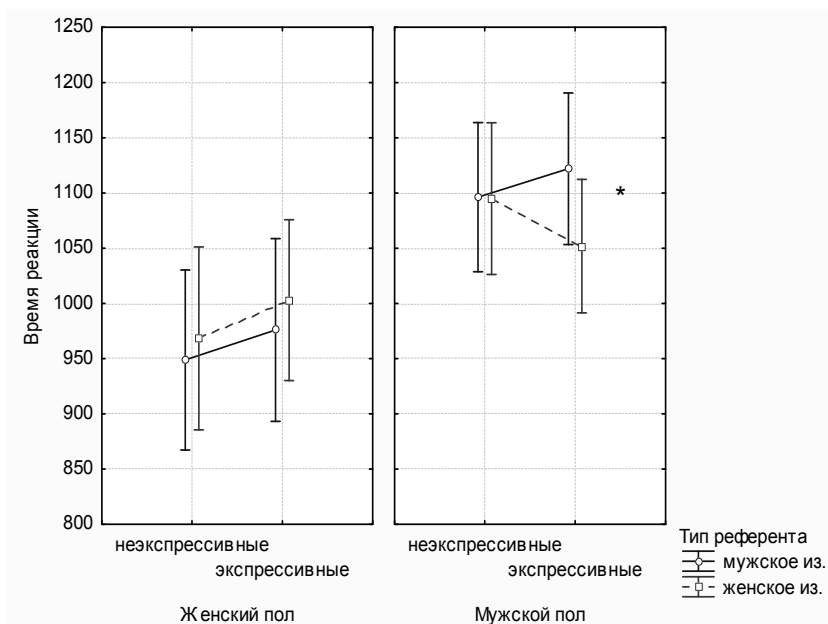

Рисунок 17 – Влияние факторов референтной отнесенности и экспрессивности стимула, пола респондентов на скорость реакции

Таким образом, наша гипотеза о том, что мужчины и женщины будут по-разному реагировать на стимулы в зависимости от типа изображения, подтверждается. Однако результаты данного эксперимента показали противоположные нашей выдвигаемой гипотезе результаты: для мужчин фактор типа изображения на экране оказался статистически значимым. Тем не менее, несмотря на то что данные анализа не позволили выявить статистически значимой разницы по данному фактору у женщин, можно говорить о том, что у них наметилась тенденция к тому, чтобы обрабатывать женское изображение дольше, чем мужское.

Таким образом, мы можем говорить о существовании влияния референтной соотнесенности стимула на скорость реакции мужчин и женщин. Вероятно, это может быть связано с тем, что мужчины и женщины при виде изображения своего пола, начинают соотносить

появляющийся в это же время стимул с собой, что замедляет скорость реакции на него.

В следующем эксперименте мы использовали те же изображения лиц, что и в третьем, но изменили дизайн (на экране появлялось одно лицо вместо двух), для установления более явной связи между стимулом и референтом. Также мы решили использовать глаголы в прошедшем времени, то есть единицы уже с актуализацией пола действующего лица, так как в данном случае субъект действия более эксплицитно выражен. Для того чтобы выявить наличие влияния прайма на скорость реакции, мы ввели фактор конгруэнтности, то есть наличие или отсутствие связи между родом глагола и полом лица на изображении. Мы предположили, что в случае согласованности пола изображения прайма и рода глагола (мужское изображение – мужской род глагола, женское изображение – женский род глагола) будет происходить фасилитация (усиление эффекта, ускорение процесса обработки стимулов), в случае несогласованности – ингибция (замедление процессов обработки).

Главная гипотеза в данных экспериментах осталась неизменной и выглядела следующим образом: фактор референтной соотносительности стимула будет оказывать значимое влияние на процесс обработки, противопоставляя мужские и женские реакции.

Охарактеризуем стимульный материал и дизайн эксперимента. В качестве стимульного материала мы использовали те же единицы, которые были нами отобраны ранее при проведении первой экспериментальной серии. В данном эксперименте нами были использованы начальная форма глаголов (отсутствие указания на пол субъекта действия), а также форма прошедшего времени (в финали которой уже заложена информация о референте), так как нам представлялось интересным сравнить результаты обработки данных групп слов между собой.

Дизайн эксперимента имел вид $3 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2$, где независимыми переменными послужили форма глагола с тремя уровнями (инфинитив vs. форма прошедшего времени (мужской vs. женский род)), пол испытуемого с двумя уровнями (мужской vs. женский), тип экспрессивности с двумя уровнями (экспрессивный vs. неэкспрессивный), тип изображения с двумя уровнями (мужское vs. женское), тип конгруэнтности с двумя уровнями (конгруэнтные/неконгруэнтные). Изображения лиц были те же самые, что и в третьем эксперименте,

но предъявлялись на экране отдельно друг от друга, а не одновременно. В качестве зависимой переменной выступало время реакции (Rt). Поскольку статистический анализ ANOVA не позволяет работать более чем с тремя независимыми переменными, взаимодействие факторов рассматривалось по очереди. По причине большого количества факторов в анализе и обсуждении результатов подробнее будут описаны наиболее значимые эффекты.

Процедура эксперимента включала в себя как тренировку, так и эксперимент. В инструкции участнику сообщалось о том, что на экране будут появляться глаголы, которые могут обозначать действия, характерные для человека или относящиеся к неодушевленному предмету. Задача испытуемого заключалась в том, чтобы определить тип семантики стимула (semantic decision task, SD) и нажать правильную клавишу: 1 – если стимул не может относиться к неодушевленному предмету (*например, разозлиться*), 2 – если может относиться (*например, бабахнуться (книга бабахнулась)*).

Сначала на экране появлялся фиксационный крест (+), с длительностью 250 мс, затем на экране появлялся стимул под женским или под мужским изображением (на экране присутствовало только один тип изображения), далее пустой слайд (intertrial interval). В целом эксперимент занимал от 10–15 минут в зависимости от скорости реакции участника.

В результате эксперимента было получено 6524 реакции. Все данные были обработаны согласно алгоритму, описанному выше в анализе данных по первому эксперименту, с использованием пакетов IPM SPSS STATISTICA и STATISTICA 21. В ходе обработки данных было удалено 818, так как эти данные не соответствовали допустимой норме. Как мы описали выше, перед началом анализа все полученные данные были усреднены так, что в общей сложности из анализа было исключено не более 12 % данных.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями (Repeated measures ANOVA) данных по фактору времени реакции (Reaction time) показал наличие эффекта пола респондентов ($F(1, 24)=4,4115$, $p=,04639$). Женщины обрабатывали экспрессивные единицы значимо быстрее мужчин.

По фактору экспрессивности ($F(1, 24)=,81659$, $p=,37516$), а также фактору референта ($F(1, 24)=1,9376$, $p=,17669$) главных эффектов выявлено не было.

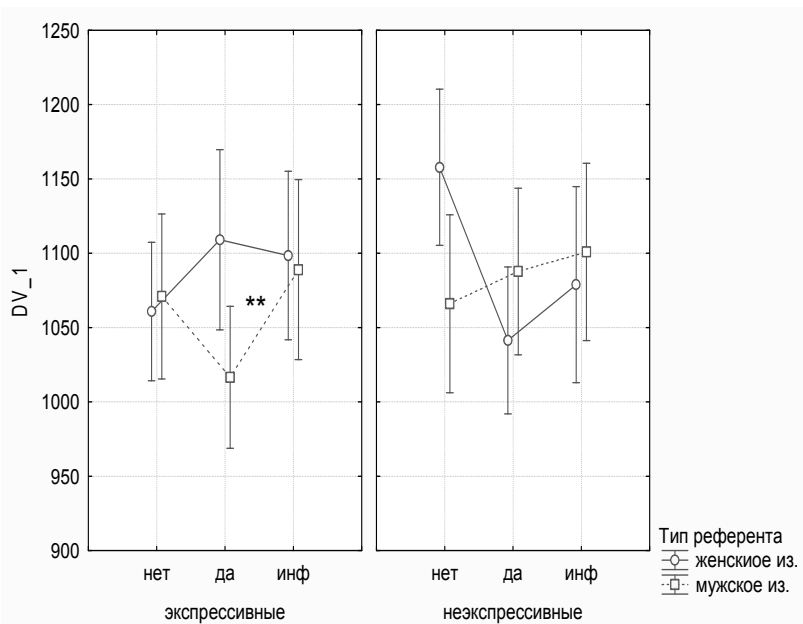

Рисунок 18– Влияние факторов экспрессивности, пола референта и конгруэнтности на скорость реакции

График взаимодействия эффектов фактора экспрессивности, пола референта на изображении прайма и конгруэнтности показал наличие интеракции $F(1, 25) = 6,7111$, $p = ,00269^{**}$ (рис. 18). Так, можно увидеть, что появление грамматической дифференциации влечет за собой появление значимого эффекта при обработке экспрессивных стимулов. Неконгруэнтные экспрессивные стимулы в сочетании с праймом обрабатываются одинаково медленно, вне зависимости от пола референта изображения. Конгруэнтные (на рис. 16 имеют обозначение «да» – вертикальная средняя черта) экспрессивные стимулы обрабатывались по-разному, в зависимости от пола референта на изображении. Так, и мужчины, и женщины в ситуации соединения экспрессивных слов с женским референтом (*женское изображение + разожралась*) реагируют значимо дольше, чем в ситуации соединения экспрессивного слова и мужского референта (*мужское изображение + разожрался*). Можно также отметить, что при вос-

приятии стимулов с актуализацией действующего лица (все та же колонка «да») скорость реакции значимо отличается от слов, где данной актуализации нет (колонка «инф»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экспрессивные слова имеют различный характер обработки по сравнению с нейтральными. В нашем случае яркая экспрессивность стимулов прямо коррелировала со степенью значимости фактора экспрессивности, экспрессивные слова обрабатывались значимо дольше, по сравнению с нейтральными; как уже было отмечено выше, это противоречит данным зарубежных исследований, в которых было отмечено, что эмоциональные слова обрабатываются быстрее по сравнению с нейтральными. Мы предполагаем, что это может быть связано с тем, что основные результаты были получены на материале английского языка, который отличается от русского способом выражения экспрессивности, а также культурной специфичностью семантики эмоциональности и экспрессивности в системе русского языка. Так, мы считаем, что в данном случае ключевым фактором был тип экспрессивности исследуемых единиц, обладающий яркой степенью выраженности экспрессивности, по сравнению с теми единицами, которые были ранее исследованы в данном аспекте. В фокусе зарубежных исследований были слова, денотативное значение которых включало в себя эмоцию, испытываемую субъектом, как реакцию на внешний раздражитель. Однако, исходя из нашего определения экспрессивности, данные единицы сами по себе не являются экспрессивными, а лишь называют эмоцию или чувства («горе», «гнев» vs. «радость», «любовь»).

Фактор референтной соотнесенности стимула оказывает значимое влияние на процесс обработки, однако здесь сложно говорить о гендерных особенностях и закономерностях: разный тип заданий и тип референтной соотнесенности выявлял разную реакцию и, как следствие, различные результаты; тем не менее можно заключить, что только при взаимодействии данного фактора и фактора пола испытуемого можно заметить значимые гендерные различия в обработке стимулов.

Таким образом, можно отметить, что главным значимым фактором является фактор экспрессивности вне взаимодействия с фактором пола респондента, по данному фактору была выявлена значимость в трех проведенных экспериментах.

В трех экспериментах был обнаружен главный эффект: женщины реагировали значимо быстрее на стимулы по сравнению с мужчинами.

Фактор референтной соотнесенности стимула оказывает значимое влияние на процесс обработки, можно отметить, что только при взаимодействии данного фактора и фактора пола испытуемого можно заметить значимые гендерные различия в обработке стимулов, однако здесь сложно говорить о гендерных особенностях и закономерностях, так как они не носят закономерный характер и варьируются от эксперимента к эксперименту, что дает почву для построения новых дизайнов экспериментов и проверки данных гипотез в ходе дальнейших исследований.

2.4 Семантика русского диминутива межъязыковых взаимодействий (тюркско-русская языковая пара)

Как указывает Ponari et al.¹, до недавнего времени большая часть работ по исследованию эмоциональных слов и их восприятия проводилась на одноязычных (преимущественно англоязычных) участниках. В последнее же десятилетие все большее внимание ученых привлекает проблема взаимодействия эмоций и билингвизма. При этом исследователи фокусируются на разных аспектах данной проблемной области, однако главный вопрос заключается в том, в какой степени эмоциональность связана со вторым языком, учитывая, что тот факт, что эмоциональные ассоциации слов устанавливаются, как правило, в детстве².

В целом, первый язык (L1) считается более эмоциональным, чем второй (L2) или последующие языки. Согласно этой точке зрения, у сбалансированных ранних билингвов (то есть у тех, которые одновременно освоили первой и второй языки) L1 и L2 могут быть одинаково близко настроены на эмоциональное содержание, связанное с каждым языком, тогда как у поздних последовательных билингвов (то есть тех, которые усвоили второй язык позже, чем первый) L2 ассоциируется с большим эмоциональным расстоянием. Поэтому, особенно у поздних билингвов, эмоциональная насыщенность слов

¹ Ponari M. et al. Processing advantage for emotional words in bilingual speakers // *Emotion*. 2015. № 15(5). P. 644–652.

² Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. Cambridge University Press. 2008. 11 (2). C. 147–164.

L2 считается практически нулевой, поскольку слова L2 будут обрабатываться семантически, но не аффективно¹.

По мнению ученых, различия в аффективной обработке слов второго языка могут быть связаны с возрастом и контекстом обучения (по инструкции, в классе или в условиях погружения, при переезде в страну, говорящую на втором языке), уровнем владения языком и частотой использования. Так, обнаружено, что говорить об аффективной обработке можно только у тех билингвов, которые использовали второй язык каждый день.

Исследования с использованием субъективных показателей (анкет) продемонстрировали, что билингвы считают первый язык более эмоциональным, чем второй, независимо от уровня владения. Часто говорят о том, что, хотя они знают эмоциональный смысл слов второго языка, они его не чувствуют. Исследования с использованием объективных мер (таких как скорость реакции, ЭЭГ) дают противоречивые результаты, показывая в некоторых случаях преимущество в обработке эмоциональных слов первого языка, в других случаях – преимущество в обработке второго языка, либо указывают на отсутствие разницы между языками².

¹ Pavlenko A. Affective processing in bilingual speakers: Disembodied cognition? // *International Journal of Psychology*. 2012. Т. 47, № 6. С. 405–428; Altarriba J. Expressions of emotion as mediated by context // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. Т. 11, № 2. С. 165–167; Dewaele J.M. The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals // *Journal of multilingual and multicultural development*. 2004. Т. 25, № 2–3. С. 204–222; Dewaele J.M., Pavlenko A. Emotion vocabulary in interlanguage // *Language learning*. 2002. Т. 52, № 2. С. 263–322.

² Ayçiçeği A., & Harris C. Bilinguals' recall and recognition of emotion words // *Cognition & Emotion*. 2004. № 18(7). P. 977–987; Ayçiçeği-Dinn A., & Caldwell-Harris C.L. Emotion-memory effects in bilingual speakers: A levels-of-processing approach // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2009. № 12(03). P. 291; Ferré P., García T., Fraga I., Sánchez-Casas R., & Molero M. Memory for emotional words in bilinguals: Do words have the same emotional intensity in the first and in the second language? // *Cognition & Emotion*. 2010. № 24(5). P. 760–785; Opitz B., & Degner J. Emotionality in a second language: It's a matter of time // *Neuropsychologia*. 2012. № 50(8). P. 1961–1967; Conrad M., Recio G., & Jacobs A.M. The Time Course of Emotion Effects in First and Second Language Processing: A Cross Cultural ERP Study with German-Spanish Bilinguals // *Frontiers in psychology*. 2011. № 2. P. 351; Segalowitz N., Trofimovich P., Gatbonton E., & Sokolovskaya A. Feeling affect in a

Таким образом, можно предположить, что одной из главных причин, влияющей на непоследовательность и противоречивость результатов, является тип билингвизма, где прежде всего противопоставляются ранний и поздний билингвизм, сбалансированный/несбалансированный.

2.4.1 Соотношения эмоциональности с психолингвистически релевантными параметрами значения и функционирования слова в восприятии тюркско-русских билингвов

Наше исследование было проведено в группе русско-тюркских билингвов, которые относятся к типам ранних и поздних естественных билингвов. Все участники эксперимента – носители русского языка, который они интерпретировали как второй, приобретенный, и одного из тюркских языков – шорского, хакасского, татарского. В целом уровень владения, время усвоения и частота использования данных языков, по самооценкам респондентов, варьировались, при этом у всех респондентов русский язык был функционально доминирующим, использовался в разных речевых ситуациях ежедневно. Всего к участию в тестировании было привлечено 36 человек (15 мужчин и 21 женщина), в возрасте от 16 до 64 лет, со средним и высшим образованием.

Всего было получено 12 852 наблюдения: 2223 – по параметру «о ребенке/взрослом», 2078 – по параметру «с ребенком/взрослым», 2028 – по параметру «степень эмоциональности», 2141 – по параметру «тип оценки», 2195 – по параметру «возраст усвоения», 2187 – по параметру «субъективная частотность». В среднем на каждое слово было получено 28 оценок.

В табл. 10 представлены описательные статистики полученных результатов по параметрам субъективная частотность, тип оценки, степень эмоциональности, типовым контекстам сочетаемости и возрасту усвоения.

Таблица 10 – Описательные статистики эмоциональности
и смежных категорий

	Сред.	Мин.	Макс.	Q1	Q2	Q3	Мкв. разм.	Ст. откл.
Разговор о ребенке/взрослом	3,986	1,333	7,000	3,142	4,000	4,714	1,571	1,174
Степень эмоциональности	2,587	1,000	6,400	1,571	2,428	3,273	1,701	1,201
Тип оценки	3,516	1,143	6,444	3,000	3,556	4,000	1,000	0,832
Разговор с ребенком/взрослым	4,033	1,000	7,000	3,333	4,000	4,6676	1,333	1,132
Возраст усвоения	2,845	1,000	5,000	2,000	2,789	3,429	1,429	0,924
Субъективная частотность	4,259	1,0000	7,000	3,167	4,200	5,400	2,233	1,620

Примечания: Сред. – среднее значение; Ст. откл. – стандартное отклонение; Мин., Макс. – минимальное и максимальное значения; Q1, Q2 (медиана), Q3 – первый, второй, третий квартили соответственно; Мкв. разм. – межквартильный размах.

Для анализа корреляций также использовался непараметрический коэффициент корреляции Спирмена. Полученные результаты представлены в табл. 11.

Таблица 11– Корреляции параметров русско-тюркских билингвов (с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена)

	Разговор о ребенке/взрослом	Степень эмоциональности	Тип оценки	Разговор с ребенком/взрослым	Возраст усвоения	Субъективная частотность
Разговор о ребенке/взрослом	1,000	-0,139	0,511	0,780	0,367	-0,016
Степень эмоциональности	-0,139	1,000	-0,241	-0,174	0,029	-0,163
Тип оценки	0,510	-0,240	1,000	0,485	0,217	-0,017
Разговор с ребенком/взрослым	0,780	-0,174	0,485	1,000	0,415	-0,055
Возраст усвоения	0,367	0,0297	0,217	0,415	1,000	-0,267
Субъективная частотность	-0,016	-0,163	-0,017	-0,055	-0,267	1,000

Экспериментально выявлено наличие значимых корреляций между параметрами диминутивов, восстанавливаемыми из их оценок, данных тюркско-русскими билингвами:

1) прямая корреляционная связь между функциональными параметрами «использование в разговорах с ребенком/взрослым» и «использование в разговорах о ребенке/взрослом» ($r = 0,780$);

2) прямые корреляционные связи между смысловыми компонентами «тип оценки» и функциональным параметром «использование в разговорах с ребенком/взрослым (о ребенке/взрослом)» ($r = 0,485$; $r = 0,511$): чем более высоким является показатель оценки у слова,

тем скорее оно будет использовано в разговоре с взрослым, чем с ребенком (о взрослом);

3) прямые корреляционные связи между психолингвистическим параметром «возраст усвоения» и функциональным параметром «использование в разговорах с ребенком/взрослым (о ребенке/взрослом)» ($r = 0,415$; $r = 0,367$): чем позднее было усвоено слово, тем скорее оно будет использовано в разговоре со взрослым, чем с ребенком (о взрослом);

4) обратная корреляционная связь между семантическими компонентами «степень эмоциональности» и «тип оценки» ($r = -0,241$): чем более эмоциональным является слово, тем более положительной является выражаемая им оценка.

Все отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0.05$.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что корреляции, полученные у испытуемых тюркско-русских билингвов, отличаются как количественно, так и качественно от оценок по аналогичным параметрам респондентами, у которых русский язык является родным. Во-первых, число значимых корреляций у билингвов значительно меньше, а во-вторых, даже те значимые корреляции, которые есть у обеих групп испытуемых, в случае билингвов имеют меньшие значения. Например, корреляционная связь между оценками по параметрам «использование в разговорах с ребенком /взрослым» и «использование в разговорах о ребенке/взрослом», данными испытуемыми, у которых русский язык является первым, – $r = 0,919$, тюркско-русскими билингвами: а) – $r = 0,780$; между оценками проявления семантических компонентов «степень эмоциональности» и «тип оценки» – $r = -0,521$ и $r = -0,241$ соответственно. Кроме того, основной интересующий нас параметр – «степень эмоциональности» – не вступает ни в одну сильную, и даже среднюю, корреляцию с другими параметрами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что билингвальные испытуемые даже в условиях функционального доминирования второго русского языка имеют иную чувствительность к фактору эмоциональности и связанным с ним факторам, нежели те респонденты, у которых русский язык является первым, материнским и функционально доминирует во время проведения эксперимента.

Далее с использованием критерия Краскела – Уоллиса были выявлены различия диминутивов внутри выделенных групп стимулов:

1) диминутивы значимо отличаются:

а) по показателю «субъективная частотность» – от нейтральных единиц ($p=0,000$), характеризуясь как значительно менее частотные;

б) по функциональному параметру «использование в разговорах с ребенком/взрослым (о ребенке/взрослом)» – от всех остальных групп слов ($p=0,000$); распределение оценок в данном случае следующее: диминутивы оцениваются как те, которые используются скорее в разговоре с детьми, слова с отрицательной оценочной семантикой – как используемые скорее в разговоре со взрослыми; непроизводные слова с нейтральной оценкой – как те, которые могут использоваться в разговорах и с детьми, и со взрослыми;

в) по оценкам семантического компонента «степень эмоциональности» – от исходных нейтральных слов ($p=0,000$); при этом диминутивы оцениваются как единицы, которые могут быть как эмоциональными, так и неэмоциональными, непроизводные слова слова с нейтральной оценкой – как неэмоциональные и близкие к ним;

г) по параметру «тип оценки» – от исходных нейтральных слов ($p=0,000$), а также от единиц с отрицательной оценочной семантикой ($p=0,000$); диминутивы оцениваются как скорее нейтральные единицы, чем с положительной оценочностью.

2) диминутивы и непроизводные слова с нейтральной оценочностью по психолингвистическому параметру «возраст усвоения» значимо отличаются от слов с положительной и отрицательной оценочной семантикой ($p=0,048$ и $p=0,008$), но не различаются между собой; диминутивы, как и нейтральные слова, были оценены как слова, усвоенные в период от 2 до 5 лет.

При сравнении результатов этого анализа с данными, полученными у русскоязычных носителей, видно (см. раздел 2.2.2), что различия внутри групп характеризуются как проявляющие общие тенденции в оценках двух групп испытуемых, т.е. так же, как и носители русского языка, так и тюркско-русские естественные ранние и поздние билингвы с функциональным доминированием второго (русского) языка оценивают диминутивы русского языка как наименее частотные единицы, которые употребляются скорее в разговоре с детьми (о детях), могут быть как эмоциональными, так и неэмоциональными, а также характеризуются скорее как нейтральные

единицы, чем положительные, и усваиваются в довольно раннем возрасте.

Однако полученные в результате обработки экспериментальных данных наблюдения о том, что билингвальные испытуемые даже в условиях функционального доминирования второго русского языка имеют иную чувствительность к эмоциональности и связанным с ней характеристикам русских диминутивов, нежели те респонденты, у которых русский язык является первым, материнским, и функционально доминирует во время проведения эксперимента. Наши наблюдения позволили сделать предположение о том, что данные различия могут повлечь особенности когнитивной обработки диминутивов тюркско-русскими билингвами.

2.4.2 Восприятие эмоциональных компонентов семантики диминутива тюркско-русскими билингвами

Далее были проведены два эксперимента, направленные на последовательную проверку двух гипотез: 1) когнитивная обработка эмоциональных единиц (диминутивов) отличается от когнитивной обработки нейтральных единиц, что может проявиться в различии в скорости реакции на эти стимулы; 2) отличия в когнитивной обработке эмоциональных и эмоционально нейтральных единиц будут различными у носителей русского языка как родного и у естественных билингвов, у которых русский язык является вторым языком.

Данная гипотеза проверялась с использованием экспериментов, проведенных с помощью программы E-Prime.

Дизайн эксперимента состоял из одной зависимой и одной независимой переменных. В качестве независимой переменной выступала степень эмоциональности стимула, в качестве зависимой – скорость реакции испытуемых на предъявляемые объекты.

В качестве стимулов в проводимых экспериментах были использованы единицы, охарактеризованные в разделах 2.2.2 и 2.4.1. Напомним, что это слова-диминутивы *вилочка, папочка, ручка* и под., непроектируемые оценочно и эмоционально нейтральные единицы, являющиеся производящими для диминутивов (*рука, вилка, папа*), недиминутивные единицы, включающие семантические компоненты отрицательной и положительной оценки (*великолепие, шедевр, прелесть, триумф* vs. *тупица, безобразие, мерзость*)

Имеющиеся стимулы были введены в задачу категоризации: испытуемым предлагалось определить, называет ли то или иное слово человека или часть тела человека, либо нет. Стимулы предъявлялись псевдорандомизированно. Процедура эксперимента включала тренировку и основной эксперимент. Время предъявления стимулов – 3000 мс, перед началом нового трайла появлялся пустой экран (ITI – intertrial interval) – 250 мс, время предъявления фиксационного креста – 250 мс.

В первом эксперименте приняли участие 23 человека в возрасте от 17 до 30 лет, студенты томских вузов, у которых первый материнский язык был русский.

Всего в ходе эксперимента было получено 8052 наблюдения. Перед началом анализа из общего массива данных были устранены аутлайеры (выбросы), т.е. те значения, которые резко отличаются от других значений в собранном наборе данных. В нашем случае это значения > 1500 мс и < 300 мс. В результате было удалено 693 наблюдения, что соответствует 8,5 % от общего количества данных. После этого данные усреднялись и обрезались на 2 стандартных отклонения (standard deviation) от значения среднего. Было удалено 432 наблюдения, что соответствует 5,9 % данных. По нашему мнению, относительно высокий процент удаленных данных объясняется сложностью задания эксперимента, однако в соотношении с общим количеством наблюдений является допустимым.

Результаты проведенного эксперимента анализировались с использованием пакетов STATISTICA и SPSS Statistics. В связи с тем, что проведенные ранее претесты показали наличие статистически значимых различий по факторам длины слова и частотности, которые, как уже упоминалось, могут влиять на скорость реакции, при анализе мы использовали ковариационный анализ – ANCOVA (от англ. Analysis of Covariance) – статистический метод, тесно связанный с дисперсионным анализом, в котором зависимая переменная статистически корректируется на основе связанной с ней дополнительной информацией так называемыми ковариантами (в нашем случае это факторы частотности и длины слова), для того чтобы устранить их возможное влияние на результат анализа. Перед проведением ковариационного анализа выборка с данными о скорости реакции испытуемых была приведена к нормальному распределению при помощи логарифмизации величин.

Проведенный анализ показал, что слова с диминутивными суффиксами обрабатываются значимо дольше по сравнению с непроемными словами с нейтральной оценкой ($p=0,000$). Кроме того, было выявлено, что скорость реакции на слова с отрицательной оценкой значимо больше, чем на все остальные типы единиц (с положительной оценочностью – $p=0,001$, с нейтральной оценочностью – $p=0,000$, диминутивы – $p=0,005$). При этом факторы длины и частотности не повлияли на различия в скорости обработки. Данные статистики о влиянии анализируемых факторов на скорость реакции представлены в табл. 12.

Таблица 12– Влияние факторов длины, частотности и типа стимула на скорость реакции (русскоязычные испытуемые)

Одномерный критерий значимости для Ln RT (логарифм. скорость реакции)					
	Сумма квадратов отклонений	Степени свободы	Дисперсия	F – критерий Фишера	Уровень значимости p
Св. член	362,6284	1	362,6284	96327,18	0,000000
Буквы	0,0000	1	0,0000	0,01	0,9214
Частотность	0,0106	1	0,0106	2,81	0,0946
Тип	0,1859	3	0,0620	16,46	0,0000
Ошибка	1,3515	359	0,0038		

В табл. 13 представлены данные статистического анализа, демонстрирующие различия в скорости реакции между группами стимулов.

Таблица 13. Различия в скорости реакции на различные группы стимулов (русскоязычные испытуемые)

Крит. Бонферрони; перем. Ln RT (логарифм. скорость реакции)					
	Тип	{1}	{2}	{3}	{4}
1	Положительные		0,7357	0,6187	0,0013
2	Нейтральные	0,7359		0,0000	0,0000
3	Диминутивы	0,6187	0,0000		0,0045
4	Отрицательные	0,0013	0,0000	0,0045	

На рис. 19 представлен график зависимости скорости реакции русскоязычных испытуемых от типа стимула.

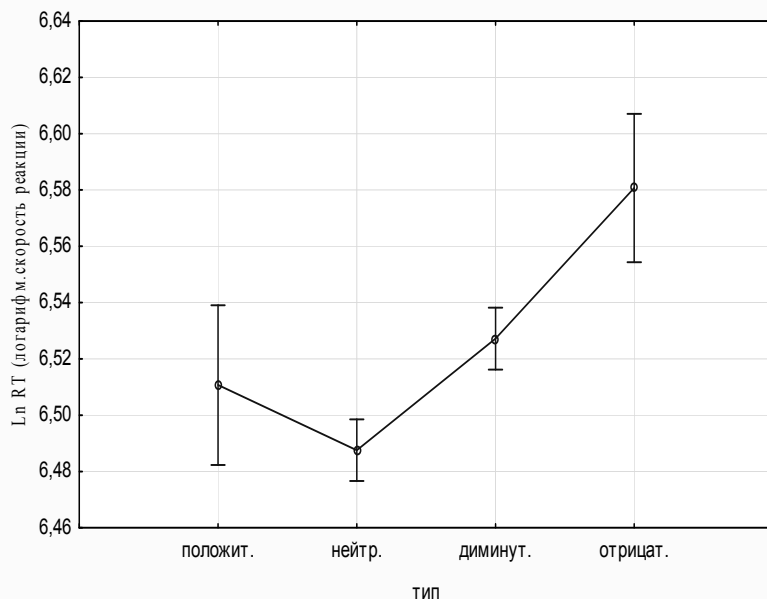

Рисунок 19 – График зависимости скорости реакции русскоязычных испытуемых от типа стимула

Во втором эксперименте приняли участие 24 человека в возрасте от 16 до 69 лет, естественные билингвы, у которых родным языком является один из тюркских языков – татарский или хакасский, а вторым языком – русский.

Всего в ходе эксперимента было получено 8784 наблюдения. Перед началом анализа из общего массива данных были также устранены аутлайеры (выбросы) (значения > 1800 мс и < 300 мс). В результате было удалено 355 наблюдений, что соответствует 4 % от общего количества данных. После этого данные усреднялись и обрезались на 2 стандартных отклонения (standard deviation) от значения среднего. Было удалено 481 наблюдение, что соответствует 5,7 % данных. Так же, как и в первом эксперименте, процент удаленных

данных в соотношении с общим количеством наблюдений является допустимым.

Результаты проведенного эксперимента анализировались с использованием ковариационного анализа в пакете STATISTICA.

Таблица 14 – Влияние факторов длины, частотности и типа стимула на скорость реакции (тюркско-русские билингвы)

Крит. Бонферрони; переменная – RT (скорость реакции)					
	Тип	{1}	{2}	{3}	{4}
1	Положительные		0,000496	1,000000	0,061926
2	Нейтральные	0,000496		0,000000	0,000000
3	Диминутивы	1,000000	0,000000		0,001393
4	Отрицательные	0,061926	0,000000	0,001393	

Проведенный анализ показал, что слова с диминутивными суффиксами обрабатываются значимо дольше по сравнению с исходными производными словами с нейтральной оценочностью и эмоциональностью ($p=0,000$). Кроме того, было выявлено, что скорость реакции на слова с семантикой отрицательной оценки значимо больше, чем на все остальные типы единиц (с положительной оценочностью – $p=0,0013$, оценочно нейтральные производные слова – $p=0,0000$, диминутивы – $p=0,0045$). Как видно, результаты совпадают с результатами, полученными в группах с респондентами, носителями русского языка как родного. Однако в данном эксперименте было выявлено, что на отмеченные различия оказывают влия-

Таблица 15 – Различия в скорости реакции на различные группы стимулов (русско-тюркские билингвы)

Одномерный критерий значимости для RT (скорость реакции)					
	Сумма квадратов отклонений	Степени свободы	Дисперсия	F- критерий Фишера	Уровень значимости p
Св. член	7020769	1	7020769	3145,973	0,000000
Буквы	37894	1	37894	16,980	0,000047
Частотность	26522	1	26522	11,885	0,000633
Тип	111801	3	37267	16,699	0,000000
Ошибка	801169	359	2232		

ние факторы частотности и длины слов в отличие от первого эксперимента. Данные статистики о влиянии анализируемых факторов на скорость реакции представлены в табл. 14.

В табл. 15 представлены данные статистического анализа, демонстрирующие различия в скорости реакции между группами стимулов у билингвов.

На рис. 20 представлен график зависимости скорости реакции русско-тюркских билингвов от типа стимула.

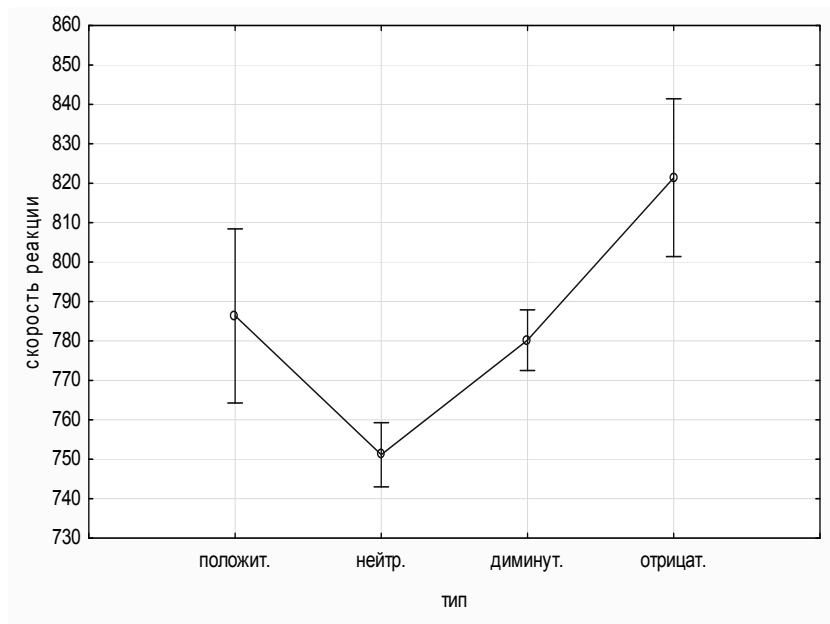

Рисунок 20 – График зависимости скорости реакции билингвальных испытуемых от типа стимула

Таким образом, основываясь на результатах проведенных экспериментов, можно сделать следующие выводы:

1) фактор эмоциональности слова вступает во взаимодействие с другими психолингвистическими характеристиками эмоциональных слов, однако в большей степени это касается русскоязычных испытуемых, а не билингвов, у которых выявленные корреляции фактора эмоциональности являются единичными и низкосignификантными;

2) по результатам внутригрупповых анализов диминутивы как эмоциональные единицы оцениваются носителями русского языка и билингвами схожим образом;

3) когнитивная обработка диминутивов отличается от когнитивной обработки оценочно нейтральных единиц у русскоязычных испытуемых, что проявляется в различии в скорости реакции на эти стимулы;

4) несмотря на наличие значимых отличий в скорости обработки эмоциональных единиц по сравнению с оценочно и эмоционально нейтральными у билингвов, их когнитивная обработка различна у носителей русского языка как родного и у естественных билингвов, у которых русский язык является вторым языком, что проявляется во влиянии факторов частотности и длины слова на скорость обработки у билингвов.

В дальнейшем планируется дополнительно собрать данные с привлечением информантов разных возрастных групп (как русскоязычных, так и билингвальных) с учетом социолингвистических характеристик, а также провести ранжирование по типам билингвизма с целью выявления влияния данного параметра.

2.5 Влияние семантики диминутива на решение задач параметризации

Как было отмечено ранее, развитое диминутивное словообразование является яркой отличительной особенностью русской деривационной системы, как следствие – русского языка в целом. В предыдущих разделах мы проинтерпретировали семантическую и функциональную специфику данных единиц, обуславливающую своеобразие когнитивной обработки данных единиц, влияние на эти процессы социокультурных и этнолингвистических особенностей субъектов. В данном разделе мы представляем исследование своеобразия одного из когнитивных процессов – процесса параметризации объектов, протекающих с использованием диминутивных номинаций объектов.

Размерная параметризация занимает весьма заметное место в когнитивных процессах. Сравнение объектов относится к столь же фундаментальным когнитивным процессам, как и категоризация,

осуществляемым в обыденной жизни человека. Вследствие этого данным процессам уделяется значительное внимание в психолингвистических исследованиях.

В рамках экспериментальной парадигмы решения данной проблемы сформулированы основные теории решения когнитивных задач ментальных сравнений объектов по размерным параметрам, то есть таких сравнений, когда объекты не воспринимаются непосредственно, но воспроизводятся в памяти. В качестве символических маркеров, актуализирующих работу памяти, выступают либо изображения объектов, либо лексемы.

Выявлены три базовых эффекта при решении задач ментальных сравнений.

1. Эффект **символического расстояния** заключается в том, что скорость решения задачи при сравнении предметов тем больше, чем более значительно они отличаются по величине (*слон – заяц* vs *заяц – козел*)¹.

2. Эффект **конгруэнтности** проявляется в том, что скорость реакции больше в случаях соответствия вопроса и размера сравниваемых животных (суждения «который меньше?» будут осуществляться быстрее при сравнении *зайца* и *мыши*, нежели *слона* и *жирафа*, и, напротив, что скорость реакции будет быстрее относительно больших предметов, нежели маленьких².

3. «**Эффект конца**» проявляется в том, что задача параметризации решается быстрее относительно элементов, находящихся на концах параметрического континуума (*мышь* и *крыса*, а также *слон* и *жирафа*), нежели находящихся на его середине (*заяц* и *козел*)³. Данные эффекты наблюдаются для различных типов стимулов: чисел⁴, цветов¹, изображений², слов и символов³, и их комбинаций⁴. В

¹ Banks W.P. (1977). Encoding and processing of symbolic information in comparative judgments. *Psychology of learning and motivation*. 11. 101–159.

² Holyoak K.J., & Mah W.A. (1982). Cognitive reference points in judgments of symbolic magnitude. *Cognitive Psychology*, 14(3), 328–352.

Čech C. G. (1995). Is Congruity Due to Encoding? *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 21 (5), 1275–1288.

³ Leth-Steensen C., Marley A.A. J. A model of response time effects in symbolic comparison // *Psychological Review*. 2000. T. 107. №. 1. С. 62.

⁴ Oriet C., Tombu M., & Jolicoeur P. (2005). Symbolic distance affects two processing loci in the number comparison task. *Memory & Cognition*, 33(5), 913–

некоторых исследовательских работах внимание направлено на взаимодействие между эффектами в различных условиях⁵.

Также в качестве значимых результатов отметим выявление взаимодействия процессов категоризации и параметризации. Так, эффект символического расстояния может быть ослаблен или даже устранен, если два сравниваемых объекта принадлежат разным категориям⁶.

Современные исследования в области ментального сравнения посвящены уточнению существующих моделей⁷ или особенностей ментального сравнения в условиях неопределенности⁸. Небольшое

926; Price G. R., Palmer D., Battista C., & Ansari D. (2012). Nonsymbolic numerical magnitude comparison: Reliability and validity of different task variants and outcome measures, and their relationship to arithmetic achievement in adults. *Acta psychologica*, 140(1), 50–57.

¹ Linde J.T., & Paivio A. (1979). Symbolic comparison of color similarity. *Memory & Cognition*, 7(2), 141–148.

² Amrhein, P.C., McDaniel M., & Waddill P. (2002). Revisiting the picture-superiority effect in symbolic comparisons: Do pictures provide privileged access? // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 28(5), 843–857; Dean G.M., Dewhurst S.A., Morris P.E., & Whittaker A. (2005). Selective interference with the use of visual images in the symbolic distance paradigm. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 31(5), 1043–1068.

³ Banks W.P., Mermelstein R., & Howard K.Y. (1982). Discriminations among perceptual and symbolic stimuli. *Memory & Cognition*, 10(3), 265–278.

⁴ Shaki S., & Algom D. (2002). The locus and nature of semantic congruity in symbolic comparison: Evidence from the Stroop effect. *Memory & cognition*, 30(1), 3–17.

⁵ Holyoak K.J., & Mah W.A. (1982). Cognitive reference points in judgments of symbolic magnitude. *Cognitive Psychology*, 14(3), 328–352; Leth-Steensen C., Marley A.A. J. A model of response time effects in symbolic comparison // *Psychological Review*. 2000. T. 107. №. 1. С. 62.

⁶ Howard R.W. (1980). Category use in abstract mental comparisons. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 32(4), 625–633; Čech C.G., & Shoben, E.J. (2001). Categorization processes in mental comparisons. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 27(3), 800–816.

⁷ Van Opstal F., Gevers W., De Moor W., & Verguts T. (2008). Dissecting the symbolic distance effect: Comparison and priming effects in numerical and nonnumerical orders. *Psychonomic Bulletin & Review*, 15 (2), 419–425.

⁸ Schweickart O., & Brown N.R. (2014). Magnitude comparison extended: How lack of knowledge informs comparative judgments under uncertainty. *Journal of Experimental Psychology: General*, 143(1), 273; Brown N.R. & Tan S. (2011). Magni-

количество исследований посвящено лингвистическим аспектам стимулов и ответов респондентов¹.

Вопрос влияния лингвистического маркирования или языковых особенностей стимулов в исследованиях символического сравнения до сих пор остается не до конца изученным. Большинство известных нам исследований были предприняты на основе прямых лексических номинаций сравниваемых объектов (за исключением тех, где сравниваются изображения, то есть стимулы невербального характера), обычно принадлежащих к одинаковым или разным категориям.

Влияние параметрической семантики, представленной в формальной структуре слова, до сих пор не попадало в фокус внимания исследователей. В то же время данные механизмы могут быть грамматикализованы и широко использоваться носителями языка. К примеру, в русском языке слово *слон* обозначает взрослую полную-размерную особь, в то время как слон меньшего размера называется *слоником* (добавляется диминутивный суффикс *-ик*), а детеныш слона называется *слоненок* (суффикс «детскости» *-енок*).

Аналогично образуются ряды для других слов: *мышь*, *мышка*, *мышонок*. Изучение ментального сравнения с использованием дериватов (например, сравнение *слоник-мышка*) может пролить свет на особенности происходящих когнитивных процессов. В русском языке есть хорошо развитая система деривационного маркирования отклонения от нормы: *слон* – *слоник* – *слонище* (суффикс *-ище* фиксирует отклонение от нормы в большую сторону), *козел* – *козлик* – *козлище*. Таким образом, ментальная параметризация может осуществляться как на основе первичных номинаций (*слон*, *козел*, *мышь*), так и на основе деривационно сложных.

Целью исследования является выяснение особенностей ментального сравнения при использовании имен-дериватов. Мы полагаем, что эти номинации при использовании в процессах ментального сравнения вызывают сдвиг в уже описанных в литературе эффектах.

tude comparison revisited: An alternative approach to binary choice under uncertainty. *Psychonomic Bulletin & Review*, 18 (2), 392–398.

¹ Matthews W.J., Dylman A.S. The language of magnitude comparison // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2014. T. 143, №. 2. С. 510.

В данном исследовании мы рассматриваем сдвиг в эффекте символической дистанции и эффекте конгруэнтности.

Мы считаем, что сдвиг в этих эффектах будет обусловлен увеличенной когнитивной нагрузкой, вызванной обработкой параметрической семантики дериватов. Дериваты вынуждают субъекта заново осуществлять параметризацию объектов или внутри одной концептуальной категории (*слон* – *слоник*) или внутри различных категорий, прибегая к стереотипам, так как члены одной категории обычно меньше, чем члены другой (*слоник* – *козел*). Таким образом, чтобы осуществить сравнение *слоник* – *козел*, необходимо осуществить сравнение *слон* – *слоник* и *козел* – *козлик*. Мы полагаем, что использование слов с параметрическими суффиксами делает задачу более когнитивно затратной из-за наложения образов или затрат времени на предотвращение внутри- и межконцептуальной интеграции. Наибольшее влияние это должно оказать на эффект символической дистанции.

Система деривационных суффиксов в русском языке имеет два типа деривационных формантов, которые имеют семантику отклонения от нормы: параметрические суффиксы как таковые (*-ик*, *-ище*: *кот* – *котик* – *котище*) и суффиксы, обозначающие детенышей, которые включают сему уменьшительности в качестве одного из семантических компонентов.

«Детские» суффиксы в деривационной схеме русского языка с функциональной точки зрения называются модификационными. Они создают новое понятие, то есть *слон* – *детёныш*, *детёныш слона*, в который обычно имплицитно включена параметрическая семантика: детеныш слона меньше, чем слон. Как следствие, мы полагаем, что параметризация с использованием имен детенышей будет отличаться от таковой по умолчанию для слов-основ и может устранить эффект символической дистанции. Мы также полагаем, что уже изученные эффекты проявятся иным образом, чем при использовании параметрических суффиксов.

Для выявления влияния параметрической семантики деривационных суффиксов на эффект символической дистанции и степени значимости внутрикатегориального и межкатегориального положения концепта мы выбрали в качестве стимульного материала лексемы, называющие животных, отличающихся по размеру: лексемы *слон*, *заяц* и *козел*. Данным лексемам был присвоен условный семан-

тический размер, выражаемый в единицах. Этот фактор апеллирует к физическому размеру обозначаемого животного. Слон – это самое большое животное (3), заяц – самое маленькое (1). Козел занимает промежуточное положение (2).

Указанные лексемы различаются относительно друг друга также с помощью семантической величины, терминологически обозначенной нами как *семантическая дистанция*. Так, если в одной паре окажутся *слон* и *козел*, то семантическое расстояние составит 1. Если в одной паре окажутся *слон* и *заяц*, семантическое расстояние составит 2.

Другие 3 лексемы, использованные в качестве стимулов, – их дериваты с диминутивными суффиксами (*зайч-ик*, *козл-ик*, *слон-ик*). При использовании данных стимулов семантическая дистанция, обозначенная корневой морфемой, сохраняется, так как суффикс с параметрическим значением обозначает отклонение от нормы в рамках данного концепта. При этом данные лексемы имеют более сложно организованную семантику: включают корневое значение и деривационное (параметрическое) – меньше нормы по размеру (меньше нормы размера слона, козла, зайца). Деривационная семантика осложняет общее размерное значение лексемы.

Последние 3 лексемы – дериваты с суффиксами «детскости», дериваты, обозначающие *детенышей животных* (*зайч-енок*, *козл-енок*, *слон-енок*). Отличие данных лексем от предыдущих в том, что деривационный суффикс выражает не параметрическое значение, но более сложный концепт – «детеныш животного», в который включается смысл «меньше взрослого животного» в качестве одного из компонентов. Семантическая дистанция производных лексем, обозначенная корневой морфемой, также сохраняется.

Таким образом, единицы стимульного материала противопоставлены по семантическому расстоянию – степени различий по размеру обозначаемых животных (1 vs. 2), наличию или отсутствию осложняющей деривационной семантики (непроизводное vs. производное), типу деривационной семантики – параметрическая (маленький) vs. детскость). Данные параметры обобщены в табл. 16.

Семантическое расстояние между лексемами *слон* – *заяц* со всеми их дериватами будет составлять 2 пункта; *слон* – *козел/заяц* – *козел* со всеми их дериватами будет составлять 1 пункт.

Таблица 16 – Параметры стимулов, использованных в эксперименте, и их кодирование

	Типы стимулов	
	Семантика	Тип аффикса
Слоненок	Большой	Детскости
Слоник		Диминутив
Слон		Нет аффикса
Зайчонок	Маленький	Детскости
Зайчик		Диминутив
Зяец		Нет аффикса
Козел	Средний	Нет аффикса
Козлик		Диминутив
Козленок		Детскости

Длина слова и частотность стимулов контролировались. Двусторонняя значимость по фактору длины слова для пар составляет $p=1$, так как для стимульного материала использовались все возможные варианты пар указанных лексем с повторениями, в том числе перевернутые (*слон – заяц*, *заяц – слон*). Мы также исключили влияние фактора частотности употребления слова, так как все указанные лексемы находятся в едином поле частотности. Данные брались из словаря частотности употребления слов Ляшевской и Шарова¹, составленного на основе данных НКРЯ; учитывался параметр *irm* для каждого слова.

В дальнейшем слова формировались в пары, где каждая лексема сочеталась с остальными во всех возможных вариациях. Всего было использовано 90 стимульных пар, предполагающих сочетание каждого слова друг с другом во всех возможных позициях, из которых 54 – пары смешанного значения, предполагающие сочетание слов с «большой» и «малой» семантикой.

Для последующего статистического анализа использовались три типа пар:

- пары производных лексем (пары типа *слон – заяц*);
- дериваты с диминутивными суффиксами (пары типа *слоник – зайчик*);

¹ Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009. 1090 с.

- дериваты с суффиксами, обозначающими детенышей животных (пары типа *слоненок – зайчонок*).

Дизайн эксперимента ($2 \times 3 \times 2$), таким образом, включал три независимые переменные:

1. Семантическое расстояние в парах с 2 уровнями:
 - a. 1 (расстояние между двумя соположенными членами);
 - b. 2 (расстояние между крайними членами).
2. Наличие аффикса с 3 уровнями:
 - a. слово без аффикса;
 - b. слово с параметрическим суффиксом-димиутивом (меньше нормы по размеру);
 - c. слово с суффиксом, обозначающим детенышей животных (суффикс со значением «детскости»).
3. Тип задачи:
 - a. какой из сравниваемых объектов больше?
 - b. какой из сравниваемых объектов меньше?

В качестве зависимой переменной собирались данные времени реакции.

Подобный дизайн позволяет проверить воспроизводимость эффекта семантического расстояния, полученного на материале других языков, а также проверить гипотезу о смещающем влиянии деривационной семантики на описанный в литературе эффект конгруэнтности.

В качестве респондентов к участию в эксперименте были привлечены студенты различных факультетов Томского государственного университета в возрасте от 19 до 25 лет с нормальным или откорректированным зрением. Всего приняли участие 94 человека – 47 мужчин и 47 женщин.

Охарактеризуем процедуру эксперимента. На экране предъявлялись пары слов, обозначающих животных. Две экспериментальные сессии были построены таким образом, что имели тождественный дизайн, но различались вопросом, на который должны были ответить испытуемые. В первом эксперименте респонденты должны были ответить на вопрос, какое из названных в данной паре животных больше; во втором – какое из в названной паре животных является меньшим.

В инструкции к первой экспериментальной сессии респондентам предлагалось определить, какое животное из пары больше по разме-

ру по отношению к другому и нажать 1 – если больше животное, представленное слева, и 2 – если больше животное, представленное справа. Например, если на экране появляется пара *слоненок – заяц*, испытуемым следует нажать цифру 2, т.к. *заяц* меньше *слоненка*.

В инструкции ко второй экспериментальной сессии респондентам предлагалось определить, какое животное из пары меньше по размеру по отношению к другому, и нажать 1 – если меньше животное, представленное слева, и 2 – если меньше животное, представленное справа. Например, если на экране появляется пара *слоненок – заяц*, испытуемым следует нажать цифру 1, так как *заяц* меньше *слоненка*.

Процедура предполагала проведение тренировочной сессии (содержащей 15 проб), результаты которой не учитывались при дальнейшем анализе, а также основной эксперимент. Открывалась проба фиксационным крестом в течение 500 мс, затем на экране монитора предъявлялись два вербальных стимула до нажатия клавиши 1 (имя большого животного, находящееся слева) или 2 (имя большого животного, находящееся справа), но не более 5000 мс. Перед началом каждой пробы появлялся пустой экран в течение 500 мс.

Была соблюдена контрбалансировка ответов. Клавиши 1 и 2 (смежные в пространственном отношении) были выбраны таким образом, чтобы избежать влияния Саймон-эффекта на окончательные результаты. Респонденты были оповещены о необходимости использовать одну руку при работе с обеими клавишами.

Для анализа выбора ответа использовались все данные, за исключением случаев технических ошибок респондентов (нажатие «пробела» вместо верной клавиши и т.п.), а также реакций, время которых составило менее 100 мс (подобное время реакции позволяет считать их механическими ошибками). Перед анализом показателей времени реакции были удалены данные, отклоняющиеся более чем на ± 2 стандартных отклонения (общий процент неучитываемых данных – 3,4 %). Дальнейшее изложение результатов разделено по типу задания, так как он проявил значимую интеракцию со смещением эффектов, вызванных параметрической семантикой деривационных суффиксов.

Ментальное сравнение в пользу большего объекта *Пары производных лексем*

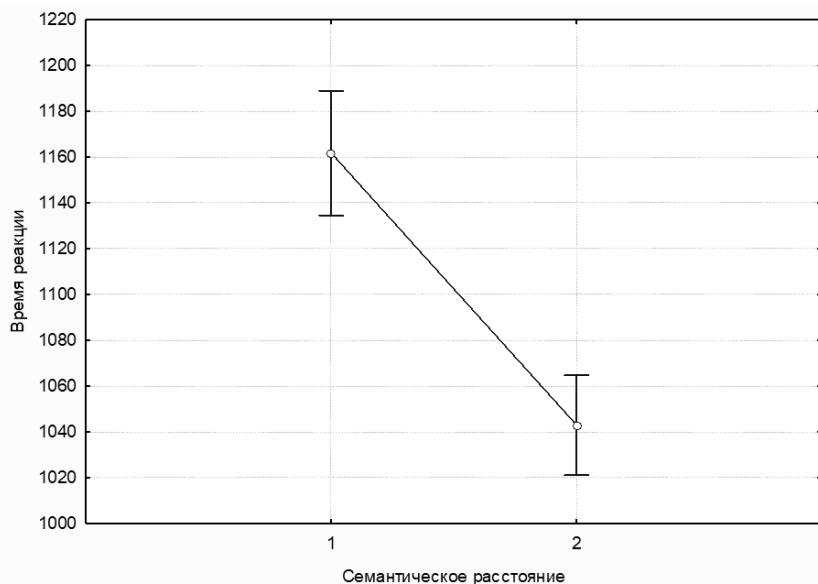

Рисунок 21— Влияние фактора семантической дистанции на скорость реакции в парах производных лексем (задание «что больше?»)

Анализ результатов (RepeatedmeasuresANOVA) по данным фактора времени реакции показывает значительное сокращение времени реакции при увеличении семантического расстояния между объектами ($F(1, 66) = 18,536$, $p = ,00006$). Как видно на рис. 21, чем значительнее разница между физической величиной ментально сравниваемых объектов, тем проще вычленить, какой из них больше.

Пары дериватов с диминутивными суффиксами

Дериваты с суффиксами, обозначающими детеншей животных

Анализ результатов по данным фактора времени реакции показывает отсутствие значимой разницы между скоростью обработки лексем с различным семантическим расстоянием ($F(1, 132) = ,85648$, $p = ,35641$) (рис. 23). Как следствие, исходное предположение о том, что увеличение семантического расстояния сокращает длительность

обработки пары стимулов, в данном случае не работает. Это может быть связано с привнесением дополнительных когнитивных процессов, вызванных включением в лексику диминутивных суффиксов. Например, *слоником* может оказаться не «маленький слон» (с отсылкой к натуральному референту-слону), который по-прежнему больше, чем самый большой *заяц*, но может быть настольной фаянсовой фигуркой в форме *слоника*, которая меньше зайца.

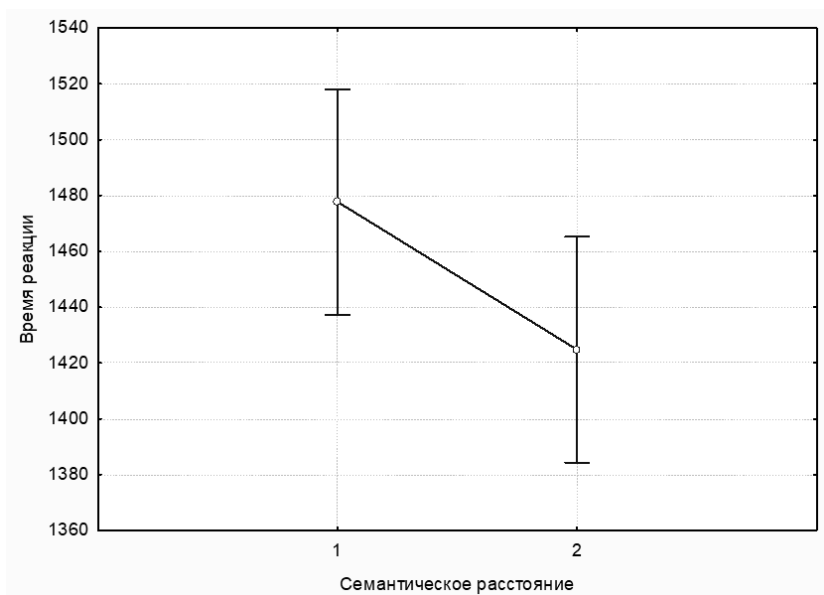

Рисунок 22 – Влияние фактора семантической дистанции на скорость реакции в парах дериватов с диминутивными суффиксами (задание «что больше?»)

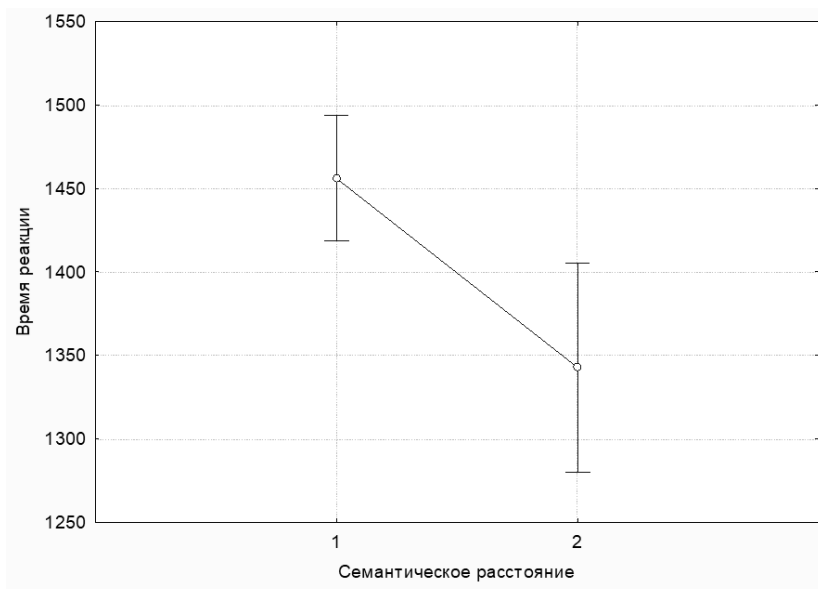

Рисунок 23 — Влияние фактора семантической дистанции на скорость реакции в парах дериватов с суффиксами, обозначающими детенышей животных (задание «что больше?»)

Анализ результатов (Repeated measures ANOVA) по данным фактора времени реакции не показал ожидаемого значимого эффекта ($F(1, 66)=2,6563$, $p=,10790$) по этому типу данных. С некоторой долей условности его можно назвать маргинально значимым. Исходным предположением было, что в парах с использованием суффиксов, обозначающих детенышей животных, мы получим результат, аналогичный первому случаю, так как детеныши могут активировать концепты натуральных референтов и выравнивать семантическое расстояние, потому что *слоненок* по-прежнему больше *козленка*, а *козленок* по-прежнему больше *зайчонка*.

На общем графике (рис. 24) видно, что отсутствие дериватов существенно сокращает возможность категоризировать пары, а фактор семантической дистанции оказывается значимым в случаях с отсутствующим аффиксом и (маргинально) с аффиксом, обозначающим детенышей животных (анализ RepeatedmeasuresANOVA по данным фактора времени реакции; $F(2, 122)=,68339$, $p=,50682$)).

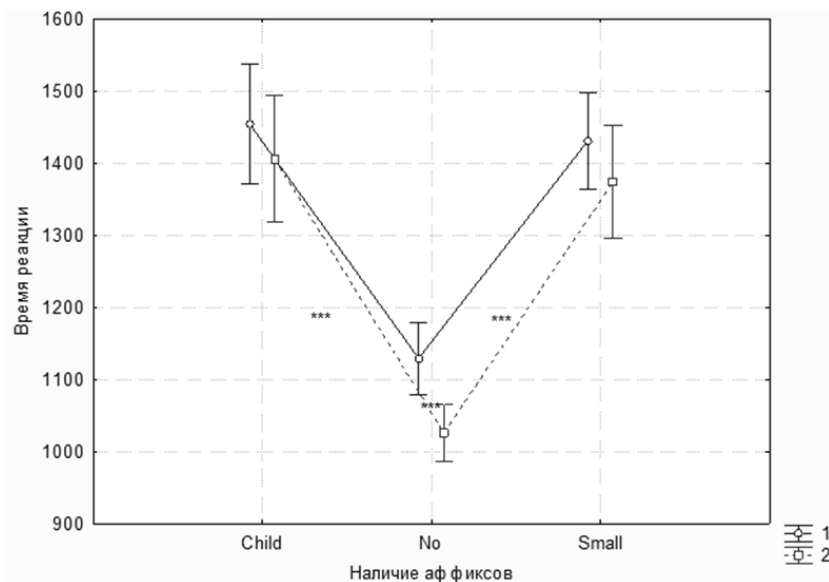

Рисунок 24 – Влияние фактора семантической дистанции на скорость реакции в парах трех типов (задание «что больше?»)

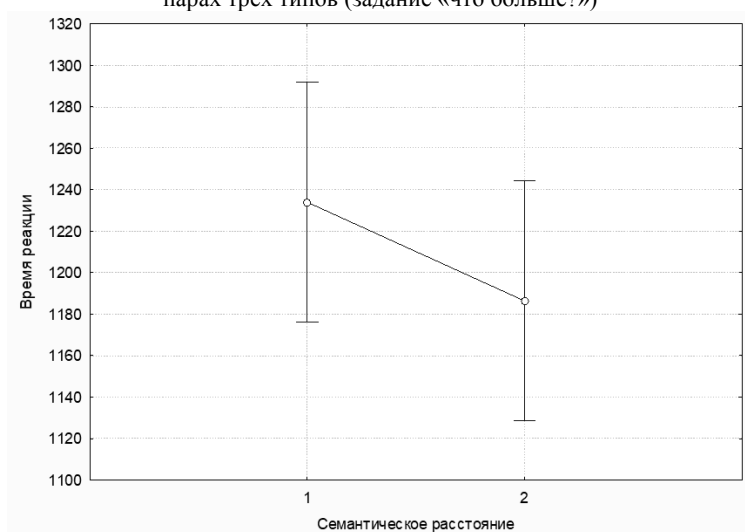

Рисунок 25 – Влияние фактора семантической дистанции в парах непроеизводных лексем (задание «что меньше?»)

Ментальное сравнение в пользу меньшего объекта

Во втором эксперименте мы сместили внимание респондента на ментальное сравнение в пользу меньшего объекта. Достигалось это посредством инструкции, предлагавшей определить, какое из обозначенных словами животных «меньше».

Материал и процедура эксперимента были сохранены в неизменном виде, изменилась только формулировка инструкции.

Анализ полученных результатов продемонстрировал эффекты, обратные полученным в первом эксперименте.

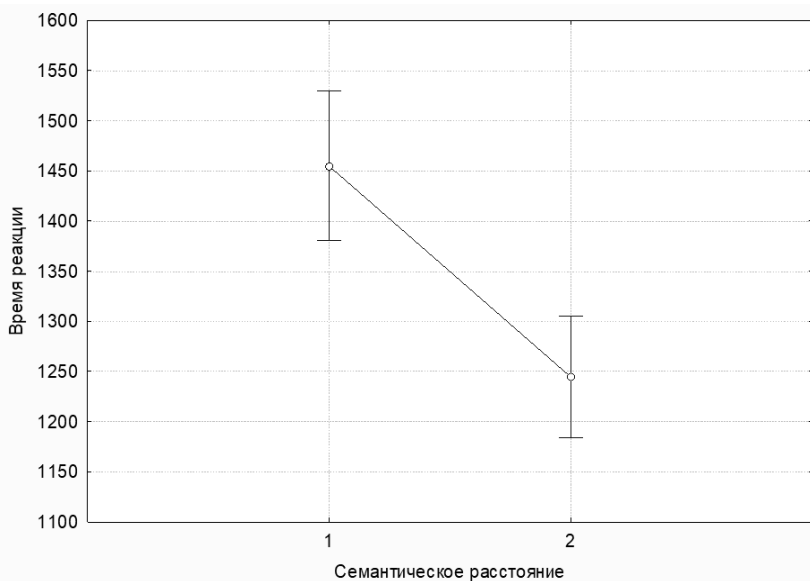

Рисунок 26 — Влияние фактора семантической дистанции в парах дериватов с диминутивными суффиксами (задание «что меньше?»)

Пары производящих лексем

В отличие от первого эксперимента, анализ (One-way ANOVA) результатов показывает отсутствие значимой разницы по фактору времени реакции между обработкой стимулов с различной семантической дистанцией ($F(1, 52) = 3,3879$, $p = 0,56304$). Иными словами, увеличение семантического расстояния между анализируемыми объектами никак не сокращает затрачиваемое на их обработку вре-

мя. Это может говорить о принципиально другом когнитивном механизме обработки стимулов в случае с ментальным сравнением в сторону меньшего референта.

Пары дериватов с диминутивами

В случае с парами диминутивов результат оказывается предсказуемо противоположным результату первого эксперимента по тому же типу пар. Анализ результатов (Repeated measures ANOVA) по данным фактора времени реакции показывает значительное сокращение времени реакции при увеличении семантического расстояния между объектами ($F(1, 26) = 8,7559$, $p = ,00650$). Таким образом, сравнение слов с уменьшительным суффиксом в сторону меньшего референта показывает, что увеличение семантического расстояния играет существенную роль. Вероятным объяснением следует считать проявление эффекта конгруэнтности: диминутив в первом эксперименте нарушает эффект конгруэнтности (противоречит заданию «что больше?»), а во втором – усиливает эффект.

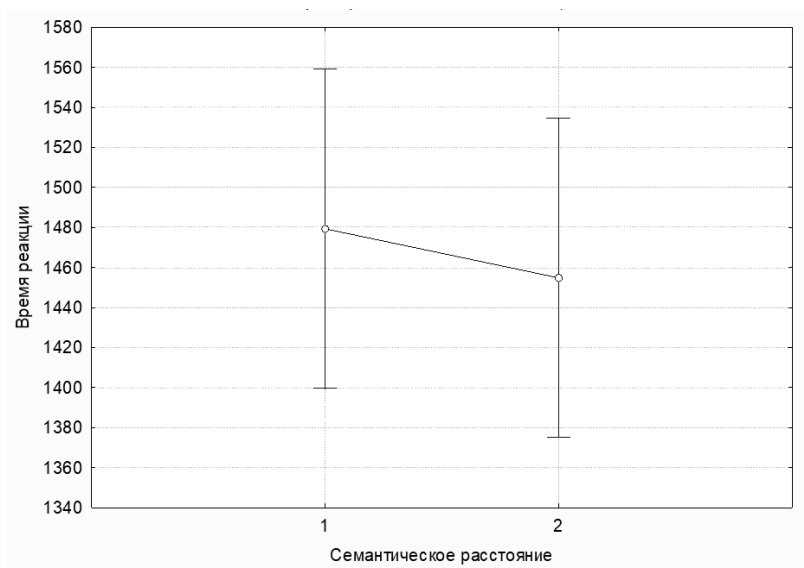

Рисунок 27 – Влияние фактора семантической дистанции в парах дериватов с суффиксами, обозначающими детенышей животных (задание «что меньше?»)

Дериваты с суффиксами, обозначающими детенышей животных

Отсутствие значимого результата при анализе данных по фактору времени реакции (One-way ANOVA; $F(1, 52) = 0,04712$, $p = 0,82900$) позволяет говорить о том, что увеличение семантического расстояния никак не влияет на сокращение времени реакции при обработке пар стимулов.

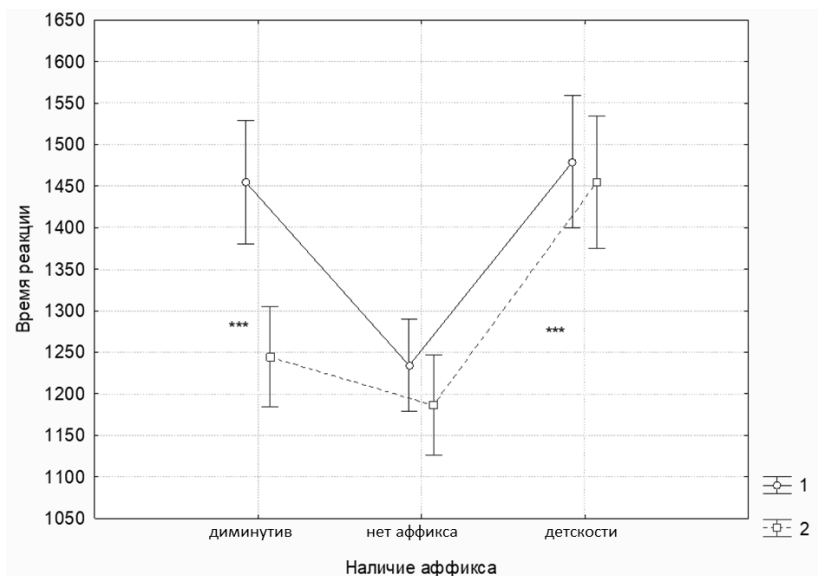

Рисунок 28 – Влияние фактора семантической дистанции на скорость реакции в парах трех типов (задание «что меньше?»)

На общем графике на рис. 28 можно видеть, что фактор семантической дистанции оказывается значимым только в случае с дими́нутивными парами (анализ Repeated measures ANOVA по данным фактора времени реакции; $F(2, 52) = 2,6259$, $p = 0,08195$) – случай, который показывал отсутствие значимости в первом эксперименте.

С целью выяснения наличия влияния параметрической семантики был также проведен анализ по объединенным данным (оба типа заданий).

Анализ Repeated measures ANOVA показал, что есть значимая разница между обработкой пар стимулов с различной семантической дистанцией ($F_s(2, 58) = 5,6352, p = ,005$).

Таблица 17 – Средние значения и стандартная ошибка среднего по каждому значению факторов семантической дистанции и типа аффиксов

Семантическая дистанция	Тип аффикса	Среднее	Стандартная ошибка
1	Детскости	1447,3	63,6
	Нет аффикса	1212,7	32,3
	Диминутив	1476,5	56,7
2	Детскости	1373,1	58,6
	Нет аффикса	1079,8	39,3
	Диминутив	1212,0	49,2

В табл. 17 указаны средние значения времени реакции по каждой комбинации факторов

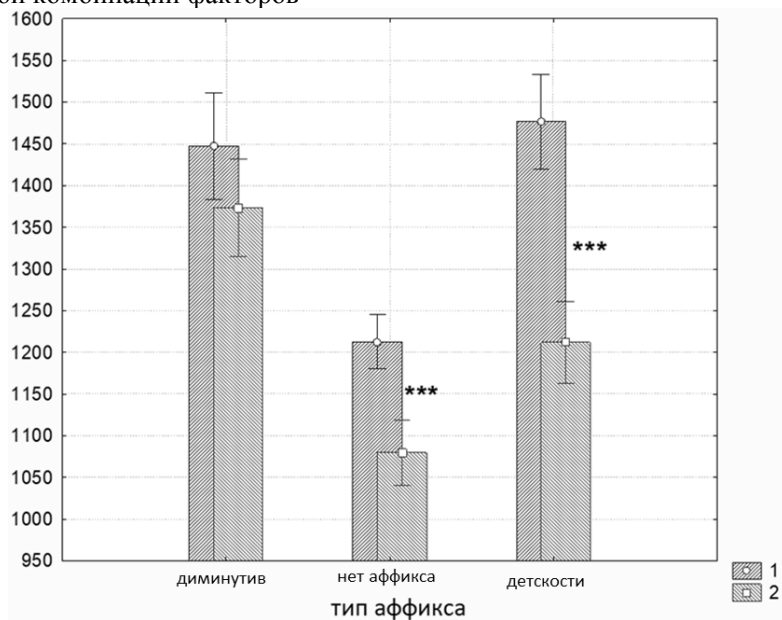

Рисунок 29 – Влияние факторов семантической дистанции и типа аффикса на скорость реакции

Пары с большей символической дистанцией обрабатываются значимо быстрее, нежели пары с меньшей символической дистанцией, что подтверждает данные стандартного отклонения.

Однако данный эффект наблюдается только в парах лексем без аффиксов (типа *слон – заяц*, *слон – козел*), а также в парах лексем с диминутивными суффиксами (*слоник – козлик*, *слоник – зайчик*). В парах лексем с аффиксами, обозначающими детенышей (*слоненок – козленок*, *слоненок – зайчонок*), эффект пропадает.

Эффект конгруэнтности проявился в характере обработки пар стимулов без аффиксов и с диминутивными аффиксами ($F_s(2, 58) = 7,7207$, $p = ,001$) (рис. 30).

В табл. 18 указаны средние значения времени реакции по каждой комбинации факторов.

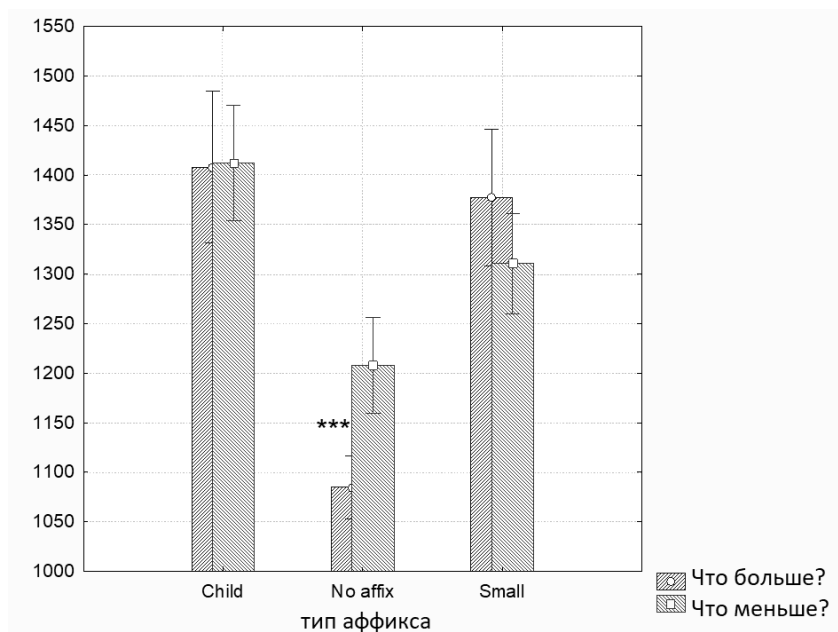

Рисунок 30 – Влияние фактора аффикса и фактора типа задания на время реакции

Таблица 18 – Средние значения и стандартная ошибка среднего по каждому значению факторов типа задания и типа аффиксов

Тип задачи	Тип аффикса	Среднее	Стандартная ошибка
Что больше?	Детскости	1408,2	76,3
	Нет аффикса	1084,7	31,5
	Диминутив	1377,7	69,0
Что меньше?	Детскости	1412,2	58,1
	Нет аффикса	1207,8	48,5
	Диминутив	1310,8	50,5

В парах слов без аффикса (*слон – заяц*, *слон – козел*, *козел – заяц*) обработка идет быстрее при задании «кто больше?»; в парах слов с аффиксами-диминутивами (*слоник – козлик*, *слоник – зайчик*, *козлик – зайчик*) обработка идет быстрее при задании «кто меньше?».

В результате проведенного исследования был подтвержден эффект символического расстояния, проявляющийся в скорости реакции в парах с наибольшим символьным расстоянием и с конгруэнтностью вопроса и направления различий, – вопрос «что больше?» в парах типа *слон – заяц*.

При неконгруэнтном вопросе «что меньше?» в парах типа *слон – заяц* нет значимого эффекта. Таким образом, эффект символического расстояния и эффект конгруэнтности были реплицированы на материале русского языка.

Далее были рассмотрены смещающие влияния: влияние параметрической деривационной семантики, его наличие и степень в парах с деривационными суффиксами уменьшительности и «детскости». Статистический анализ позволил выявить, что эффект семантического расстояния смещается в большей степени в парах с чистыми параметрическими суффиксами-диминутивами: значимого эффекта не возникает; в парах с суффиксами, обозначающими детенышей, эффект носит маргинальный характер.

Эффект символического расстояния и эффект конгруэнтности объясняются наиболее убедительно с помощью разных теорий ментальной репрезентации объекта: стандартное отклонение более сообразно идее ментального моделирования соответствующих сравниваемых объектов как их психологических образов, интегрирующих не только визуальную, но и другую сенсорную информацию. В то же время эффект конгруэнтности скорее подтверждает идею актуа-

лизации типичных пропозиций (репрезентаций вербально-логического типа), связываемых с соответствующим объектом¹.

В данной работе не преследовалась цель проверки валидности той или иной модели, однако дальнейшей перспективой могло бы стать исследование процессов ментального сравнения с использованием слов, обозначающих детенышей животных, в том числе с привлечением не только вербальных стимулов, но и изображений. Так как использование данных суффиксов практически нивелирует оба эффекта, особенности их когнитивной обработки представляют значительный интерес, их исследование может пролить свет на разрешение спора сторонников той или иной модели.

¹ *Paivio A.* Mental representations: A dual coding approach. Oxford University Press, 1990. P. 33–52, 170–212.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Amrhein P. C., McDaniel M., Waddill P.* Revisiting the picture-superiority effect in symbolic comparisons: Do pictures provide privileged access? // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2002. – № 28(5). – P. 843–857.
2. *Argamon Sh., Koppel M., Fine J., Shimoni A.R.* Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts // *Text, talk*. 2003. – Vol. 23, №. 3. – P. 321–346.
3. *Banks W. P., Mermelstein R., Howard K. Y.* Discriminations among perceptual and symbolic stimuli // *Memory, Cognition*. – 1982. – № 10(3). – P. 265–278.
4. *Banks W. P.* Encoding and processing of symbolic information in comparative judgments // *Psychology of learning and motivation*. – 1977. – № 11. – P. 101–159.
5. *Baron B.* “Geschlossene Gesellschaft”. Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? // *Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe in Sommersemester 1996*. – Konstanz, 1996. – S. 114–129.
6. *Baron B.* Die Inszenierung des Geschlechterverhältnisses im akademischen Streitgespräch. Zur Kontextabhängigkeit der Dissensformatierung // *Jahrbuch Arbeit. Bildung. Kultur*, 1996. – Bd.14. – S. 69–80.
7. *Biber D.* Variation across speech and writing. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1991.
8. *Brown N. R., Tan S.* Magnitude comparison revisited: An alternative approach to binary choice under uncertainty // *Psychonomic Bulletin, Review*. – 2011. – № 18 (2). – P. 392–398.
9. *Čech C. G., Shoben E. J.* Categorization processes in mental comparisons // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2001. – № 27(3). – P. 800–816.
10. *Čech C. G.* Is Congruity Due to Encoding? // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 1995. – № 21 (5). – P. 1275–1288.
11. *Степаненко А. А.* Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // *Вестник Томского государственного университета*. – 2017. – № 415. – С. 17–25.
12. *Dean G. M., Dewhurst S. A., Morris P. E., Whittaker A.* Selective interference with the use of visual images in the symbolic distance paradigm // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2005. – № 31 (5). – P. 1043–1068.

13. *Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition* // Journal of Experimental Psychology: General. – 2014. – № 143 (3). – P. 1065–1081.
14. *Ervin S. M.* The connotations of gender // Word. – 1962. – № 18. – P. 249–261. 28.
15. *Face Research: Experiments about face and voice preferences* [Электронный ресурс] URL: <http://faceresearch.org/demos/average> (дата обращения: 12.03.2017).
16. *Forster K. I., Chambers S. M.* (1973). Lexical access and naming time // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 12, 627–635.
17. *Gleser G. C., Gottschalk L. A., John W.* The relationship of sex and intelligence to choice of words: A normative study of verbal behavior // Journal of Clinical Psychology, 15, 1959. – P. 183–191
18. *Gohier B., Senior C., Brittain P. J., Lounes N., El-Hage W., Law V., Phillips M. L., Surguladze S.A.* Gender differences in the sensitivity to negative stimuli: Cross-modal affective priming // European Psychiatry, 28 (2013), 74–80.
19. *Holmes J.* Women, men and politeness. – Harlow: Longman, 1995.
20. *Holyoak K. J., Mah W. A.* Cognitive reference points in judgments of symbolic magnitude // Cognitive Psychology. – 1982. – № 14 (3). – P. 328–352.
21. *Homberger Dietrich.* Männersprache – Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur? // Muttersprache, 1993. – 193. – S. 89–112.
22. *Howard R. W.* Category use in abstract mental comparisons // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 1980. – № 32(4). – P. 625–633.
23. *Konishi T.* The connotation of gender A semantic differential study of German and Spanish // Word. 1994. – Vol. 45, № 3. – P. 317–326.
24. *Kousta S. T. et al.* Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words // Cognition. – 2009. – № 112 (3). – P. 473 – 481.
25. *Kousta S. T., Vinson D., Vigliocco G.* Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words. Cognition. – 2009. 112. – P. 473–481.
26. *Kuchinke L., et al.* Pupillary responses during lexical decisions vary with word frequency but not emotional valence // International Journal of Psychophysiology. – 2007. – № 65(2). – P. 132–140.
27. *Lang P. J., Bradley M. M., Cuthbert, B. N.* Emotion, attention, and the startle reflex. Psychological Review. – 1990. – № 97 (3). – P. 377–395.
28. *Larsen R. J., Mercer K. A., Balota D. A., Strube M. J.* Not all negative words slow down lexical decision and naming speed: Importance of word arousal // Emotion (Washington, D.C.). – 2008. – № 8. – P. 445–452.
29. *Leth-Steensen C., Marley A. A. J.* A model of response time effects in symbolic comparison // Psychological Review. – 2000. – Vol. 107, № 1. – P. 62.
30. *Linde J. T., Paivio A.* Symbolic comparison of color similarity // Memory, Cognition. – 1979. – № 7(2). – P. 141–148.
31. *Matthews W. J., Dylman A. S.* The language of magnitude comparison // Journal of Experimental Psychology: General. – 2014. – Vol. 143, № 2. – P. 510.

32. *McMillan J. R., Clifton A. K., McGrath, D., Gale W. S.* Women's language: Uncertainty or interpersonal sensitivity and emotionality? *Sex Roles*, 3, 1977. – P. 545–559.
33. *Mehl M. R., Pennebaker J. W.* The sounds of social life: A psychometric analysis of students' daily social environments and natural conversations // *Journal of Personality, Social Psychology*, 84, 2003. – P. 857–870.
34. *Méndez-Bértolo C., Pozo M. A., Hinojosa J. A.* Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data. *Neuroscience letters*. – 2011. – № 494(3). – P. 250–254.
35. *Mukherjee A., Liu B.* Improving Gender Classification of Blog Authors // *Proceedings of the 2010 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. – 2010. – P. 32–38.
36. *Mulac A., Lundell T. L.* Effects of gender-linked language differences in adults' written discourse: Multivariate tests of language effects // *Language, Communication*, 1994. – 14. P. 299–309.
37. *Niedenthal P. M., Setterlund J. B. H. M. B.* Being happy and seeing "happy": Emotional state mediates visual word recognition // *Cognition, Emotion*. – 1997. – № 11 (4). – P. 403–432.
38. *Olafson K. M., Ferraro F. R.* Effects of emotional state on lexical decision performance. *Brain and Cognition*. – 2011. – № 45(1). – P. 15–20.
39. *Oriet C., Tombu M., Jolicoeur P.* Symbolic distance affects two processing loci in the number comparison task // *Memory, Cognition*. – 2005. – № 33(5). – P. 913–926.
40. *Paivio A.* Mental representations: A dual coding approach. – Oxford University Press, 1990. – P. 33–52, 170–212.
41. *Pavlenko A.* Affective processing in bilingual speakers: Disembodied cognition? // *International Journal of Psychology*. – 2012. – Vol. 47, № 6. – P. 405–428.
42. Perception of diminutive suffixes context and social factors // Четвертый Санкт-Петербургский зимний симпозиум по экспериментальным исследованиям языка и речи / The Fourth Saint Petersburg Winter Workshop on Experimental Studies of Speech and Language Collected papers / под ред. Н. А. Слюсарь, Т. Е. Петровой и Т. В. Черниговской. – 2018. – С. 90.
43. *Pexman P. M. et al.* (2008) There are many ways to be rich: effects of three measures of semantic richness on visual word recognition // *Psychonomic Bull Rev.* 15 (1). – P. 161–167.
44. *Price G. R., Palmer D., Battista C., Ansari D.* Nonsymbolic numerical magnitude comparison: Reliability and validity of different task variants and outcome measures, and their relationship to arithmetic achievement in adults // *Acta psychologica*. – 2012. – № 140 (1). – P. 50–57.
45. *Schweickart O., Brown N. R.* Magnitude comparison extended: How lack of knowledge informs comparative judgments under uncertainty // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 2014. – № 143(1). – P. 273.

- 46.Scott G. G., O'Donnell P. J., Leuthold H., Sereno S. C. Early emotion word processing: Evidence from event-related potentials // *Biological Psychology*. – № 80(1). – 2009. – P. 95–104.
- 47.Scott G., O'Donnell P., Sereno S. Emotion words affect eye fixations during reading//*Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2012. – № 38(3). – P. 783–792.
- 48.Sereno S. C., Scott G. G., Thaden E. J., Bo Yao, O'Donnell P. J. Emotion word processing: does mood make a difference? // *Frontiers in Psychology*. – 2015. doi.org:10.3389/fpsyg.2015.01191
- 49.Shaki S., Algom D. The locus and nature of semantic congruity in symbolic comparison: Evidence from the Stroop effect // *Memory, cognition*. – 2002. – № 30(1). – P. 3–17.
- 50.Sheikh N. A., Titone D. A. Sensorimotor and linguistic information attenuate emotional word processing benefits: an eye-movement study / N.A. Sheikh, D.A. Titone // *Emotion*. – 2013. – № 13(6). – P. 1107–1121.
- 51.Van Opstal F., Gevers W., De Moor W., Verguts T. Dissecting the symbolic distance effect: Comparison and priming effects in numerical and nonnumerical orders // *Psychonomic Bulletin, Review*. – 2008. – № 15 (2). – P. 419–425.
- 52.Wentura D., Rothermund K., Bak P. Automatic vigilance: The attention-grabbing power of approach-and avoidance-related social information // *Journal of personality and social psychology*. – 2000. – № 78(6). – P. 1024–1037.
- 53.Whaley C. P. (1978). Word-nonword classification time. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 17, 143–154.
- 54.Yan X., Yan L. Gender Classification of Weblog Authors // *Computational Approaches to Analyzing Weblogs*. – AAAI, 2006. – P. 18–26.
- 55.Zevin J. D., Seidenberg M. S. Age of acquisition effects in word reading and other tasks // *Journal of Memory and language*. – 2002. – № 47(1). – P. 1–29. doi:10.1006/jmla.2001.2834
- 56.Араева Л. А. Словообразовательный тип в аспекте новой научной парадигмы // *Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии*. – Томск, 1998. – С. 205–211.
- 57.Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. – АСТ-Пресс Книга, 2008. – 862 с.
- 58.Васильева А. В. Особенности когнитивной обработки экспрессивной субстантивной семантики: экспериментальное исследование // *Язык и культура: сб. ст. XXVIII Междуна. науч. конф. (25–27 сент. 2017 г.)*. – Томск: Издательский Дом ТГУ. – 2018. – С. 17–24.
- 59.Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – 411 с.
- 60.Вейлерт А. А. О зависимости количественных показателей языка от пола говорящего лица // *Вопросы языкознания*. – 1976. – № 5. – С. 138–143.
- 61.Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 240 с.

62. Вернер Ф. Речевое поведение женщин и мужчин // Языкознание: РЖ ИНИОН РАН. – Сер. 6. – М., 1984. – С. 116–135.

63. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М., 1984. – С. 80–97

64. Воейкова М. Д. Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 353–373.

65. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 158 с.

66. Горошко Е. И. Теоретическая модель мужского и женского вербального поведения // Маркеры вербального и невербального поведения мужчин и женщин. – Вена; Киев, 1996. – С. 1–80.

67. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.

68. Гришаева Л. И. Пол коммуниканта как прагматический феномен // Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы Первой международной конференции. 25–26 ноября 1999 г. – М., 1999. – С. 38–39.

69. Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 383–401.

70. Добрушина Н. Р. Как использовать Национальный корпус русского языка в образовании? // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 308–329.

71. Добрушина Н. Р. Корпусные методики обучения русскому языку // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 335–352.

72. Ефанова Л. Г. Семантическая категория нормы в аспекте структурных составляющих нормативной оценки: Монография. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2012. – 154 с.

73. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка (обратный словарь), – М.: Русский язык, 1977.

74. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – М.: Русский язык, 1980. – 880 с.

75. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М., 1979. – 240 с.

76. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М., 1981. – 276 с.

77. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М., 2015.

78. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М., 1993. – С. 90–136.

79. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М., 1993. – С. 90–136.

80. Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования. – URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html (дата обращения: 08.04.2017).

81. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999.

82. Крючкова Т. Б. Некоторые экспериментальные исследования особенности использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психолингвистики / под ред. Ю. А. Сорокина и А. М. Шахнаровича. – М., 1975. – С. 186–199.

83. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М., 1981.

84. Курилович Н. Языковая репрезентация гендера // Иной взгляд: международный альманах гендерных исследований. Май 2000. – Минск, 2000. – С. 26–27.

85. Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. – АСТ-Пресс Книга, 2005 – 862 с.

86. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. – М.: Азбуковник. 2009. 1090 с.

87. Нагель О. В. Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ) // Русин. – 2015. – № 3 (41). – С. 226–240.

88. Нагель О. В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. – 2008. – № 4. – С. 53–59.

89. Нагель О. В., Темникова И. Г., Верхотурова Н. А. Когнитивные исследования языка и методология обучения иноязычному дискурсу (словообразовательный аспект) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2. – С. 33–40.

90. Нагель О. В. Словообразовательные механизмы в процессах восприятия, идентификации и использования языка: дис. ... д-ра филол. наук / Национальный исследовательский Томский государственный университет. – Томск, 2017.

91. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2015. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

92. Некрасова Е. Д. Категория одушевленности в сознании носителей русского языка (экспериментальное исследование) // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: сборник материалов II (XVI) Международной конференции молодых ученых (9–11 апреля 2015 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – Вып. 16. – С. 113–119.

93. *Перцов Н. В.* К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Рус. яз. в науч. освещении. – 2006. – № 1(11). – С. 227–245.

94. *Перцов Н. В.* О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2006». – СПб., 2006. – С. 318–331.

95. *Першай А.* Гендерные аспекты речевого поведения // Иной взгляд: международный альманах гендерных исследований. – Май 2000. – Минск, 2000. – С. 11–12.

96. *Плунгян В. А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. № 16 (2). – С. 7–20.

97. *Позовкина К. С.* Влияние экспрессивного стимула с отрицательной коннотацией на скорость реакции: гендерный аспект // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. – М.: Изд-во "Институт психологии РАН". – 2016. – С. 494–495.

98. *Резанова З. И., Шилиев К. С.* Национальный корпус русского языка в обучении особенностям использования русских диминутивов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 5. – С. 634–639.

99. *Резанова З. И.* Именная деминутивная деривация в моделях выражения оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. – Томск, 2005. – С. 196–234.

100. *Резанова З. И.* Субъективные образы времени в современных славянских языках: диминутивные модели // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 161–173.

101. *Резанова З. И.* Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 218 с.

102. *Резанова З. И., Васильева А. В., Позовкина К. С., Хабибулина А. С.* Когнитивная обработка русских экспрессивных единиц: гендерное своеобразие // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 420. – С. 74–81.

103. *Резанова З. И., Некрасова Е. Д.* Семантика диминутивных суффиксов в восприятии носителей русского языка: влияние контекстных и социальных факторов // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 421. – С. 12–21.

104. *Русская грамматика.* Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – 784 с.

105. *Русские говоры Среднего Приобья.* – Т. 2. – Томск, 1989.

106. *Словарь русского языка:* в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

107. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1990.

108. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996. – С. 160–164.
109. Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. – 2005. – Сер. 14. Психология. – № 3, 4. – С. 86–97.
110. Филь Ю. В., Резанова З. И. *Dáme si pivko nebo čajíček?* Жанровые и контекстуальные условия использования диминутивов в русском и чешском языках // Русин. – 2018. – № 2 (52). – С. 193–206.
111. Хлебникова А. Л. Гендерная метафора в моделировании образа человека в русской языковой картине мира. – Томск: Изд-во ТПУ, 2017.
112. Янцецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 1 (27). – С. 167–192.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. АСПЕКТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ДИМИНУТИВОВ. СИНКРЕТИЗМ СЕМАНТИКИ РУССКИХ ДИМИНУТИВНЫХ СУФФИКСОВ (Резанова З.И.)	4
1. СЕМАНТИКА РУССКОГО ДИМИНУТИВА В МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЯХ. КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (Резанова З.И., Филь Ю.В., Шиляев К.С.)	15
1.1 Материал и метод	15
1.2 Семантика диминутивов-существительных с временной семантикой в зеркале межъязыковых соответствий	22
1.3 Семантика диминутивов-наименований напитков в зеркале межъязыковых соответствий	37
2. СЕМАНТИКА РУССКОГО ДИМИНУТИВА В МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	47
2.1 Материал и метод	47
2.2 Семантика диминутива в восприятии носителей русского языка .	55
2.2.1 Восприятие семантики деривационного суффикса в условиях варьирования эмоционально-оценочных смыслов контекста (Резанова З.И., Артеменко Е.Д.)	55
2.2.2 Восприятие эмоциональных компонентов семантики диминутива: проблема соотношения с психолингвистически релевантными параметрами значения и функционирования слова (Васильева А.В., Резанова З.И.)	67
2.3 Аспекты гендерного своеобразия восприятия эмоциональных компонентов семантики диминутива (Резанова З.И., Позовкина К., Васильева А.В.)	82
2.3.1 Гендерные различия в восприятии семантики деривационного суффикса в условиях варьирования эмоционально-оценочных смыслов контекста	87
2.3.2 Гендерные различия в восприятии семантики диминутива ...	92

2.4 Семантика русского диминутива в межъязыковых взаимодействиях (тюркско-русская языковая пара) (Васильева А.В.)	124
2.4.1 Соотношения эмоциональности с психолингвистически релевантными параметрами значения и функционирования слова в восприятии тюркско-русских билингвов	126
2.4.2 Восприятие эмоциональных компонентов семантики диминутива тюркско-русскими билингвами	131
2.5 Влияние семантики диминутива на решение задач параметризации (Резанова З.И., Артеменко Е.Д., Шиляев К.С.)	137
Литература	157

Научное издание

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна
АРТЕМЕНКО Елена Дмитриевна
ВАСИЛЬЕВА Алина Вячеславовна
ФИЛЬ Юлия Вадимовна
ШИЛЯЕВ Константин Сергеевич

СЕМАНТИКА РУССКОГО ДИМИНУТИВА В МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЯХ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ: КОРПУСНОЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Редактор *В.С. Сумарокова*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 27.03.2019 г. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Печ. л. 10,6; усл. печ. л. 9,9; уч.-изд. л. 10,3.
Тираж 500. Заказ 473.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ИП «Завгородний Евгений Анатольевич»,
634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1